

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Селахаттин Демирташ (Selahattin Demirtaş) против Турции (№ 2)»¹

(Жалоба № 14305/17)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 22 декабря 2020 г.

По делу «Селахаттин Демирташ против Турции (№ 2)» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Ксении Туркович, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Линос-Александра Сицильяноса,

Йонко Грозева,

Винсента А. де Гаэтано,

Хелен Келлер,

Алеша Пейхала,

Кшиштофа Войтычека,

Мартиньша Митса,

Габриэль Кучко-Штадлмайер,

Алены Полачковой,

Паулиине Коскело,

Тима Эйке,

Петера Пачолаи,

Ладо Чантурии,

Джилберто Феличи,

Эрика Веннерстрёма,

Саадет Юксель, *судей,*

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты Европейского Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 18 сентября 2019 г. и 12 ноября 2020 г.,

вынес 12 ноября 2020 г. следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 14305/17) против Турецкой Республики, подан-

ной в Европейский Суд 20 февраля 2017 г. в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Турции Селахаттином Демирташем (далее – заявитель).

2. Интересы заявителя представляли в Европейском Суде М. Караман, А. Демирташ Гёкальп, Б. Молу, Р. Демир и К. Алтыпармак – адвокаты, практикующие в гг. Диярбакыр (*Diyarbakır*), Стамбуле и Анкаре. Власти Турции (далее – государство-ответчик) были представлены в Суде Представителем Турецкой Республики в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что предварительное содержание его под стражей нарушало статьи 5, 10 и 18 Конвенции и статью 3 Протокола № 1 к Конвенции.

4. 29 июня 2017 г. власти государства-ответчика были официально уведомлены о жалобе заявителя.

5. 20 ноября 2018 г. Палата Второй Секции Европейского Суда в составе: Роберта Спано, Председателя Палаты Европейского Суда, Леди Бьянку, Ишыль Каракаш, Пауля Лемменса, Валерия Грицко, Йона Фридрика Кьёльбро, Иваны Йелич, судей, а также при участии Стенли Найсмита, Секретаря Секции Европейского Суда, вынесла Постановление по настоящему делу. Она единогласно признала приемлемыми для рассмотрения по существу жалобы заявителя на нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции (в связи с предполагаемым отсутствием обоснованного подозрения), пункта 3 статьи 5 Конвенции, пункта 4 статьи 5 Конвенции (в связи с предполагаемым отсутствием безотлагательного контроля со стороны Конституционного суда Турции), а также статьи 18 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Она признала неприемлемыми для рассмотрения по существу остальные жалобы заявителя на нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции (большинством голосов) и на нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции (единогласно). Палата Суда единогласно пришла к выводу, что по делу не было допущено нарушений пункта 1 статьи 5 Конвенции и пункта 4 статьи 5 Конвенции, и признала нарушенными пункт 3 статьи 5 Конвенции и статью 3 Протокола № 1 к Конвенции. Она шестью голосами «за» при одном голосе «против» констатировала нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 3 статьи 5 Конвенции. Кроме того, она единогласно сочла необязательным отдельно обсуждать вопрос о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы заявителя на нарушение статьи 10 Конвенции и рассматривать эту жалобу по существу. Наконец, Палата Суда единогласно установила, что власти государства-ответчика

¹ Перевод с английского ООО «Развитие правовых систем».

² Настоящее Постановление вступило в силу 22 декабря 2020 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

не выполнили своих обязательств по статье 34 Конвенции и что они обязаны принять все необходимые меры для того, чтобы положить конец предварительному содержанию заявителя под стражей. К Постановлению Палаты Суда по настоящему делу прилагалось частично особое мнение судьи И. Каракаш.

6. 19 февраля 2019 г. и власти государства-ответчика, и заявитель ходатайствовали о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции, и 18 марта 2019 г. коллегия судей Большой Палаты Суда удовлетворила эти ходатайства.

7. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда. На втором заседании Винсент А. де Гаэтано, чей срок полномочий в ходе разбирательства подошел к концу, продолжил участвовать в рассмотрении дела (пункт 3 статьи 23 Конвенции и пункт 4 правила 24 Регламента Суда). Вместо Линос-Александра Сицильяноса Председателем Большой Палаты Суда стала Ксения Туркович (правила 10 и 11 Регламента Суда). Кроме того, места Ангелики Нуссбергер, Андре Потоцкого, Армена Арутюняна и Эгидиуса Куриса, которые не смогли больше принимать участие в заседаниях по делу, заняли Паулиине Коскело, Йонко Грозев, Петер Пачолаи и Ладос Чантурия (пункт 3 правила 24 Регламента Суда).

8. И заявитель, и власти государства-ответчика представили замечания по вопросу о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу и по существу дела.

9. Комиссар Совета Европы по правам человека (далее – Комиссар по правам человека) воспользовался своим правом вступить в производство по делу и представил письменные комментарии (пункт 3 статьи 36 Конвенции и пункт 2 правила 44 Регламента Европейского Суда).

10. Председатель Секции Европейского Суда разрешил Межпарламентскому союзу (далее – МПС) и двум совместно выступившим неправительственным организациям – «Статья 19» (*Article 19*) и «Хьюман Райтс Вотч» (*Human Rights Watch*) (далее – организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны) – вступить в производство по делу в качестве третьей стороны согласно пункту 2 статьи 36 Конвенции и пункту 3 правила 44 Регламента Суда, и их письменные комментарии были приобщены к материалам дела.

11. И власти государства-ответчика, и заявитель ответили на комментарии должностных лиц и организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны.

12. Публичное слушание дела состоялось во Дворце прав человека (г. Страсбург) 18 сентября 2019 г.

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) от властей государства-ответчика:

Хаджи Али Ачикгюль (Hacı Ali Açıkgül), Соуполномоченный Турецкой Республики при Европейском Суде по правам человека,

Бетюль Нас Гюлель (Betül Nas Gülöl),

Мехмет Али Тунджер (Mehmet Ali Tuncer), судьи-докладчики,

Ибрагим Хакки Беязит (İbrahim Hakkı Beyazıt),

Абдулхалук Курназ (Abdulhaluk Kurnaz),

Стефан Талмон (Stefan Talmon), консультанты;

(б) от заявителя:

Махсуни Караман (Mahsuni Karaman),

Бенан Молю (Benan Molu),

Керем Алтыпармак (Kerem Altıparmak),

Рамазан Демир (Ramazan Demir), адвокаты,

Башак Чалы (Başak Çalı),

Айгюль Демирташ Гёкальп (Aygül Demirtaş Gökalp), консультанты;

(с) от Комиссара Совета Европы по правам человека:

Дуня Миятович (Dunja Mijatović), Комиссар по правам человека,

Джанкарло Кардинале (Giancarlo Cardinale), заместитель начальника секретариата Комиссара по правам человека,

Хасан Бермек (Hasan Bermek), советник Комиссара.

Европейский Суд заслушал выступления Б. Чалы, К. Алтыпармака, Р. Демира, Б. Молю, А. Ачикгюль, С. Талмона и Д. Миятович, а также ответы Б. Чалы, К. Алтыпармака и С. Талмона на вопросы судей.

13. В различные даты с 19 ноября 2019 г. по 14 июля 2020 г. власти государства-ответчика и заявитель представили дополнительные замечания по делу.

ФАКТЫ

14. Заявитель родился в 1973 году. На момент подачи жалобы в Европейский Суд он содержался под стражей в г. Эдирне (*Edirne*).

I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА ЗАЯВИТЕЛЯ

15. В период времени, относящийся к обстоятельствам настоящего дела, заявитель был одним из сопредседателей Демократической партии народов (далее – ДПН) – левой прокурдской политической партии. Начиная с 22 июля 2007 г. он являлся депутатом Великого национального собрания Турции (далее – Национальное собрание). После парламентских выборов 1 ноября 2015 г. он был переизбран депутатом Национального собрания от ДПН и занимал эту должность до парламентских выборов 24 июня 2018 г., на которых он не баллотировался в качестве кандидата.

16. На президентских выборах 10 августа 2014 г. заявитель получил 9,76% голосов. Кроме того, он баллотировался на президентских выборах 24 июня 2018 г., на которых набрал 8,32% голосов.

II. СОБЫТИЯ, ПРОИЗОШЕДШИЕ 6–8 ОКТЯБРЯ 2014 Г.

17. В сентябре и в октябре 2014 года члены вооруженной террористической организации ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта)¹ начали наступательную операцию в сирийском городе Кобани (*Kobani*) (Айн-эль-Араб (*Ayn al-Arab*) по-арабски), расположенном примерно в 15 км от турецкого приграничного города Суруч (*Suruç*). Произошли вооруженные столкновения между отрядами ИГИЛ и отрядами народной самообороны (далее – ОНС), сформированными в Сирии, которые считаются в Турции террористической организацией из-за их связей с РПК (вооруженной террористической организацией «Рабочая партия Курдистана»)².

18. После того как в Сирии наступило затишье, власти Турции открыли границы для тысяч беженцев, скопившихся на турецко-сирийской границе, большинство которых составляли курдские женщины, дети и старики. Однако власти закрыли эту границу в направлении Сирии, чтобы туда не смогли проникнуть желающие воевать в Кобани. Начиная со 2 октября 2014 г. в Турции прошло множество демонстраций, а несколько неправительственных организаций на местном и международном уровне опубликовали заявления, призывающие к международной солидарности с Кобани против осады со стороны ИГИЛ. В частности, они обратились к властям с просьбой разрешить бойцам пересечь границу в направлении Сирии.

19. 5 октября 2014 г. в аккаунте в Твиттере, положительно контролирующемся одним из лидеров РПК, было размещено следующее сообщение:

«Мы призываем молодежь, женщин и всех, кому от 7 до 70 лет, сражаться за Кобани, защищать нашу честь и достоинство и оккупировать городские районы» («*Gençleri kadınları 7'den 70'e herkesi Kobane'ye sahip çıkmağa onurumuzu namusumuzu korumaya metropollerini işgal etmeye çağırıyoruz*»).

20. 6 октября 2014 г. в официальном аккаунте ДПН в Твиттере, @HDPgenelmerkezi, было размещено три сообщения следующего содержания:

– «Срочный призыв к нашему народу! Центральный исполнительный комитет ДПН, который сейчас заседает, обращается к нашему народу со

срочным призывом! Обстановка в Кобани крайне опасна. Мы призываем наш народ выйти на улицы и поддержать тех, кто открыто выступает против нападений ИГИЛ и блокады Кобани правительством ПСР [Партии справедливости и развития]» («*Halklarımıza acil çağrı! Şuanda toplantı halinde olan HDP MYK'dan halklarımıza acil çağrı! Kobane'de duruş son derece kritiktir. IŞİD saldırılarını ve AKP iktidarının Kobane'ye ambargo tutumunu protesto etmek üzere halklarımızı sokağa çıkmağa ve sokağa çıkmış olanlara destek vermeye çağırıyoruz*»).

– «Мы призываем весь наш народ, всех, кому от 7 до 70 лет, [выйти] на улицы, [закрепиться] там и выступить против попыток устроить в Кобани кровавую резню» («*Kobane'de yaşanan katliam girişimine karşı 7 den 70 e bütün halklarımızı sokağa, alan tutmağa ve harekete geçmeye çağırıyoruz*»).

– «Отныне Кобани везде. Мы призываем не прекращать сопротивление до тех пор, пока в Кобани не прекратится блокада и жестокая агрессия» («*Bundan böyle her yer Kobane'dir. Kobane'deki kuşatma ve vahşi saldırganlık son bulana kadar süresiz direnişe çağırıyoruz*»).

21. В тот же день на сайте www.firatnews.com было опубликовано заявление организации, известной как Союз общин Курдистана (*Koma Civakên Kurdistan, KCK*) (далее – СОК)³, которая, по мнению Высшего кассационного суда Турции, является террористической организацией и «городским крылом» РПК. В этом заявлении отмечалось следующее:

«Волна революции, начавшаяся в г. Кобани, должна прокатиться по всему Курдистану, и на этом основании мы призываем курдскую молодежь к восстанию. ...Все наши люди, которые могут отправиться в г. Суруч, должны поехать туда немедленно, не теряя ни секунды, и каждая пядь Курдистана должна встать на защиту Кобани... Мы призываем весь наш народ, всех, кому от 7 до 70 лет, сделать невыносимой жизнь ИГИЛ и его пособников из ПСР, где бы они ни находились, и бороться с этими бандами [несущими ответственность за] кровавую резню, доведя бунт [*Serhildan* по-курдски] до кульминации» («*Kobani ile başlayan devrim dalgası tüm Kürdistan'a yayılmalı ve Bu temelde Kürt gençliğinin ayaklanması çağrısında bulunuyoruz... Bütün halkımız Suruç'a gidebilecekler hemen bir saniye zaman kaybetmeden gitmeli ve Kürdistan'ın her karış toprağı Kobane için ayağa kalkmalıdır... Tüm halkımızı yediden yetmişe bulunduğu her yerde yaşamı IŞİD ve işbirlikçisi AKP'ye dar etmeye ve serhildanı en üst düzeyde geliştirerek bu katliamcı çetelere karşı durmağa çağırıyoruz*»).

22. 7 октября 2014 г. Исполнительный комитет СОК опубликовал на том же сайте следующее заявление:

«Наш народ должен продолжать борьбу, которую он начал против этой ужасной и веролом-

¹ Решением Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2014 г. организация признана террористической, ее деятельность на территории Российской Федерации запрещена (примеч. редактора).

² Организация признана террористической организацией многими странами мира, а также Евросоюзом (примеч. редактора).

³ Союз общин Курдистана – национально-политическая организация курдов, основанная курдским лидером Абдуллой Оджалом, ранее называвшаяся Конфедерация народов Курдистана (*Koma Komalên Kurdistan*) (примеч. редактора).

ной кровавой резни, максимально расширяя ее в пространстве и во времени. Наш народ на севере [в юго-восточной части Турции] не должен дать бандам ИГИЛ и их сторонникам ни малейшего шанса на выживание. Все улицы должны превратиться в улицы Кобани, а сила и организационный уровень этого исторического и уникального сопротивления должны расти. С этого часа миллионы людей должны выйти на улицы, а к границе должны устремиться толпы народу. Сочувствующие [нашему делу] курды и все честные люди, друзья и группы лиц не должны сидеть сложа руки. Сейчас самое время развивать и расширять сопротивление. Поэтому мы призываем наш народ, все группы тех, кто сочувствует [нашему делу], и наших друзей сомкнуть ряды и усилить борьбу в Кобани. Мы призываем всех молодых людей, особенно курдов, вступить в ряды борцов за свободу в Кобани и усилить сопротивление» («*Halkımız bu çirkin ve sinsi katliam karşısında başlattığı mücadeleyi her yere, her zamana taşıyarak süreklileştirmelidir. Kuzey halkımız IŞİD çetelerine, uzantılarına ve destekçilerine hiçbir yerde yaşam şansı tanımamalıdır. Tüm sokaklar Kobani sokaklarına dönüştürülmeli, tarihin bu eşsiz direnişine denk bir direniş gücü ve örgütlülüğü geliştirilmelidir. Bu saatten itibaren milyonlar sokaklara akmalı, sınır insan seline dönüşmelidir. Her Kürt ve onurlu her insan, dostlar, duyarlı kesimler bu andan itibaren eyleme geçmelidir. An direniş eylemini geliştirme ve büyütme anıdır. Bu temelde tüm halkımızı, duyarlı kesimleri, dostlarımızı Kobani direnişini sahiplenerek büyüme, başta Kürt gençleri olmak üzere tüm gençleri Kobani de özgürlük saflarına katılarak direnişi yükseltmeye çağırıyoruz*»).

23. Начиная с 6 октября 2014 г. демонстрации (см. выше § 18) приобрели агрессивный характер. Начались столкновения между различными группами, и силы безопасности прибегли к силовым мерам. Эскалация насилия привела к тому, что в неуставленные даты губернаторы многих городов ввели комендантский час.

24. В двух высказываниях 7 и 9 октября 2014 г. заявитель подчеркнул, что он не сторонник использования силы во время демонстраций. Он отметил, что его партия готова сотрудничать с властями, но сначала власти должны установить тех, чьи призывы привели к насилию.

25. По данным, упомянутым в постановлении Конституционного суда Турции от 21 декабря 2017 г. (№ 2016/25189) по индивидуальной жалобе заявителя, в результате применения силы 6 и 8 октября 2014 г. было убито 50 человек и ранено 772 человека, в том числе 331 сотрудник сил безопасности. Пострадало не менее 1 881 автомобиля и 2 558 зданий, в том числе больницы и школы. В ходе последующих расследований по уголовным делам, проведенных компетентными органами власти, был задержан 4 291 человек, из них в отношении 1 105 человек была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (см. § 30 постановления Конституционного суда). По утверждениям прокуратуры, насилие было спровоцировано призывами, размещенными в аккаунте ДПН в Твиттере (см. выше § 20).

26. 9 октября 2014 г. заявитель выступил в штабе ДПН в г. Диярбакыр. В части, имеющей отношение к настоящему делу, его речь содержала следующий фрагмент:

«Мы выступили с соответствующими призывами [имеются в виду сообщения, размещенные в аккаунте ДПН в Твиттере] потому, что, по нашим данным, ИГИЛ добралось до пограничного перехода в Муршитпынаре (*Mürşitpınar*). Люди вышли на улицы, но насилия нигде не было. Мы никого не призывали к насилию. Мы призывали к политической борьбе. Насилие усугубилось не из-за призывов ДПН и не из-за народных демонстраций. Это власти должны установить, кто спровоцировал [участников демонстрации]. Насилия быть не должно. Нет необходимости вмешиваться в проведение демонстраций в поддержку Кобани...» («*DAEŞ örgütünün Mürşitpınar sınır kapısına dayandığını öğrendiğimiz için bahsi geçen çağrılar yaptık, insanlar sokağa çıktı hiçbir yerde şiddet kullanılmadı. Şiddet kullanılsın demedik. Siyasi mücadele amaçlı bir çağrı yaptık. Şiddeti büyüten HDP'nin çağrısı değil, halkın gösterileri değil. Tahrik edenleri bulmak hükümetin görevidir. Şiddet eylemleri olmamalı. Kobane'yi sahiplenme eylemlerine müdahale edilmemeli...*»).

27. В интервью, опубликованном 13 октября 2014 г. в ежедневной газете «Универсал» (*Evrensel*), заявитель высказался следующим образом:

«Это напрямую связано с Кобани. Это не мы должны усмирять толпу. Мы не имеем такого влияния на людей, да это и необязательно. Мы полагаем, что толпу усмирят практические меры, которые могли принять власти, чтобы вытеснить ИГИЛ из Кобани. Конечно, я не имею в виду насилие. Мы не поощряем насилие, например применение оружия, поджоги, уничтожение имущества [и] грабежи. Мы не призываем к [этим действиям] и не организуем их. Однако мы призываем людей выплескивать свой гнев в постоянном протесте, днем и ночью, повсюду: на площадях, дома, на улицах, в машинах. Мы и сейчас не отказываемся от этого призыва» («*Doğrudan Kobaniyle bağlantılıdır. Öfkeyi yatıştırabilecek olan biz değiliz. Bizim halk üzerinde ne böyle bir gücümüz vardır ne de buna gerek vardır. Yani halk IŞİD'e karşı durmasın sempati duysun diye uğraşacak değiliz. Biz hükümetin atacağı pratik adımların IŞİD'in Kobani'den püskürtülmesiyle sonuçlanmasının bu öfkeyi durduracağını düşünüyoruz. Elbette ki bundan kastettiğim şiddet olayları değil. Biz silah kullanma, yakıp yıhma, yapmalama gibi şiddet eylemlerini teşvik etmedik, tahrik etmedik, örgütlemedik ama halkın öfkesinin alanlarda, meydanlarda, gece gündüz evinde, sokakta, arabasında elindeki bütün imkanlarla bir protestoya dönüşmesinin çağrısını yaptık. O çağrının da halen arkasındayız*»).

III. «ПРОЦЕСС УРЕГУЛИРОВАНИЯ» И ЕГО ЗАВЕРШЕНИЕ

28. 11 октября 2011 г. заявитель, который в то время был сопредседателем Партии мира и демократии (ПМД) – левой прокурдской политической партии, – выступил на заседании парламентской

фракции своей партии. В своем выступлении он, в частности, отметил следующее:

«Он [Абдулла Оджалан] не тот человек, которого нужно держать в тюрьме на Имралы (*İmralı*), он [воплощает в себе] будущее Турции, если говорить о свободе и мире. Поэтому власти должны как можно скорее перевести его на домашний арест. Это серьезное предложение. Смотрите, годами мы твердили “поезжайте на Имралы и встречайтесь [с ним]”, [а] вы нападали [на нас], вы оскорбляли [нас], вы говорили “а разве это возможно?” И тем не менее вы туда приехали и встретились [с ним]. У вас неплохо получилось. Годы спустя вы остановили кровопролитие; вам удалось [договориться] о перемирии. Разве это плохо? Кто знает, сколько жизней было сохранено, сколько молодых людей было спасено, сколько матерей было избавлено от страданий? Наше предложение было уместно [и] справедливо, мы настаивали на нем, и оно воплотилось в жизнь. Теперь Турция должна обсудить и наше нынешнее предложение, опираясь на рациональный подход и здравый смысл. Мы указываем правильный, рациональный, реалистичный путь, о котором мы знаем [и] в который мы верим. Никакие другие пути не ведут к решению [курдского вопроса]. Вывешивая флаги, пытаясь повсюду вывесить флаги, вы только провоцируете кровопролитие, вы только откладываете вопрос на десятилетия, только усугубляете ситуацию. Если вы попытаетесь линчевать тех, кто указывает вам рациональные пути, не останется никого, с кем можно разговаривать и вести переговоры. Это намерение линчевать нас, этот оскорбительный подход к нашим предложениям – серьезнейшая и проблемная политика, которая не дает решить этот вопрос. Мы должны открыто обсудить, что не так с домашним арестом. Идет ли в данном случае речь о курдском вопросе? Да. Столкнулись ли мы в данном случае с исторической проблемой, доставшейся нам в наследство от Османской [империи]? Да. Должны ли мы решить эту проблему? Да. Привела ли эта проблема к 29 восстаниям? Да. Когда было последнее восстание? Кто стоит во главе этого восстания? Абдулла Оджалан. Где он? На Имралы» (*‘İmralı’da tutulan bir şahıs değildir, Türkiye’nin özgürlüğe, barışa dair geleceğidir. O nedenle ev hapsini kısa vadede hemen uygulamaya koymalıdır hükümet, bu öneri ciddi bir öneridir. Bakın yıllarca, “gidin İmralı’da görüşme yapın” dedik, saldırdınız, hakaretler ettiniz “böyle şey mi olur” dediniz. Bunu söylerken bile gidip görüştünüz. İyi de yaptınız. Görüştüğünüz yıllarda akan kanı durdurdunuz, ateşkesleri sağladınız. Fena mı oldu? Kim bilir kaç bin insanın canı kurtuldu, kaç bin gencin canı kurtuldu, kaç bin ananın acısını önlediniz fena mı oldu? Önerimiz yerindeydi, doğruydu, ısrar ettik gerçekleşti. Şimdi bu yaptığımız öneriyi de sağduyuyla sağlıklı, akılcı bir şekilde Türkiye tartışmak durumundadır. Bildiğimiz, inandığımız, doğru, akılcı, gerçekçi yolu gösteriyoruz. Bunun dışındaki hiçbir yol çözüm yolu değildir. Şuraya buraya bayrak dikmekle, bayrak dikmeye çalışmakla sadece kan dökersiniz, sadece sorunu on yıllarca ertelersiniz, sorunu büyütürsünüz. Ama akılcı yolları gösterenleri linç etmeye çalışırsanız ortada görüşebileceğiniz, ortada konuşabileceğiniz hiç kimse kalmayacaktır. Bize yönelik bu linç tutumu, bizim önerilerimize karşı bu hakaretvari yaklaşım çözümün önünü tıkayan en ciddi, en sıkıntılı anlayıştır. Açıkça tartışılın, ev hapsinin neyi yanlışır? Ortada bir Kürt*

sorunu var mı? Var. Osmanlı’dan devraldığımız tarihi bir sorunu karşı karşıya mıyız? Evet. Bu sorunu çözmek zorunda mıyız? Evet. Bu sorun 29 isyana konu olmuş mu? Evet. Son isyan hangisi? Bu isyan, bu isyanın lideri kim? Abdullah Öcalan. O nerede? İmralı’da»).

29. В конце 2012 года начался мирный процесс, который получил название «процесс урегулирования». Он был направлен на поиск долговременного мирного решения курдского вопроса. Было проведено несколько реформ для улучшения защиты прав человека в Турции. Делегация из депутатов, в состав которой входил и заявитель, несколько раз ездила на остров Имралы, где содержится в тюрьме Абдулла Оджалан, лидер РПК, который в 1999 году был осужден за действия, направленные на отделение части территории Турции, а также за то, что он с этой целью создал и возглавил террористическую организацию. В 2013 году А. Оджалан призвал к прекращению вооруженной борьбы. 29 февраля 2015 г. делегация вместе с тогдашним вице-премьером представила «консенсус Долмабахче (*Dolmabahçe*)» – декларацию примирения, состоящую из 10 пунктов. Тогдашний премьер-министр страны заявил, что этот консенсус означает принятие существенных мер по пресечению террористической деятельности в Турции. Однако вскоре после того, как было объявлено о примирении, президент Турции заявил, что заключение властями соглашения с террористической организацией не обсуждается. По-видимому, это заявление положило конец консенсусу. Впоследствии, за несколько недель до парламентских выборов 7 июня 2015 г., вице-премьер сделал следующее заявление для прессы: «Если ДПН пройдет в парламент и правительство ПСР потеряет власть, никакого процесса урегулирования не будет».

30. 5 июня 2015 г. в г. Диярбакыр из-за теракта, предположительно совершенного ИГИЛ, погибло два человека. По неустановленным причинам на последнем предвыборном митинге ДПН произошло два взрыва, в результате которых было ранено еще более 100 человек.

31. 7 июня 2015 г. в Турции прошли парламентские выборы, по итогам которых в Национальное собрание впервые прошла прокурдская партия. ДПН набрала 13,12% голосов и стала второй по величине оппозиционной партией. Кроме того, впервые с 2002 года ПСР не получила большинства мест в парламенте.

32. 20 июля 2015 г. в г. Суруч произошел теракт, предположительно совершенный ИГИЛ. В результате погибло 34 человека и еще более 100 человек было ранено.

33. 22 июля 2015 г. в г. Джейланпынар (*Ceylanpınar*) в результате еще одного теракта, предположительно совершенного членами РПК, двое полицейских были убиты у себя дома. Исполнители убийств, которые фактически положили конец «процессу урегулирования», до сих пор не найдены.

34. На следующий день после этого теракта возобновились вооруженные столкновения между силами безопасности и РПК. Лидеры РПК призвали людей вооружаться и строить подземные системы и туннели, которые можно было бы использовать во время вооруженных столкновений. Кроме того, они объявили, что все гражданские служащие в регионе отныне будут считаться пособниками ПСР, а значит, могут подвергнуться нападению.

35. 28 июля 2015 г. президент Турции сделал заявление для прессы, настаивая на том, что лидерам ДПН придется «расплатиться» за теракты. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в заявлении было сказано следующее:

«Я не сторонник роспуска политических партий. Однако я заявляю, что лидерам этой партии [ДПН] придется за это расплатиться. Каждому из них лично» («*Ben parti kapatılması olayını doğru bulmuyorum. Fakat bu partinin yöneticilerinin bu işin bedelini ödemeleri gerekir diyorum. Fert fert, birey birey*»).

36. В тот же день заявитель выступил на заседании парламентской фракции своей партии, отметив следующее:

«Мы не допустим убийства тех, кто сейчас в горах [метафора, использующаяся для обозначения членов РПК], в вооруженных силах или в полиции; мы не считаем это нормальным. Они не должны за это расплачиваться. Мы взяли бразды правления у нашего народа, чтобы расплатиться; для этого они за нас и голосовали. Мы готовы заплатить любую цену, но те, кто с нами воюет, и те, кто враждебно к нам относится, должны быть такими же смелыми, как мы. Иначе они проигрывают, они проиграют. Мы увидим это все вместе. В результате сопротивления они будут повержены. В Турции воцарится мир. Наступит свободное будущее Турции, если только мы не забудем принцип ДПН, вокруг которого мы все объединились» («*Biz, ne dağdakinin, ne askerdekinin, ne polisin öldürülmesine izin vermeyeceğiz, hiçbirini normal karşılamayacağız. Onlar bedel ödemesin. Biz bedel ödemek için halkımızdan yetki aldık, bize bunun için oy verdiler. Ne bedel ödenecekse, biz hazırız. Ama bizimle mücadele edenler de, bize düşmanlık yapanlar da en az bizim kadar cesur olmalılar. Yoksa kaybederler, kaybedecekler. Bunu hep birlikte göreceğiz. Onlar bu direniş karşısında yenilecekler. Türkiye'nin barış duygusu kazanacak. Türkiye'nin özgür yarınları, özgür geleceği kazanacak. Yeter ki, nasıl bir HDP ilkesi etrafında birleştikimizi tek bir dakika bile unutmayalım*»).

37. 10–19 августа 2015 г. в 19 городах Турции, подавляющее большинство которых расположено на юго-востоке страны, было провозглашено самоуправление.

38. Члены Патриотического революционно-го движения молодежи (*Yurtsever Devrimci Gençlik Hareketi, YDG-H*) (далее – ПРДМ), которое считается молодежным крылом РПК, выкопали окопы и построили баррикады в нескольких городах на востоке и юго-востоке Турции, в том числе в гг. Джизре (*Cizre*), Силопи (*Silopi*), Сур (*Sur*), Идиль (*İdil*) и Нусайбин (*Nusaybin*), чтобы в них не могли

войти силы безопасности. По утверждениям сил безопасности, ПРДМ ввезло в регион много оружия и взрывчатых веществ.

39. В августе 2015 года местные губернаторы ввели комендантский час в городах на юго-востоке Турции. Как заявлялось, эти меры были направлены на то, чтобы засыпать окопы, вырытые членами террористических организаций, убрать заложенные там взрывчатые вещества и защитить мирных жителей от насилия. Силы безопасности провели в районах, где был введен комендантский час, операции с использованием тяжелой военной техники.

40. 19 августа 2015 г. в г. Сиирт (*Siirt*) в результате теракта, совершенного членами РПК, погибло восемь военнослужащих.

41. 6 и 8 сентября 2015 г. в результате двух терактов, совершенных РПК, погибло 16 военнослужащих и 13 сотрудников полиции.

42. После того как в районе Сур был введен комендантский час, заявитель 13 сентября 2015 г. в г. Лидже (*Lice*) сделал заявление для прессы. Он отметил следующее:

«Наш народ хочет самоуправления, своих собственных собраний и муниципалитетов, которыми руководят избранные представители, а не назначенцы. Наш народ вправе сопротивляться давлению и политике кровавой резни повсюду. Мы вправе защищаться от любых нападений. Мы покажем, что мы не теряем надежды, мы будем бороться все вместе, мы добьемся спасения, не забывая своей родины и своей истории и защищая свои права» («*Halkımız atananların değil seçilmişlerin yetkili olduğu kendi meclisleri ile belediye ile kendini yönetmek istiyor. Halkımız her yerde baskı politikalarına katliam politikalarına karşı direnebilecek güçtedir. Bütün saldırılara karşı kendimizi koruyacak gücümüz var. Çaresiz olmadığımızı gösteriyoruz, birlikte direneceğiz, kendi ana vatanımızı da tarihimizi de unutmadan haklarımızı da savunarak hep birlikte kurtuluşa gideceğiz*»).

43. 10 октября 2015 г. ИГИЛ совершило в г. Анкаре теракт, который, по общему мнению, стал самым масштабным в истории Турции. Было убито более 100 человек и еще более 500 человек было ранено. Большая часть потерпевших являлась участниками демонстрации, откликнувшимися на призыв нескольких неправительственных организаций, в том числе ДПН, выразить недовольство всплеском насилия в Турции.

44. После провала переговоров по формированию коалиционного правительства были проведены досрочные выборы 1 ноября 2015 г., на которых ДПН набрала 10,76% голосов. ПСР выиграла выборы и вернула себе большинство мест в Национальном собрании.

45. В заявлении для прессы 18 декабря 2015 г. заявитель отметил следующее:

«Везде, где вы проводите операции [по обеспечению безопасности], царит атмосфера энтузиазма, а не страха и паники. А знаете почему?

[Потому что] эти люди абсолютно уверены в своей победе с самого первого дня. Они защищают благородное, справедливое и достойное дело. Мы больше не допустим, чтобы победили жестокость и фашизм: победу одержит эта борьба. Тем, кто пытается ее обесценить, называя ее [сопротивлением] окопов и траншей, нужно обратиться к истории. Этому перевороту сопротивлялись десятки миллионов героев и смельчаков. Вы ведете войну с народом. Народ сопротивляется и будет сопротивляться повсюду. На следующей неделе, 26 и 27 декабря, мы примем участие в чрезвычайном заседании Конгресса демократического общества [далее – КДО] в г. Диярбакыр. Мы организуем активные дискуссии и примем важные решения о процессах самоуправления и автономии и об их реализации на политической сцене. Мы воплотим все эти решения в жизнь» («*Bugün operasyon yaptığınız her yerde korku ve panik havası değil coşku havası hakim. Neden biliyor musunuz? O insanlar daha ilk günden kazandıklarından o kadar eminler ki. Onurlu, şerefli, haysiyetli bir davanın savunucularıdır. Bir kez daha zulmün, faşizmin kazanmasına izin vermeyeceğiz, bu direniş kazanacaktır. Öyle henek, çukur diye küçümsemeye çalışanlar da dönüp tarihe baksınlar. On milyonlarca kahraman, yiğit bu darbeye karşı direnen insan var. Sen halka karşı savaş açmışsın. Halk her yerde direnir, direnecektir. Önümüzdeki haftasonu 26–27 Aralık'ta Diyarbakır'da Demokratik Toplum Kongresi'nin olağanüstü kongresine bizler de katılacağız. Öz yönetimin, özerkliğin inşası ve içinin doldurulması süreci çok yoğun tartışmalar yapacağız, önemli kararlar alacağız. Bunların hepsini hayata geçireceğiz*»).

46. 22 декабря 2015 г. в обращении к Национальному собранию заявитель отметил следующее:

«Посмотрите на Сараево. Четыре года Сараево находилось в осаде, четыре года. Блокада охватывала один квартал за другим. Люди, которых сейчас с энтузиазмом славят как героев, – что они сделали для того, чтобы помешать политике кровавой резни и геноцида? Они рыли окопы, строили баррикады, вешали шторы, чтобы снайперы их не убили, копали туннели, чтобы выйти из-под осады, и пытались наладить систему подземного транспорта, чтобы добыть еду и воду. Сегодня Давутоглу делает то же самое в городах своей собственной страны. Если военные операции прекратятся, полицейские операции остановятся, если власти скажут: “Что такое самоуправление? Что такое автономия? Давайте пойдем и послушаем”, – что власть от этого потеряет?» («*Saraybosna'ya bakın. 4 yıl boyunca Saraybosna'da bir kuşatma yaşandı, 4 yıl. Mahalle mahalle ablukaya aldılar. Ne yaptı oradaki insanlar? Bugün övgüyle, coşkuyla, kahramanlık öyküsüyle anlattığımız Saraybosna'da o katliam, soykırım politikalarına karşı ne yaptı insanlar; henek kazdılar, barikat kurdular, perde astılar keskin nişancılar vurmasın diye, yeraltına tüneller kazdılar ablukayı kırmak için, kendilerine yemek ve su bulabilmek için yeraltından ulaşım sağlamaya çalıştılar. Aynı şeyi bugün Davutoğlu kendi ülkesinde ilçelere dayatıyor. Askeri operasyonlar son bulsa, polis operasyonları son bulsa, şu sokağa çıkma yasakları kaldırılrsa, “özyönetim nedir, özerklik nedir, bunu bir dinleyelim, gelin, müzakere edelim” dese bir hükümet, ne kaybedecek?*»).

47. 26 декабря 2015 г. заявитель принял участие в чрезвычайном заседании КДО. Он выступил с речью, в которой он отстаивал идеи самоуправления и сопротивления. Он отметил, что люди строят баррикады и роют окопы, чтобы помешать планам властей г. Анкары устроить кровавую резню. Заключительное заявление КДО содержало призыв к созданию автономных регионов.

48. 29 декабря 2015 г. президент Турции заявил журналистам, что выступления заявителя являются «явной провокацией и предательством».

49. В заявлении для прессы 2 января 2016 г. президент Турции отметил следующее:

«Заявления двух сопредседателей явно являются преступлениями против Конституции. В отношении их обоих прокуратура возбудила уголовные дела. Эти вопросы заслуживают того, чтобы ими заняться. Вопрос о закрытии партии не следует даже поднимать. Однако некоторые депутаты, мэры или другие люди, возможно, совершили преступления. Нужно, чтобы они за это заплатили. Уголовные дела, возбужденные главными прокурорами гг. Диярбакыр и Анкары, следует рассматривать именно под этим углом зрения. Я думаю, что процесс, который начнется с лишения [парламентской] неприкосновенности, оздоровит атмосферу в нашей стране в том, что касается борьбы с терроризмом. Мы не можем мириться с выступлениями, направленными на то, чтобы расколоть страну. Мы ни при каких обстоятельствах не можем допустить государства в государстве. Мы должны принять необходимые меры, реагируя на эти проблемы, применяя санкции и приводя в движение [механизм] правосудия. В Национальное собрание поступило более 160 дел. Когда они будут рассмотрены, мы выложим их на стол и примем соответствующие меры» («*İki eşbaşkanın yaptığı açıklamalar kesinlikle anayasa suçu. Haklarında cumhuriyet başsavcılıklarının başlattıkları süreçler var. Bu konular takip edilmeli. Parti kapatma olayı gündeme dahi gelmemeli. Ama suçu irtikap eden milletvekili, belediye başkanı veya başkaları olabilir. Bunlar bunun bedelini ödemek durumundadır. Diyarbakır ve Ankara başsavcılıklarının başlattığı soruşturmaları da bu çerçevede değerlendirmek lazım. Dokunulmazlıklarının kaldırılması suretiyle başlayacak süreç, inanyorum ki terörle mücadele açısından ülkemizdeki havayı da olumlu yönde etkileyecektir. Ülkeyi parçalayıp bölmeye yönelik mesajları kabul etmemiz mümkün değil. Devlet içinde devleti kabul etmemiz asla mümkün değil. Bunlara karşı gerekli cevabın verilmesi, müeyyide uygulanması, yargı mekanizmasının devreye girmesi suretiyle atılması gereken adımlar var. Meclis'te 160'ı aşkın dosyaları var. Bunlar gözden geçirildiği zaman neyi kapsıyor, masaya yatırılacak ve ona göre adım atılacaktır*»).

50. 12 января 2016 г. на заседании фракции своей политической партии в Национальном собрании заявитель выступил с речью, в которой он снова отстаивал идеи самоуправления и дал высокую оценку «сопротивлению». В соответствующей части в его выступлении говорилось следующее:

«Дорогие друзья, поверьте мне: если делегировать полномочия местным властям, это улучшит

работу не только муниципалитетов [которые руководят члены] ДПН, но и муниципалитетов [которыми руководят члены] ПСР, ПНД [Партии националистического движения] и НРП [Народно-республиканской партии]. Мы хотим [этого], потому что так местные власти смогут работать лучше, а не разделять и не раскалывать страну. Мы хотим, чтобы власть принадлежала местным [властям], мы хотим, чтобы они принимали решения самостоятельно, подлежали общественному контролю при утверждении бюджета или [при применении] своих методов, которые должны быть прозрачными и эффективными. Это мы и называем самоуправлением, это мы и называем автономией. Я заявляю, что однажды, волею Аллаха, наша страна вновь обретет эту модель управления, а не диктатуру. Я желаю успеха на этой неделе всем своим друзьям в парламенте, всем функционерам и членам партии. Я передаю привет и теплые пожелания нашему народу [и] всем нашим друзьям, участвующим в сопротивлении в Джизре, Силопи и Суре» (*İnanın ki değerli arkadaşlar, bizim arzu ettiğimiz yerel yönetimlere yetki devri de yapılsa, sadece HDP'li belediye değil, AKP'li belediyeler de dahi iyi çalışacak, MHP'li belediyeler de, CHP'li belediyeler de daha iyi çalışacak. Biz yerel yönetimler daha iyi çalışsın istiyoruz, ülke bölünsün, parçalansın değil. Yerelde yetki olsun, kendi kararlarını, bütçelerini, uygulamalarını yaparken, halkın denetimine açık, şeffaf, güçlü yerel yönetimler olsun istiyoruz; özyönetim dediğimiz budur, özerklik dediğimiz budur. İnşallah ülkemiz bir gün o yönetim modeline kavuşacak, diktatörlüğe değil diyoruz. Bu hafta içerisinde hem milletvekili arkadaşlarımıza, hem bütün Parti görevlilerine, çalışanlarımıza ben başarılar diliyorum. Cizre'ye, Silopi'ye, Sur'a da, bütün halkımıza, direnen bütün arkadaşlarımıza da buradan bir kez daha sevgi, selamlarımızı iletıyorum*).

51. 9 февраля 2016 г. на заседании фракции своей политической партии в Национальном собрании заявитель отметил следующее:

«Отмалчиваться по поводу Джизре [и] Сура и всех этих зверств значит капитулировать перед ПСР с ее политикой поляризации и раскола, которая приводит к гражданской войне. Мы вышли на улицы, [проводим] митинги и демонстрации потому, что мы выступаем против этого» (*«Cizre'ye, Sur'a ve yaşanan bütün bu vahşete sessiz kalmak işte bu AKP'nin kutuplaştırıcı, ayrıştırıcı ve iç savaşı giderek tetikleyen politikalarına teslim olmak demektir. Biz buna itiraz ettiğimiz için yollardayız, yürüyüşlerdeyiz»*).

52. 23 февраля 2016 г. заявитель выступил на заседании фракции своей политической партии в Национальном собрании. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в своей речи он отметил следующее:

«Будет ли решен курдский вопрос за три-пять дней, когда вы отмените комендантский час в Джизре? Будет ли решен курдский вопрос, когда вы истребите около двухсот мирных жителей, в том числе женщин [и] детей, которые сейчас оказывают сопротивление в Суре [и], как в Джизре, [когда] вы варварски обливаете их тела бензином, чтобы их семьи не смогли их опознать и похоронить?» (*«Örneğin siz, Cizre'de üç-beş gün sonra sokağa çıkma yasağını kaldırdığınızda, Kürt sorunu çözülmiş*

mü olacak? Sur'da şu anda sıkıştırmaya çalıştığınız 200'e yakın sivil, kadın, çocuk, direnişti, onları katlettiğinizde örneğin, Cizre'deki gibi yapıp, cenazelerine bile benzin döküp, "Aileleri tanıyamasın, cenaze törenleri bile yapılamasın" barbarlığıyla yaklaştığınız uygulamalarla sonuç aldığınızda Kürt sorunu çözülmüş mü olacak?»)

53. В выступлении 26 марта 2016 г. заявитель провел различие между войной, которую он назвал нелегитимной, и сопротивлением, которое, по его мнению, является легитимной реакцией на фашистскую политику властей, считающих миллионы людей террористами.

54. 4 октября 2016 г. на заседании фракции своей политической партии в Национальном собрании заявитель отметил следующее:

«Я выступаю с новым призывом. Выходить на улицы – легитимно. Сопrotивляться жестокости – легитимно, [это наше с вами] право. Или для тебя [имеется в виду президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган] это легитимно, а для нас не легитимно? Для тех, кто вышел на улицы протестовать против государственного переворота 15 июля, это легитимно, а для тех, кто вышел на улицы протестовать против [назначения губернаторов вместо избранных мэров], против заключения депутата под стражу, это не легитимно? Нужно уважать желания каждого. Народ вправе повсюду выражать свою демократическую реакцию мирными средствами, и мы никогда не сдадимся. Они будут говорить [например], что на улицах небезопасно, но не верьте им. Улицы – одно из самых легитимных мест демократии» (*«Tekrar çağırıyorum. Sokak meşrudur. Zulme karşı direniş meşrudur, haktır. (Alkışlar) Sana meşrudur da, bize meşru değil mi? 15 Temmuz darbesine karşı sokağa çıkana meşrudur da, kayyuma karşı, vekil tutuklanırsa sokağa çıkacaklar gayrimeşru mudur? Herkesin iradesi saygındır. Halk demokratik tepkisini her yerde barışçıl çerçevede gösterme hakkını, hukukuna sahiptir ve asla vazgeçmeyeceğiz. Aman aman, bunlar, "efendim sokak tehlikelidir" falan filan diyecekler, kanmayın bunlara. Sokak demokrasinin en meşru alanlarından biridir»*).

IV. КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОПРАВКА, КАСАЮЩАЯСЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

55. 16 марта 2016 г. президент Турции выступил в президентском комплексе перед старостами (*muhtars*) деревень и окрестных сёл. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в своей речи он отметил следующее:

«Мы должны немедленно решить вопрос неприкосновенностью. Парламент должен быстро идти вперед. [Мы не можем обсуждать, имеет ли смысл лишать неприкосновенности] только одного – двух человек. Нам нужно установить принцип. Какой же это принцип? Люди, которые допустили гибель 52 человек, призвав моих курдских братьев выйти на улицы, будут появляться в парламенте, люди, утверждающие, что за ними стоят РПК, ПДС [Партия демократического союза] и ОНС, останутся безнаказанными, так, что ли? Если парламент не примет необходимых мер, их призовут

к ответу эта нация и история» («*Dokunulmazlıklar meselesini süratle neticelendirmeliyiz. Parlamento adını süratle atmalıdır. Bir kişi mi olsun, iki kişi mi? Biz ortaya ilkeyi koymalıyız. Nedir bu ilke? Benim Kürt kardeşlerimi sokağa dökerek 52 kişinin ölümüne yol açan kişiler yargılanmayacak da parlamentoda boy gösterecek, arkasında PKK'nin, PYD'nin, YPG'nin olduğunu söyleyenler temiz olacak öyle mi? Parlamento gereğini yapmazsa, bu millet, tarih bu parlamentodan hesabını sorar*»).

56. 20 мая 2016 г. Национальное собрание приняло конституционную поправку, добавившую в Конституцию Турции 1982 года переходную статью. Согласно этой поправке, лишение парламентской неприкосновенности, которая предусмотрена частью второй статьи 83 Конституции, производится во всех случаях, когда до момента принятия данной поправки в Национальное собрание поступили запросы о лишении неприкосновенности. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в пояснительной записке к конституционной поправке сказано следующее:

«В то время как Турция ведет самую решительную и активную кампанию по борьбе с терроризмом за всю свою историю, некоторые депутаты до или после избрания выражают в своих выступлениях моральную поддержку терроризму, фактически оказывают поддержку и помощь терроризму и террористам [и] призывают к насилию; [эти действия] вызывают в обществе негодование. Турецкий народ считает, что депутаты, поддерживающие терроризм и террорист[ов] и призывающие к насилию, злоупотребляют своей [парламентской] неприкосновенностью, и призывает Великое национальное собрание Турции предать суду тех, кто так поступает. Когда в парламент подается такое требование, невозможно себе представить, чтобы он промолчал» («*Türkiye, tarihinin en büyük ve en kapsamlı, terörle mücadelesini yürütürken, bazı milletvekillerinin seçilmeden önce ya da seçildikten sonra yapmış oldukları teröre manevi ve moral destek manasındaki açıklamaları, bazı milletvekillerinin teröre ve teröristlere fiili manada destek ve yardımları, bazı milletvekillerinin ise şiddet çağrıları kamuoyunda büyük infial meydana getirmektedir. Türkiye kamuoyu milletvekillerinden, her şeyden önce, terörü ve teröristi destekleyen, şiddete çağrı yapan milletvekillerinin dokunulmazlığı istismar ettiğini düşünmekte, bu tür fiilleri onların yargılanmasına Meclis tarafından izin verilmesini talep etmektedir. Böyle bir talep karşısında, Meclis'in sessiz kalması düşünülemez*»).

57. Конституционная поправка затронула в общей сложности 154 из 550 депутатов, которые в то время заседали в Национальном собрании, в том числе 59 депутатов от НРП, 55 депутатов от ДПН, 29 депутатов от ПСР и 10 депутатов от ПНД, а также одного независимого депутата.

58. В разные дни в отношении 14 депутатов от ДПН, в том числе заявителя, и одного депутата от НРП была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, так как они находились под следствием.

59. В неустановленную дату 70 депутатов обратилось в Конституционный суд Турции с просьбой

произвести проверку соответствующей конституционной поправки. Их основной довод заключался в том, что эту поправку нужно считать «парламентским решением» о лишении неприкосновенности, вытекающей из наличия у них статуса депутата, согласно статье 83 Конституции Турции. Они утверждали, что Конституционный суд должен рассмотреть вопрос о конституционности этого «решения» в соответствии со статьей 85 Конституции.

60. В постановлении № 2016/117, вынесенном 3 июня 2016 г., Конституционный суд Турции единогласно оставил эту просьбу без удовлетворения. Суд отметил, что дело касается конституционной поправки в формальном смысле этого слова и что ее нельзя считать парламентским решением о лишении депутатов неприкосновенности. Далее суд отметил, что эту поправку можно было бы рассмотреть в порядке, предусмотренном статьей 148 Конституции Турции. Однако, согласно этой статье, обращаться в Конституционный суд с просьбой произвести проверку этой поправки могут только Президент Турции или одна пятая членов Национального собрания, состоящего из 550 депутатов. Придя к выводу, что в данном случае это требование выполнено не было, Конституционный суд оставил просьбу депутатов без удовлетворения.

61. 8 июня 2016 г. конституционная поправка была опубликована в Официальном вестнике. В тот же день она вступила в силу.

V. ИЗБРАНИЕ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЕГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

62. В тот период времени, когда заявителя два раза подряд избирали депутатом, компетентные органы прокуратуры подготовили в отношении него 93 отчета о расследовании (*fezleke*) по его делу, большая часть которых касалась преступлений террористической направленности. Прокуратура обратилась в Национальное собрание с просьбой лишить заявителя парламентской неприкосновенности. 45 этих отчетов о расследовании было составлено в 2007–2014 годах. В 2015 и 2016 годах в Национальное собрание поступило в общей сложности 48 отчетов о расследовании.

63. После вступления в силу конституционной поправки о лишении парламентской неприкосновенности (см. выше § 56) прокурор г. Диярбакыр (далее – прокурор) решил соединить 31 отдельное уголовное дело в отношении заявителя для расследования в одном производстве. В настоящее время на рассмотрении турецких судов находится еще семь уголовных дел в отношении заявителя. Однако в связи с тем, что настоящая жалоба не касается этих дел и расследований, поскольку заявитель не сформулировал применительно к ним каких-либо жалоб при обращении в Европейский

Суд, все содержащиеся ниже ссылки на «уголовное дело» имеют отношение к расследованию, ведущемуся прокуратурой г. Диярбакыр.

64. С июля по октябрь 2016 года компетентные прокуроры шесть раз направляли заявителю повестки, вызывая его для дачи показаний в рамках следствия по возбужденному в отношении него уголовному делу. Однако заявитель не явился в следственные органы, отметив в выступлении на заседании парламентской фракции своей политической партии в апреле 2016 года, что ни один депутат от ДПН не станет давать показаний добровольно.

65. 9 сентября 2016 г. мировой суд г. Диярбакыр ограничил право адвокатов заявителя знакомиться с материалами дела и снимать копии с содержащихся в них документов. В неустановленную дату заявитель подал жалобу на это решение, но 19 ноября 2016 г. эта жалоба была оставлена без удовлетворения.

66. 3 ноября 2016 г. мировой суд г. Диярбакыр по ходатайству прокурора выдал ордер на проведение обыска в доме заявителя.

67. Впоследствии 4 ноября 2016 г. силы безопасности провели операции в отношении 12 депутатов от ДПН, в том числе заявителя, которых задержали и заключили под стражу в отделениях полиции.

68. В тот же день заявителя в сопровождении трех адвокатов доставили к прокурору г. Диярбакыр. Он утверждал, что его задержали и заключили под стражу в отделении полиции по распоряжению президента Турции из-за его политической деятельности, и отказался отвечать на вопросы по предъявленным ему обвинениям.

69. Впоследствии прокурор г. Диярбакыр ходатайствовал перед 2-м мировым судом г. Диярбакыр об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с принадлежностью к вооруженной террористической организации (пункт 1 статьи 314 Уголовного кодекса Турции) и публичным подстрекательством к совершению преступления (пункт 1 статьи 214 Уголовного кодекса Турции).

70. В тот же день заявителя доставили во 2-й мировой суд г. Диярбакыр. Его адвокат утверждал, в частности, что его подзащитный не подлежит уголовному преследованию, а значит, не может быть лишен свободы, поскольку он пользуется иммунитетом от уголовной ответственности согласно части первой статьи 83 Конституции Турции. Заслушав выступления адвокатов заявителя, мировой судья избрал в отношении заявителя меру пресечения в виде заключения под стражу. В решении мирового судьи были приведены следующие мотивы:

«Подозреваемый Салахаттин Демирташ предстал перед мировым судьей для допроса в связи с такими [предполагаемыми] преступлениями, как публичное подстрекательство к совершению преступления и принадлежность к вооруженной

террористической организации. Подозреваемый все еще является депутатом, но, тем не менее, не вправе пользоваться парламентской неприкосновенностью в связи с преступлениями, [совершенными] до 20 мая 2016 г., в силу изменений, внесенных в часть вторую статьи 83 Конституции Законом от 20 мая 2016 г. № 6718. [Как установлено ниже,] имеются конкретные доказательства, дающие серьезные основания предполагать, что [подозреваемый] совершил преступления:

(а) 5 октября 2014 г. в 12 часов 07 минут в аккаунте в Твиттере “@murat_karayilan”, предположительно принадлежащем члену “исполнительного комитета” террористической организации РПК/СОК, было размещено сообщение следующего содержания: “Мы призываем молодежь, женщин и всех, кому от 7 до 70 лет, сражаться за Кобани, защищать нашу честь и достоинство и оккупировать городские районы”. 6 октября 2014 г. на сайте *firatnews.com*, который известен тем, что там публикуется информация в интересах террористической организации РПК/СОК, было размещено следующее заявление, [сделанное от имени] Координационного совета [курдской молодежной организации] “Комален Дживан” (*Komalen Ciwan*): “Как мы знаем, вот уже 23 дня фашисты из ИГИЛ совершают варварские действия в центре Кобани. В этой ситуации самые смелые молодые [девушки и юноши] Курдистана сопротивляются, [и] мы чтим память тех, кто пал на этом уникальном этапе сопротивления. Их имена будут вписаны в историю золотыми буквами, [и] мы хотим заявить, что мы не прекратим борьбу, которую они начали. В связи с этим мы призываем курдскую молодежь последовать примеру Арин Миркан [бойца женских оборонительных отрядов, которая подорвала себя гранатой в битве при Кобани, попав в окружение боевиков ИГИЛ] во славу душ наших товарищей-мучеников Жиян, Гериллы и Милитана”. После опубликования этого призыва в 10 часов 20 минут центральный исполнительный комитет Демократической партии народов, ДПН (в том числе подозреваемый, который вместе с другими членами [участвовал в заседании] исполнительного комитета 6 октября 2014 г.), разместил в Твиттере следующее сообщение: “Срочный призыв к нашему народу! Центральный исполнительный комитет ДПН, который сейчас заседает, обращается к нашему народу со срочным призывом! Обстановка в Кобани крайне опасна. Мы призываем наш народ выйти на улицы и поддержать тех, кто открыто выступает против нападений ИГИЛ и блокады Кобани правительством ПСР”. В 10 часов 51 минуту аккаунт ДПН в Твиттере подтвердил это сообщение. После этого в том же аккаунте было размещено еще одно сообщение следующего содержания: “Мы призываем весь наш народ, всех, кому от 7 до 70 лет, [выйти] на улицы, [закрепиться] там и выступить против попыток устроить в Кобани кровавую резню”. Кроме того, [было опубликовано следующее сообщение]: “Отныне Кобани везде. Мы призываем не прекращать сопротивление до тех пор, пока в Кобани не прекратится блокада и жестокая агрессия”. После опубликования этих сообщений 6, 7 и 8 октября 2014 г. в ходе столкновений в 16 турецких городах были совершены... преступления. Был сделан вывод, что в результате этих преступлений погибло 50 человек, в том числе 12 человек в г. Диярбакыр, 678 человек

было ранено, а 1 113 зданий (в том числе больницы, школы, банки и здания администрации) стали непригодными для использования. [Указанные выше] заявления подозреваемого дают серьезные основания предполагать на основании конкретных указаний, что он одновременно с членами террористической организации РПК/СОК совершил преступление, публично подстрекая к совершению преступления.

(б) 9 октября 2014 г. в присутствии журналистов нескольких телевизионных каналов подозреваемый сделал в отделении ДПН в г. Диярбакыр следующее заявление для СМИ, в котором он отметил:

“Мы выступили с соответствующими призывами потому, что, по нашим данным, ИГИЛ добралось до пограничного перехода в Муршитпынаре”;

“Если бы не этот призыв, события в регионе невозможно было бы предотвратить”;

“Люди вышли на улицы, но насилия нигде не было. Мы никого не призывали к насилию”;

“7 октября 2014 г. в г. Варто (*Varto*) (Муш (*Muş*)) сотрудниками сил безопасности был убит молодой человек”;

“В г. Батман (*Batman*) неуставленные гражданские лица открыли огонь по участникам демонстрации”;

“Люди недовольны мирным процессом, который не дает результатов; настроение у них плохое”.

“Насилия быть не должно. Нет необходимости вмешиваться в проведение демонстраций в поддержку Кобани...”.

13 сентября 2015 г. подозреваемый в г. Лидже сделал следующее заявление для прессы по поводу объявления комендантского часа в районе Сур администрацией г. Диярбакыр: “Наш народ хочет самоуправления, своих собственных собраний и муниципалитетов, которыми руководят избранные представители, а не назначенцы. Наш народ вправе сопротивляться давлению и политике резни повсюду. Мы вправе защищаться от любых нападений. Мы покажем, что мы не теряем надежды, мы будем бороться все вместе, мы добьемся спасения, не забывая своей родины и своей истории и защищая свои права”.

18 декабря 2015 г. подозреваемый вместе с Камураном Юксеком (*Kamuran Yükses*), Сельмой Ирмак (*Selma Irmak*) и Эртугрулом Кюркчу (*Ertuğrul Kürkçü*) сделал заявление для прессы. [Он отметил следующее:] “Везде, где вы проводите операции [по обеспечению безопасности], царит атмосфера энтузиазма, а не страха и паники. А знаете почему? [Потому что] эти люди абсолютно уверены в своей победе с самого первого дня. Они защищают благородное, справедливое и достойное дело. Мы больше не допустим, чтобы победили жестокость и фашизм: победу одержит эта борьба. Тем, кто пытается ее обесценить, называя ее [сопротивлением] окопов и траншей, нужно обратиться к истории. Этому перевороту сопротивлялись десятки миллионов героев и смельчаков. Вы ведете войну с народом. Народ сопротивляется и будет сопротивляться повсюду. На следующей неделе, 26 и 27 декабря, мы примем участие в чрезвычайном заседании

Конгресса демократического общества [КДО] в г. Диярбакыр. Мы организуем активные дискуссии и примем важные решения о процессах самоуправления и автономии и об их реализации на политической сцене. Все эти решения мы воплотим в жизнь”.

26, 27 и 28 октября 2007 г. подозреваемый вместе с мэрами и членами ПДО [Партии демократического общества – левой прокурдской политической партии] принял участие в “первом общем съезде” КДО (Конгресса демократического общества), созданного и функционирующего в соответствии с частью третьей Соглашения СОК.

26 декабря 2015 г. подозреваемый сделал на съезде КДО [следующие] заявления: “Баррикады и окопы появились не в результате того, что курдский народ хочет обрести самоуправление; они появились из-за того, что люди, которые строили планы устроить в г. Анкаре кровавое побоище, начали эти планы осуществлять. Какие окопы, какие баррикады? Нам нельзя недооценивать этот вопрос. Борьба в окопах и на баррикадах [имеет те же мотивы, что и] борьба с фашизмом и кровавыми побоищами: право на достойную жизнь. Если однажды кто-то откажется это признать и обсуждать и скажет, что он посадит в тюрьму и поставит на колени любого, кто так думает... “А, они построили баррикады, но это не так уж и много – что еще они могут сделать?” Они критикуют нас, потому что именно так говорят люди. Если мы – политики, неправительственные организации, организации рабочих, организации женщин, организации молодежи, местные власти, сможем поддержать самоуправление, если мы сможем шаг за шагом его достичь, мы решим эту историческую проблему. Эта борьба увенчается победой. Я благодарен всем нашим друзьям [которые нас не подводят], которые борются, которые не сдаются, [и] всем нашим товарищам, которые, несмотря ни на что, остаются в эти времена на стороне народа. Я еще раз повторяю свое обещание сохранять верность и привязанность по отношению к нашим друзьям, их семьям и мученикам от 7 до 70 лет, которые рискуют жизнью”.

26 марта 2016 г. в актовом зале администрации г. Енишехир (*Yenişehir*) подозреваемый выступил с речью [в которой он заявил]: “Бесчестно не забирать труп, бесчестно оставлять труп лежать на земле. Мы смотрим на [происходящее] со стыдом, нам действительно стыдно. [Они говорят:] “А, ты пришел, чтобы выразить соболезнования”, “нет, пришел депутат [от твоей партии]”, “нет, пришел кто-то еще...”. Может ли в стране быть 15 миллионов террористов? Если вы [подозреваете] в терроризме каждого, в частности, если вы [подозреваете] курдов, которые отстаивают [свои] права и свободы, [и] если вы заявляете о готовности принять необходимые меры, [этот] 15-миллионный народ будет бороться с вашими фашистскими приемами всеми доступными средствами. [В этих обстоятельствах] борьба становится легитимной. Война же, напротив, не легитимна, [в] войне нет легитимности. Борьба легитимна. Народ будет обязан заплатить более высокую цену, наша молодежь будет обязана заплатить более высокую цену, [а] мы, политики, сможем только смотреть на то, что происходит, оплакивая убийство своих самых близких [друзей] у нас на глазах. В этих обстоятельствах я полагаю, что Конгресс демо-

кратического общества вновь обретет энтузиазм, который у него был с момента создания».

Кроме того, с учетом решения прокуратуры г. Диярбакыр соединить материалы нашего дела с материалами [следующих] дел: дело № 2016/29478 о совершении преступлений от имени террористической организации лицом, не являющимся ее членом, дело № 2016/24008 о совершении преступлений от имени террористической организации лицом, не являющимся ее членом, дело № 2016/29479 о совершении преступлений от имени террористической организации лицом, не являющимся ее членом, дело № 2016/24950 о ведении пропаганды в интересах террористической организации и принадлежности к террористической организации, дело № 2016/29476 о совершении преступлений от имени террористической организации лицом, не являющимся ее членом, дело № 2016/24946 о совершении преступлений от имени террористической организации лицом, не являющимся ее членом, дело № 2016/35438 о публичном разжигании ненависти и вражды, дело № 2016/35211 об организации, проведении незаконных публичных митингов и демонстраций, на которых ведется пропаганда в интересах террористической организации и восхваляются преступления и преступники, и участия в таких митингах и демонстрациях, дело № 2016/24237 об организации и проведении незаконных публичных митингов и демонстраций, на которых ведется пропаганда в интересах террористической организации, и участия в таких митингах и демонстрациях, дело № 2016/35447 о публичном разжигании ненависти и вражды, восхвалении преступлений и преступников и ведении пропаганды в интересах террористической организации, дело № 2016/23921 о ведении пропаганды в интересах террористической организации, дело № 2016/23920 о публичном разжигании ненависти и вражды [и] ведении пропаганды в интересах террористической организации, дело № 2016/24617 о публичном разжигании ненависти и вражды [и] ведении пропаганды в интересах террористической организации, дело № 2016/29488 о ведении пропаганды в интересах террористической организации, дело № 2016/29489 о ведении пропаганды в интересах террористической организации, дело № 2016/24542 о восхвалении преступлений и преступников и дело № 2016/35454 об организации и проведении незаконных публичных митингов и демонстраций и участия в таких митингах и демонстрациях, [а также] ведении пропаганды в интересах террористической организации,

– на основании конкретных доказательств было установлено наличие оснований предполагать, что подозреваемый совершил преступление, заключающееся в принадлежности к террористической организации.

(с) В отношении подозреваемого Селахаттина Демирташа существуют «конкретные доказательства, дающие серьезные основания предполагать [совершение] преступления», о котором говорится в пункте 1 статьи 100 УПК (№ 5271), специфические сведения и доказательства, которые наш суд считает убедительными из-за наличия серьезных указаний (подозрений), о которых говорится в пункте 3 статьи 19 Конституции, и обоснованного подозрения по смыслу положений подпункта

“с” пункта 1 статьи 5 [Европейской] Конвенции [по правам человека]. (Следует напомнить, что в соответствии с подпунктом “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции заключение лица под стражу допускается только в рамках производства по уголовному делу для того, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения (см. Постановление Европейского Суда по делу “Йечиус против Литвы” (Jėčius v. Lithuania), жалоба № 34578/97, § 50, ECHR 2000-IX; Постановление Европейского Суда по делу “Влох против Польши” (Włoch v. Poland), жалоба № 27785/95¹, § 108, ECHR 2000-XI; и Решение Европейского Суда по делу “Пойраз против Турции” (Poýraz v. Turkey) от 17 февраля 2015 г., жалоба № 21235/11, § 53). Важнейшей частью гарантии, закрепленной в подпункте “с” пункта 1 статьи 5 Конвенции, является “обоснованность” подозрения, которое должно лежать в основе ордера на арест. Обоснованное подозрение предполагает наличие фактов или сведений, которые убедили бы объективного наблюдателя в том, что человек мог совершить преступление. Однако то, что можно считать обоснованным, зависит от всех обстоятельств дела (см. Постановление Европейского Суда по делу “Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства” (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom) от 30 августа 1990 г., § 32, Series A, № 182; Постановление Европейского Суда по делу “О’Хара против Соединенного Королевства” (O’Hara v. United Kingdom), жалоба № 37555/97, § 34, ECHR 2001-X; Постановление Европейского Суда по делу “Коркмаз и другие против Турции” (Korkmaz and Others v. Turkey) от 21 марта 2006 г., жалоба № 35979/97, § 24; Постановление Европейского Суда по делу “Сулейман Эрдем против Турции” (Süleyman Erdem v. Turkey) от 19 сентября 2006 г., жалоба № 49574/99, § 37; и Решение Европейского Суда по делу “Чичек против Турции” (Çiçek v. Turkey) от 3 марта 2015 г., жалоба № 72774/10, § 62).

С учетом характера предположительно совершенного подозреваемым преступления, которое заключалось в том, что он создал и возглавил вооруженную террористическую организацию, того, что оно входит в число преступлений, о которых говорится в подпункте “а” (11) пункта 3 статьи 100 УПК (№ 5271), и упомянутых выше указаний на наличие конкретных доказательств, дающих серьезные основания предполагать, существуют серьезные основания предполагать [sic] совершение соответствующего преступления, а значит, основания для заключения под стражу согласно подпункту “а” (11) пункта 3 статьи 100 УПК.

Как отмечается в постановлениях Конституционного суда от 27 октября 2011 г. (№№ Е. 2010/71 и К. 2011/143) и от 27 декабря 2012 г. (№№ Е. 2012/35 и 2012/203), принцип соразмерности включает в себя принципы “целесообразности”, “необходимости” и “соразмерности” [sic]. Ввиду характера предположительно совершенного подозреваемым преступления, нижней и верхней границы предусмотренного законом наказания в виде лишения свободы, важности дела, предполагаемого наказания и меры безопа-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 10 (примеч. редактора).

сности заключение [подозреваемого] под стражу соразмерно преследуемой цели. Определенные основания требуют содержать [подозреваемого] под стражей; следовательно, [несмотря на риски, связанные с содержанием подозреваемых под стражей] был, тем не менее, сделан вывод о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Этой цели нельзя достичь путем применения мер судебного надзора; по результатам оценки положений о мерах судебного надзора [их] сочли недостаточными. По этим основаниям решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу будет соответствовать принципу соразмерности, закрепленному в статье 13 Конституции и в пункте 1 статьи 100 УПК (№ 5271). С учетом всех приведенных выше соображений мер судебного надзора недостаточно. Существуют конкретные доказательства, дающие серьезные основания предполагать, что подозреваемые совершили преступления. Существуют основания для оставления их под стражей, и [эта мера] является соразмерной. Существуют основания для заключения под стражу, о которых говорится в статье 19 Конституции, в статье 5 [Конвенции] и в статье 100 УПК (№ 5271). Кроме того, лишение свободы в данном случае является законным для целей применения пункта 1 статьи 5 [Конвенции и] не противоречит принципу верховенства права, закрепленному в положениях [Конвенции] и в статье 100 УПК. [Соответственно,] на основании статьи 100 и последующих статей УПК в отношении подозреваемого избирается мера пресечения в виде заключения под стражу».

71. В тот же день компетентные мировые судьи в различных городах избрали меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении еще восьми депутатов от ДПН.

72. 8 ноября 2016 г. заявитель обжаловал решение об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

73. Решением от 11 ноября 2016 г. 3-й мировой суд г. Диярбакыр оставил жалобу заявителя без удовлетворения. В решении говорилось, что заявитель содержится под стражей в связи со следующими преступлениями: принадлежность к вооруженной террористической организации и публичное подстрекательство к совершению преступления.

74. 1 декабря 2016 г. 2-й мировой суд г. Диярбакыр рассмотрел вопрос о целесообразности оставления заявителя под стражей по собственной инициативе, опираясь только на материалы дела. Мировой судья решил продлить срок содержания заявителя под стражей, установив, что оно является обоснованным ввиду характера предполагаемых преступлений и того, что они входят в число преступлений, о которых говорится в пункте 3 статьи 100 УПК, наличия обоснованного подозрения в совершении заявителем преступления по смыслу положений статьи 5 Конвенции; наличия серьезных оснований подозревать заявителя в совершении преступления для целей применения статьи 19 Конституции, а также существования фактов, указывающих на наличие серьезных оснований предполагать, что он совершил преступление, для целей

применения статьи 100 УПК. Приняв во внимание суровость наказаний, предусмотренных законом за соответствующие преступления, мировой судья счел дальнейшее предварительное содержание заявителя под стражей соразмерным, а меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, – недостаточными.

75. 5 декабря 2016 г. заявитель обжаловал это решение, добиваясь освобождения из-под стражи.

76. Решением от 6 декабря 2016 г. 1-й мировой суд г. Диярбакыр оставил эту жалобу без удовлетворения, указав, что заявитель содержится под стражей исключительно из-за принадлежности к вооруженной террористической организации.

77. 12 декабря 2016 г. заявитель подал еще одну жалобу на предварительное содержание его под стражей. Он утверждал, в частности, что, согласно статье 83 Конституции, он пользуется парламентской неприкосновенностью, а это означает невозможность привлечения его к ответственности за мнения, которые он высказывал в ходе парламентских сессий. В неустановленную дату эта жалоба была оставлена без удовлетворения. Стороны не предоставили копии соответствующего решения.

78. 11 января 2017 г. прокурор направил в суд по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр обвинительное заключение по делу заявителя, насчитывающее 501 страницу (без учета приложений). Он предъявил заявителю обвинение в том, что тот создал или возглавил вооруженную террористическую организацию (пункт 1 статьи 314 Уголовного кодекса Турции), вел пропаганду в интересах террористической организации (15 эпизодов – пункт 2 статьи 7 Закона Турции «О борьбе с терроризмом»), публично подстрекал к совершению преступления (пункт 1 статьи 214 Уголовного кодекса Турции), восхвалял преступления и преступников (четыре эпизода – пункт 1 статьи 215 Уголовного кодекса Турции), публично разжигал ненависть и вражду (два эпизода – пункт 1 статьи 216 Уголовного кодекса Турции), призывал к несоблюдению требований закона (пункт 1 статьи 217 Уголовного кодекса Турции), организовывал незаконные митинги и демонстрации и участвовал в них (три эпизода – пункт 1 статьи 28 Закона Турции «О митингах и демонстрациях» (Закон № 2911)) и не повиновался требованиям сотрудников сил безопасности о разгоне незаконной демонстрации (пункт 1 статьи 32 Закона № 2911). Прокурор просил назначить заявителю наказание в виде лишения свободы на срок от 43 до 142 лет.

79. Обвинения, предъявленные заявителю прокурором, можно описать следующим образом:

(i) В выступлении в отделении ПМД в г. Батман 27 октября 2012 г. заявитель вел пропаганду в интересах террористической организации РПК, призывая людей закрыть свои магазины и не

отправлять своих детей в школу в знак протеста, добиваясь освобождения лидера РПК.

(ii) 13 ноября 2012 г. в гг. Нусайбин и Кызылтеп состоялись две демонстрации в знак протеста против условий содержания под стражей лидера РПК, и в г. Кызылтеп заявитель сделал следующие замечания:

«Они сказали, что нельзя вывешивать плакат [с изображением] Оджалана. Те, кто так говорит... Я скажу прямо: мы собираемся поставить памятник председателю Апо¹. Курдский народ сейчас возродился. Со своим лидером, своей партией, своими избранными представителями, своими детьми, своей молодежью и стариками это один из величайших народов Ближнего Востока» («*Demişler ki Öcalan posterini asamazsınız. Onu diyenlere açıkça sesleniyorum... Biz başkan Apo'nun heykelini dizeceğiz heykelini. Kürt halkı artık ayağa kalkmış bir halktır. Önderiyle, partisiyle, seçilmişleriyle, çocuğuyla, genciyle, yaşlılarıyla Ortadoğu'nun en büyük halklarından biridir*»). Согласно обвинительному заключению, эти замечания являлись пропагандой в интересах террористической организации.

(iii) В выступлении в отделении ПМД в г. Диярбакыр 21 апреля 2013 г. заявитель отметил следующее: «Раньше курдское движение рассматривало войну как легитимную войну в порядке самообороны. Теперь, если у вас достаточно опыта, чтобы бороться [и] добиваться успеха с помощью методов, не связанных с использованием силы, применять оружие неправильно с моральной [и] политической точки зрения. Сегодня те, кто критикуют нас, говорят также, что без движения РПК не было бы курдского народа, по крайней мере в турецком Курдистане. Нельзя говорить о существовании курдов в турецком Курдистане. Без государственного переворота в 1984 году [в 1984 году произошли первые теракты РПК], без партизанской войны никто сегодня не может говорить о существовании курдского народа; у курдов не было другого выбора. Когда сопротивление в Шемдинли [и] в Эрухе только начиналось [первые теракты были совершены РПК в районе Шемдинли (*Şemdinli*) в Хаккари и в районе Эрух (*Eruh*) в Сиирте 15 августа 1984 г.], никто не знал, что происходит, но сегодня сопротивление обеспечило реальное существование [курдского] народа. Мы обрели свое национальное самосознание» («*Kürt hareketi savaşı meşru müdafaa savaşı olarak ele aldı. Şimdi eğer elinizde silah dışında yöntemlerle güçle, mekanizmayla direnebilecek, başarabilecek yeteri kadar birikim varsa siz buna rağmen silahı kullanırsınız birincisi bu ahlaki olmaz ikincisi de siyasi olarak da doğru bir tercih olmaz. Kürt halkı evet bugün biz sadece söylemiyoruz, bizi eleştirenler de söylüyordu, PKK hareketi olmasaydı bugün Kürt halkı diye bir şey Türkiye Kürdistan'ı için en azından olmayacaktı. Türkiye*

Kürdistan'ında Kürtlerin varlığından söz edilmeyecekti. 1984 hamlesi olmasaydı, gerilla savaşı olmasaydı, kimse bugün Kürt halkının varlığından söz edemezdi, çünkü Kürtlerin başka çaresi yoktu. ...Şemdinli'de Eruh'ta ilk direniş sergilendiğinde kimse ne olduğunu farkında değildi ama o direniş bugün büyük bir halk gerçeği yarattı. Kimliğimizi kazandık»).

(iv) После провозглашения самоуправления и операций сил безопасности заявитель несколько раз отмечал, что соответствующие операции – это кровавая резня, которой занимаются власти Турции, и называл некоторые действия, приписываемые членам РПК, актами сопротивления.

(v) Заявитель активно работал над учреждением КДО, который, по мнению прокурора, был создан для повышения осведомленности общества о взглядах РПК, и выступал на заседаниях, организованных КДО.

(vi) Заявитель отвечал за деятельность политического крыла незаконной организации СОК. В связи с этим прокурор представил, в частности, следующие доказательства:

– два документа под заголовками «*documento*» и «*ikram ark*», обнаруженные на жестком диске компьютера, изъятого дома у некоего А.Д., который в то время являлся мэром района Сур г. Диярбакыр и в 2017 году был приговорен к лишению свободы сроком на 18 лет за то, что он возглавлял террористическую организацию; согласно этим документам, S.O., предполагаемый лидер СОК в Турции, велел нескольким людям, в том числе заявителю, навестить родственников İ.E., по ошибке убитого РПК;

– записи перехваченных телефонных переговоров между S.O. и К.У., сопредседателем Демократической партии регионов (левой прокурдской политической партии), который впоследствии был приговорен к лишению свободы сроком на 21 год за то, что он возглавлял террористическую организацию, и между К.У. и заявителем. Согласно этим записям, S.O. велел нескольким людям, в том числе заявителю, принять участие в некоторых совещаниях за рубежом, в том числе в г. Страсбурге.

• В расшифровке соответствующих фрагментов разговора, состоявшегося между заявителем и К.У. 4 декабря 2008 г., указано следующее:

«К.У.: С учетом важности программы он говорит, что вы и Г. должны принять участие в заседании Совета [Европы], которое продлится два дня. Он считает, что [это] очень важно.

[Заявитель]: Он звонил три или четыре раза.

К.У.: Ну вот, к этому они и пришли. Меня это не слишком тревожит, я [ему] сказал, что наши друзья [пытаются] решить проблему, [но у них пока не получается]. Сейчас он говорит, что мы, разумеется, должны [это сделать], что по-другому проблему не решить и что ситуация для [них] сложная. По этому поводу [он говорит, что] он немного разъяснил ситуацию, но будет неплохо, если [вы] сможете [туда съездить]. Что касается хозяина, он

¹ Апо – партийный псевдоним Абдуллы Оджалана, лидера РПК (примеч. редактора).

[тоже] говорит, что было бы неплохо, если бы он смог туда приехать.

[Заявитель]: Я выступлю с речью.

К.У.: Он говорит, что программа рассчитана на два дня, что, безусловно, там нужно участвовать. Что касается хозяина, он [тоже] говорит, что было бы неплохо, если бы он смог туда приехать, что есть вещи, которые нужно с ним обсудить».

- В расшифровке соответствующих фрагментов разговора, состоявшегося между К.У. и С.О. 4 декабря 2008 г., указано следующее:

«С.О.: Они звонили Ф., мой друг. Они сказали, что не смогут поехать в Италию.

К.У.: [Как они мне сообщили,] мы сказали, что там могут быть С. и В., я только что получил подтверждение.

С.О.: Но это не визит к соседу, [это] совещание в Совете Европы. Трудно поверить – это просто несерьезно. Почему вы не сказали [об этом]?

К.У.: Это еще не окончательно.

С.О.: Но [как мы собираемся] назначать заседания, с сегодняшнего дня, от имени партии?

К.У.: Да.

С.О.: Они оба поедут, мой друг. Им нужно отложить свои дела и [съездить туда].

К.У.: Хорошо.

С.О.: Селахаттину [заявителю] и Г., им обоим, безусловно, нужно туда съездить.

К.У.: Они сказали, что решили проблему с Ф. [Я сказал: если им удалось решить проблему, то хорошо].

С.О.: Решения не существует, мой друг. Ф. только что мне об этом сказал.

К.У.: Ну ладно».

- Также 4 декабря 2008 г. между заявителем и К.У. состоялся еще один телефонный разговор. В расшифровке соответствующих его фрагментов указано следующее:

«К.У.: Спасибо, [скажи мне], после того как ты встретился с Ф., ты решил проблему, ведь так?

[Заявитель]: Я встретился с Ф., а потом передал [вопрос] С., который должен был решить [проблему] и решил [ее].

К.У.: Они решили проблему?

[Заявитель]: Да.

К.У.: Лучше, чтобы ты знал: я назвал его имя.

[Заявитель]: Хорошо, я позвоню, [и мы] посмотрим. Я над этим работаю.

К.У.: Да, [оно должно состояться] 11-го, [я надеюсь, что это так, но да], оно должно состояться 11 января.

[Заявитель]: В Страсбурге, да?

К.У.: Да, в Страсбурге.

[Заявитель]: Хорошо, я [еще подумаю] и перезвоню тебе завтра.

К.У.: Ладно, я назвал [его] имя».

(vii) Заявитель в своих выступлениях и заявлениях (соответствующие фрагменты которых приведены выше в §§ 26–27) подстрекал к актам насилия, которые произошли 6–8 октября 2014 г.

80. 1 февраля 2017 г. заявитель еще раз обжаловал заключение его под стражу, добиваясь, чтобы его освободили. В связи с этим он отметил, в частности, что, согласно части первой статьи 83 [Конституции Турции], он имеет право на освобождение от ответственности, в силу которого депутатов нельзя привлекать к ответственности за мнения, которые они высказали в Национальном собрании и повторили где-то в другом месте. Он утверждал, что предъявленные ему обвинения, на основании которых ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, связаны с его выступлениями на политические темы, содержание которых охраняется частью первой статьи 83 Конституции. В неустановленную дату жалоба заявителя была оставлена без удовлетворения. Стороны не предоставили копии соответствующего решения.

81. 2 февраля 2017 г. суд по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр принял обвинительное заключение, направленное прокурором. В тот же день суд связался с Министерством юстиции Турции, попросив принять необходимые меры по передаче дела заявителя на рассмотрение другого суда по соображениям, связанным с общественной безопасностью, и в тот же день продлил срок предварительного содержания заявителя под стражей.

82. 1 марта 2017 г. суд по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр по собственной инициативе рассмотрел вопрос о целесообразности дальнейшего содержания заявителя под стражей. С учетом количества и характера предъявленных заявителю обвинений и существования конкретных доказательств, дающих серьезные основания предполагать, что он совершил преступление, не забывая о том, что ему еще предстоит представить доводы в свою защиту, что в ходе следствия он отказывался от явки в следственные органы, что предполагаемые преступления входят в число преступлений, о которых говорится в пункте 3 статьи 100 УПК, и что обстоятельства, послужившие основанием для избрания меры пресечения, не изменились, суд по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр продлил срок предварительного содержания заявителя под стражей. Приняв во внимание суровость наказаний, предусмотренных законом за соответствующие преступления, суд счел недостаточным избрание мер пресечения, не связанных с заключением под стражу.

83. В неустановленную дату заявитель подал еще одну жалобу на решение о продлении срока предварительного содержания его под стражей. Решением от 14 марта 2017 г. суд по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр оставил эту жалобу без удовлетворения ввиду характера

предполагаемых преступлений, состояния доказательств, длительности содержания заявителя под стражей, наличия серьезных оснований предполагать, что он совершил соответствующие преступления, и его отказа от явки в следственные органы в ходе следствия.

84. 22 марта 2017 г. по ходатайству Министерства юстиции Турции Высший кассационный суд Турции, сочтя передачу дела заявителя на рассмотрение другого суда целесообразной во избежание угроз общественной безопасности, передал дело в суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары.

85. 6 апреля 2017 г. суд по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр направил материалы дела в суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары.

86. 22 июня 2017 г. 19-й суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары продлил срок содержания заявителя под стражей, рассмотрев этот вопрос по собственной инициативе. При этом суд принял во внимание прежде всего существование конкретных доказательств, дающих серьезные основания предполагать, что заявитель совершил предполагаемые преступления, а также верхнюю и нижнюю границы наказаний, установленных законом за совершение этих преступлений. Далее суд пришел к выводу, что предотвращение беспорядков и новых преступлений является весомым основанием для заключения под стражу с учетом статьи 5 Конвенции и прецедентной практики Европейского Суда. Отметив длительность предварительного содержания заявителя под стражей, суд также усмотрел в деле опасность того, что заявитель может скрыться и фальсифицировать доказательства. По тем же основаниям суд счел недостаточным избрание мер пресечения, не связанных с заключением под стражу.

87. 3 октября 2017 г., через 103 дня после вынесения им предыдущего решения по делу, 19-й суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары вновь рассмотрел вопрос о целесообразности дальнейшего содержания заявителя под стражей. С учетом количества и характера предъявленных заявителю обвинений и существования конкретных доказательств, дающих серьезные основания предполагать, что он совершил соответствующие преступления, не забывая о том, что ему еще предстоит представить доводы в свою защиту, что он отказывался от явки в следственные органы и что обстоятельства, послужившие основанием для избрания в отношении него меры пресечения, не изменились, суд продлил срок предварительного содержания заявителя под стражей. Кроме того, суд отметил, что из-за высокой вероятности вынесения заявителю обвинительного приговора в связи с предполагаемыми преступлениями избрания в отношении него меры пресечения, не связанных с заключением под стражу, будет недостаточно.

88. 16 ноября 2017 г. заявитель подал иск о компенсации ущерба в суд по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр согласно статье 141 УПК Турции. Решением от 11 июля 2018 г. суд частично удовлетворил его исковые требования и присудил ему сумму в размере 10 000 турецких лир (около 1 890 евро) в качестве компенсации в связи с тем, что суды не рассмотрели по собственной инициативе вопрос о законности содержания его под стражей с 21 июля по 3 октября 2017 г.

89. 7 декабря 2017 г. 19-й суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары провел первое заседание по делу.

90. В ходе судебного заседания заявитель утверждал, что его заключили под стражу за выражение критических взглядов по поводу политики президента Турции, и отрицал, что он совершил какие-либо преступления. Он настаивал на незаконности первоначального заключения его под стражу и последующего содержания его под стражей. В частности, он предположил, что целью лишения его свободы было заставить замолчать представителей политической оппозиции.

91. 3 апреля 2018 г. заявитель подал ходатайство в 19-й суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары, утверждая, что обвинения ему были предъявлены на основании его выступлений в 2008–2016 годах, хотя статья 83 Конституции Турции содержит положение об освобождении депутатов от ответственности. В связи с этим он просил суд проанализировать его выступления на парламентских сессиях и сравнить их со спорными выступлениями по содержанию. Он просил, чтобы суд велел экспертам установить, охраняются ли эти выступления в силу принципа освобождения депутатов от ответственности. По-видимому, суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары оставил это ходатайство без удовлетворения.

92. В ходе следствия и судебного разбирательства заявитель подал несколько жалоб, касающихся предварительного содержания его под стражей. До 2 сентября 2019 г. турецкие суды по каждой жалобе вынесли решение о продлении срока содержания его под стражей по следующим основаниям: существование конкретных доказательств, дающих серьезные основания предполагать, что он совершил преступления, в которых он обвинялся; количество и характер предполагаемых преступлений и то, что они входят в число преступлений, о которых говорится в пункте 3 статьи 100 УПК Турции; суровость наказаний, предусмотренных законом за соответствующие преступления; вывод о недостаточности мер пресечения, не связанных с заключением под стражу; отказ заявителя от явки в следственные органы; то, что заявитель еще не представил доводов в свою защиту; состояние доказательств; длительность содержания заявителя под стражей; а также

опасность того, что заявитель может скрыться или фальсифицировать доказательства.

93. 2 сентября 2019 г., приняв во внимание, что заявитель закончил представлять доводы в свою защиту, суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары решил отменить избранную в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу при условии, что он не был заключен под стражу или осужден по какому-нибудь другому делу. Кроме того, суд решил запретить заявителю выезжать за рубеж.

94. В неустановленную дату прокурор г. Анкары принес протест на решение об отмене избранной в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. В неустановленную дату суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары отклонил этот протест.

95. В настоящее время уголовное дело в отношении заявителя находится на рассмотрении в 19-м суде по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары.

VI. ПЕРВАЯ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЖАЛОБА ЗАЯВИТЕЛЯ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ТУРЦИИ

96. Из материалов дела следует, что заявитель несколько раз обращался в Конституционный суд Турции. Одна из его жалоб в настоящее время находится там на рассмотрении. Для целей настоящего дела ниже описывается жалоба, поданная 17 ноября 2016 г. (№ 2016/25189), которая касалась главным образом содержания заявителя под стражей. Конституционный суд высказался по этому вопросу в постановлении от 21 декабря 2017 г., признав жалобу заявителя неприемлемой для рассмотрения по существу.

97. Заявитель жаловался в Конституционный суд Турции на то, что его задержали, заключили под стражу в отделении полиции и избрали в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу в связи с высказываниями на политические темы, содержащимися в его выступлениях в качестве депутата и сопредседателя политической партии. Он утверждал, что сделанные им заявления нужно рассматривать с точки зрения его права на свободу выражения мнения. Далее он указал на отсутствие доказательств, дающих основания предполагать, что он совершил преступление. Кроме того, он отмечал, что человека, лишённого свободы, нужно незамедлительно доставить к судье и что продолжительность лишения свободы не должна выходить за рамки разумного срока. Он также утверждал, что соображений, приведенных турецкими судами в качестве обоснования содержания его под стражей, было недостаточно. Далее, он заявлял, что суровость потенциального наказания не может являться основанием для установления опасности

того, что он может скрыться. Он жаловался на то, что в отношении него не было избрано меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, а также на отсутствие конкретных соображений, оправдывающих содержание его под стражей. В дополнение к этому он утверждал, что у него не было возможности ознакомиться с материалами дела, чтобы обжаловать заключение его под стражу. Наконец, он отмечал, что из-за наличия у него статуса депутата предварительное содержание его под стражей нарушало его право на свободные выборы.

98. По поводу жалобы на незаконность задержания заявителя и содержания его под стражей в отделении полиции Конституционный суд Турции установил, что ему следовало подать иск о компенсации ущерба согласно подпункту «а» пункта 1 статьи 141 УПК Турции, но он этого не сделал. Затем суд отметил, что он не подал жалобу на содержание его под стражей в отделении полиции согласно пункту 5 статьи 91 УПК. Соответственно, суд признал эту жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с неисчерпанием соответствующих средств правовой защиты.

99. Относительно жалобы на незаконность предварительного содержания его под стражей заявитель прежде всего утверждал, что он все еще пользуется парламентской неприкосновенностью, а значит, заключение его под стражу нарушало Конституцию страны. Однако Конституционный суд Турции отметил, что конституционная поправка от 20 мая 2016 г. дала возможность удовлетворить запросы о лишении заявителя парламентской неприкосновенности, поступившие в Национальное собрание до принятия этой поправки. Соответственно, суд не согласился с доводом заявителя о том, что первоначальное заключение его под стражу и дальнейшее содержание его под стражей не имели оснований в законодательстве.

100. Далее Конституционный суд Турции рассмотрел вопрос о существовании серьезных оснований предполагать, что заявитель совершил преступление. В этом контексте он сначала отметил, что с учетом количества убитых и раненых в ходе событий 6–8 октября 2014 г. можно установить причинно-следственную связь между призывами, прозвучавшими на заседании центрального исполнительного комитета ДПН, сопредседателем которой является заявитель, и соответствующими актами насилия. Кроме того, по поводу «окопных событий» Конституционный суд постановил, что с учетом сделанных заявителем заявлений, мест, где он с ними выступил, и наличием у него статуса сопредседателя ДПН предварительное содержание его под стражей в связи с преступлением террористической направленности нельзя назвать необоснованным. Аналогичным образом, с учетом содержания двух выступлений заявителя 13 ноября 2012 г. и 21 апреля 2013 г. (см. выше

§ 79) суд пришел к выводу, что, безусловно, в деле имелись указания на совершение преступления. Наконец, приняв во внимание содержание разговоров между предполагаемыми высокопоставленными функционерами РПК и между ними и заявителем (см. выше § 79), суд счел правомерным предположить, что заявитель, возможно, действовал по указаниям лидеров террористической организации. Поэтому суд отметил, что этих факторов достаточно для появления серьезных оснований подозревать заявителя в совершении преступления.

101. После этого Конституционный суд Турции рассмотрел вопрос о том, преследовало ли предварительное содержание заявителя под стражей правомерную цель. В связи с этим суд отметил, что, установив наличие серьезных оснований подозревать заявителя в совершении предполагаемых преступлений, 2-й мировой суд г. Диярбакыр избрал в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу на основании того, что соответствующие преступления входят в число преступлений, о которых говорится в пункте 3 статьи 100 УПК Турции, и что за них предусмотрены суровые наказания. Далее Конституционный суд установил, что при определении опасности побега следует учитывать такой фактор, как суровость потенциального наказания. Суд напомнил, что заявитель отказался от явки в следственные органы и сказал, что ни один депутат от его партии не станет давать показаний добровольно. По мнению суда, этих факторов оказалось достаточно для вывода о том, что заявитель может скрыться. Поэтому Конституционный суд пришел к выводу, что предварительное содержание заявителя под стражей преследовало правомерную цель.

102. Затем Конституционный суд Турции рассмотрел вопрос о том, было ли предварительное содержание заявителя под стражей соразмерно преследуемой цели. В этом отношении заявитель утверждал, что содержание его под стражей не давало ему возможности вести политическую деятельность. Ссылаясь на несколько постановлений Конституционного суда о предварительном содержании под стражей депутатов, он утверждал, что заключение его под стражу несоразмерно преследуемой цели из-за наличия у него статуса депутата. В связи с этим Конституционный суд прежде всего отметил, что, вопреки утверждениям заявителя, он никогда не выносил постановлений, в которых делался бы вывод о том, что заключение под стражу депутата, лишённого неприкосновенности, само по себе нарушает Конституцию. Далее Конституционный суд отметил, что, поскольку мера пресечения в виде заключения под стражу была избрана в отношении заявителя, когда с момента совершения предполагаемых преступлений прошло уже много времени, он должен рассмотреть вопрос о том, можно ли было считать предварительное

содержание заявителя под стражей необходимым. В этом отношении суд обратил внимание на то, что, согласно статье 83 Конституции, заявителя нельзя было заключать под стражу, пока он пользовался парламентской неприкосновенностью. Суд отметил, что после вступления в силу конституционной поправки, предусматривающей исключение из принципа парламентской неприкосновенности, отчеты о расследовании по возбужденным в отношении него уголовным делам были направлены компетентным прокурорам и что мера пресечения в виде заключения под стражу была избрана в отношении него примерно через пять месяцев после этого. Поэтому содержащиеся в материалах дела доказательства указывают на то, что следственные органы в это время не бездействовали. Далее Конституционный суд также отметил, что он не может счесть предварительное содержание заявителя под стражей несоразмерным и произвольным, в частности, ввиду суровости наказания, предусмотренного за соответствующие преступления. По этим основаниям суд признал жалобу заявителя в этой части неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с ее явной необоснованностью.

103. С точки зрения пункта 3 статьи 5 Конвенции Конституционный суд Турции подчеркнул, что в своей жалобе заявитель не оспаривал наличия уместных и достаточных оснований, оправдывающих продление срока предварительного содержания его под стражей (см. § 118 постановления Конституционного суда). Суд указал на то, что заявитель впервые упомянул об этом нарушении, отвечая на замечания Министерства юстиции Турции. Поэтому Конституционный суд, оговорившись, что заявитель мог бы подать туда еще одну индивидуальную жалобу, решил не рассматривать его жалобу в этой части.

104. Говоря о жалобе на нарушение статьи 18 Конвенции, Конституционный суд Турции, ввиду своего вывода о законности предварительного содержания заявителя под стражей, счел необязательным отдельно ее рассматривать.

105. По поводу жалобы заявителя на отсутствие у него возможности ознакомиться с материалами дела Конституционный суд Турции постановил, что у него было достаточно возможностей для подготовки защиты по предъявленным ему обвинениям и для обжалования заключения его под стражу с учетом содержания отчетов о расследованиях, направленных прокурорами в Национальное собрание. Соответственно, суд признал эту жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с ее явной необоснованностью.

106. Наконец, рассматривая жалобы, касающиеся права на свободу выражения мнения и права быть избранным и вести политическую деятельность, Конституционный суд Турции с учетом своего вывода по жалобе заявителя на незаконность предварительного содержания его под стражей

признал их неприемлемыми для рассмотрения по существу в связи с их явной необоснованностью.

107. В своем особом мнении судья Энгин Йылдырым (Engin Yıldırım), оставшийся в меньшинстве, отметил, исходя, как и большинство судей, из доказательств, содержащихся в материалах дела, существование серьезных признаков, указывающих на то, что заявитель совершил преступление. Однако, сославшись на принципы, вытекающие из прецедентной практики Европейского Суда, и в частности из Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (Buzadji v. Republic of Moldova) от 5 июля 2016 г. (жалоба № 23755/07¹), он отметил, что содержание заявителя под стражей не было соразмерным, поскольку не было показано, что оно оправдывалось уместными и достаточными соображениями. По его мнению, судебные органы не пояснили, почему избрания в отношении заявителя меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, было бы недостаточно. Говоря об опасности того, что заявитель может скрыться, он прежде всего отметил, что в обоснование этой опасности были приведены два основных соображения – суровость наказаний, установленных законом за соответствующие преступления, и отказ заявителя от явки в следственные органы. Однако, по мнению судьи, выступившего с особым мнением, суровость наказания *per se* не могла оправдывать избрание в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. Аналогичным образом, нельзя было сделать вывод, что суд мог установить эту опасность на основании отказа заявителя от явки в следственные органы, поскольку заявитель продолжал вести политическую деятельность, не показывая ни малейшего намерения скрыться. Далее судья, выступивший с особым мнением, отметил, что с момента вступления в силу конституционной поправки, лишившей заявителя парламентской неприкосновенности, до момента первоначального заключения заявителя под стражу заявитель более десяти раз выезжал за рубеж и ни разу не пытался сбежать. По этим основаниям судья счел, что в деле заявителя было допущено нарушение статьи 19 Конституции. Отметив также, что заявитель является депутатом и сопредседателем политической партии, набравшей более пяти миллионов голосов, судья пришел к выводу, что избрание в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие уместных и достаточных оснований нарушило еще и право быть избранным и право заниматься политической деятельностью, гарантированные статьей 67 Конституции.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 12 (примеч. редактора).

VII. РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЗАЯВИТЕЛЯ В СУДЕ ПО ТЯЖКИМ УГОЛОВНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ г. СТАМБУЛА

108. В неустановленную дату прокуратура г. Стамбула возбудила в отношении заявителя уголовное дело по обвинению в ведении пропаганды в интересах террористической организации.

109. По окончании производства по этому уголовному делу суд по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула в приговоре от 7 сентября 2018 г. назначил заявителю наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года восемь месяцев за ведение пропаганды в интересах террористической организации, то есть за совершение преступления, ответственность за которое предусмотрена пунктом 2 статьи 7 Закона «О борьбе с терроризмом», в связи с его выступлением на митинге в г. Стамбуле 17 марта 2013 г.

110. Решением от 4 декабря 2018 г., которое не подлежало обжалованию, Апелляционный суд г. Стамбула оставил обвинительный приговор, вынесенный заявителю судом первой инстанции, без изменения.

111. 7 декабря 2018 г. заявитель начал отбывать наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года восемь месяцев.

112. 24 октября 2019 г. в Официальном вестнике (Official Gazette) был опубликован Закон № 7188, вносящий изменения в некоторые статьи УПК Турции. Статья 29 этого Закона предусматривала право подавать жалобу по вопросам права по делам о ряде преступлений, связанных со свободой выражения мнения, в частности с ведением пропаганды в интересах террористической организации, ответственность за которое предусмотрена статьей 7 Закона «О борьбе с терроризмом» (Закон № 3713). В тех случаях, когда обвинительный приговор уже вступил в силу, данный закон предусматривал возможность подать жалобу по вопросам права в течение 15 дней с момента его вступления в силу.

113. 31 октября 2019 г. по просьбе заявителя суд по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула приостановил исполнение назначенного ему наказания в виде лишения свободы сроком на четыре года восемь месяцев и распорядился освободить его из-под стражи при условии, что он не был заключен под стражу по какому-нибудь другому делу.

VIII. ПОВТОРНОЕ ИЗБРАНИЕ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

114. После того как 2 сентября 2019 г. суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары решил освободить заявителя из-под стражи (см. выше § 93), его адвокаты обратились в суд по тяжким

уголовным преступлениям г. Стамбула с просьбой зачесть время предварительного содержания его под стражей в ходе рассмотрения уголовного дела в суде по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары в срок окончательного наказания, назначенного по результатам рассмотрения уголовного дела в суде по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула.

115. 20 сентября 2019 г., через два дня после заседания Европейского Суда по настоящему делу, 26-й суд по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула удовлетворил эту просьбу.

116. В тот же день, несмотря на уголовное дело, которое рассматривалось в суде по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары, прокуратура г. Анкары обратилась в мировой суд г. Анкары с ходатайством об избрании в отношении заявителя и Фиген Юкседаг (Figen Yüksekdağ) (бывшего сопредседателя ДПН) меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках отдельного уголовного дела, возбужденного в 2014 году (№ 2014/146757) в связи с событиями, произошедшими 6–8 октября 2014 г., по подозрению в совершении следующих преступлений:

(i) подрыв единства и территориальной целостности государства;

(ii) подстрекательство к убийству в целях сокрытия следов преступления или доказательств совершения другого преступления или во избежание ареста;

(iii) подстрекательство с двумя или несколькими сообщниками к ночному грабежу в целях содействия преступной организации;

(iv) подстрекательство к лишению другого человека свободы путем угроз, насилия и обмана; и

(v) подстрекательство к покушению на убийство для сокрытия следов преступления или доказательств совершения другого преступления либо во избежание ареста.

117. 20 сентября 2019 г. 1-й мировой суд г. Анкары на основании статьи 100 УПК Турции избрал в отношении заявителя и Фиген Юкседаг меру пресечения в виде заключения под стражу, приняв во внимание следующие факторы:

(а) характер преступлений, в совершении которых они обвинялись;

(б) существование доказательств, дающих серьезные основания предполагать, что обвиняемые совершили указанные преступления;

(с) суровость наказаний, предусмотренных законом за соответствующие преступления;

(д) наличие оснований для избрания в отношении обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренных статьями 19 Конституции и статьей 5 Конвенции; и

(е) предполагаемая недостаточность мер пресечения, не связанных с заключением под стражу.

118. После повторного избрания в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под

стражу президент Турции 21 сентября 2019 г. сделал следующее заявление для прессы:

«Если вы ищете в этой стране убийцу, обязательно пытаться узнать его адрес. Они проникли даже в парламент. Эта нация не забыла и не забудет тех, кто призывал людей выйти на улицы, а потом убил 43 наших детей в г. Диярбакыр. Мы не бросим это дело и доведем его до конца. Их [заявителя и Фиген Юкседаг] нельзя отпускать на свободу. Если [их] отпустить, наши мученики призовут нас к ответу в царстве вечности. Это не какие-то там земли» («*Bu ülkede katil aranıyorsa bunların adresini aramaya gerek yok. Bunlar, parlamentoya kadar sızmışlar. Sokağa insanları çağırıp ondan sonra Diyarbakır'da 53 evladımızı öldürenleri bu millet unutmuyor ve unutmayacaktır da. Sonuna kadar bu işin takipçisiyiz, takipçisi olacağız. Bunları bırakamayız. Eğer biz bırakırsak ebedi alemde şehitlerimiz bize bunun hesabını sorar. Bu topraklar rastgele topraklar değil*»).

119. Впоследствии, 23 сентября 2019 г., в турецких газетах было опубликовано следующее заявление Кемаля Кылычдароглу (Kemal Kılıçdaroğlu) – лидера НРП, главной оппозиционной партии:

«Все знают, что в Турции нет правосудия, но есть политическое давление на судей. Салахаттина Демарташа нужно было отпустить на свободу, а повторное заключение его под стражу по требованию политических органов власти – это настоящая юридическая катастрофа» («*Türkiye’de adaletin olmadığı, siyasal baskıların yargıclar üzerinde de sürdürüldüğünü herkes biliyor. Selahattin Demirtaş’ın tahliye edilmesi gerekirken siyasal iktidarın talebi üzerine tekrar tutuklanması aslında bir hukuk faciasıdır*»).

IX. ВТОРАЯ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЖАЛОБА ЗАЯВИТЕЛЯ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ТУРЦИИ

120. 26 ноября 2017 г., 29 мая, 18 июня, 27 ноября и 11 декабря 2018 г. заявитель подал еще пять индивидуальных жалоб в Конституционный суд Турции, который считал целесообразным соединить эти жалобы для рассмотрения в одном производстве (дело № 2017/38610), поскольку они затрагивали сходные вопросы, и вынес постановление по ним 9 июня 2020 г. По соображениям практического порядка Европейский Суд далее будет называть эти пять индивидуальных жалоб «второй индивидуальной жалобой» заявителя в Конституционный суд.

121. В своем постановлении Конституционный суд Турции единогласно постановил, что по делу было допущено нарушение части седьмой статьи 19 Конституции (соответствующей пункту 3 статьи 5 Конвенции) ввиду чрезмерной продолжительности предварительного содержания заявителя под стражей. В связи с этим суд сначала отметил, что предварительное содержание заявителя под стражей по обвинению в совершении преступлений террористической направленности продолжается уже

два года, один месяц и три дня. Суд отметил, что вопрос о том, превысила ли продолжительность предварительного содержания под стражей разумный срок или нет, можно решить главным образом со ссылкой на основания, изложенные в решении об избрании соответствующей меры пресечения. Мотивировка таких решений должна указывать на существование серьезных признаков виновности в совершении преступления (это является предпосылкой заключения под стражу), а также на наличие оснований для заключения под стражу и на соразмерность этой меры.

122. Как отметил Конституционный суд Турции, он уже пришел к выводу о наличии «серьезных оснований» предполагать, что заявитель совершил преступление, в своем постановлении от 21 декабря 2017 г. Следовательно, первоначальное заключение его под стражу соответствовало Конституции страны. Затем суд перешел к рассмотрению решений о продлении срока содержания заявителя под стражей на предмет наличия оснований для оставления его под стражей и соразмерности этой меры.

123. Конституционный суд Турции указал, что ему уже приходилось рассматривать вопрос о чрезмерной продолжительности содержания под стражей заявителей, которые являются депутатами. Суд счел целесообразным обсудить не только ограничение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного статьей 19 Конституции, в связи с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, но и воздействие лишения свободы, в случае продления срока содержания под стражей, на осуществление права избирать, баллотироваться на выборах и заниматься политической деятельностью, гарантированного статьей 67 Конституции. По мнению Конституционного суда, при продлении срока содержания под стражей депутата суды должны на основании конкретных фактов показать существование интереса, перевешивающего интерес в осуществлении права на свободу и личную неприкосновенность и права избирать, баллотироваться на выборах и заниматься политической деятельностью.

124. Конституционный суд Турции отметил: то, что человек, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, является депутатом, не означает автоматически несообразности этой меры пресечения. В связи с этим продление срока содержания депутата под стражей допускается лишь тогда, когда можно доказать наличие оснований, требующих дальнейшего содержания его под стражей в ходе следствия или производства по уголовному делу. Принимая решения по вопросам содержания под стражей, суды должны показать, каким общественным интересом оправдано продление срока содержания под стражей, несмотря на воздействие этой меры на осуществление права на свободу и личную неприкосновенность и права баллотироваться на выборах

и заниматься политической деятельностью, а также показать, почему продление срока содержания под стражей важнее, чем эти права. Другими словами, основания, приведенные в решениях о продлении срока содержания под стражей, должны охватывать не только объективные аспекты дела, но и конкретные соображения, связанные с наличием у содержащегося под стражей лица статуса депутата, то есть такие основания должны иметь индивидуальный характер.

125. Обратившись к конкретным особенностям рассматриваемого дела, Конституционный суд Турции постановил, что компетентные мировые суды и суды по тяжким уголовным преступлениям не рассмотрели утверждений заявителя о том, что продление срока содержания его под стражей является необоснованным из-за наличия у него статуса депутата, сопредседателя политической партии и кандидата на президентских выборах и что эта мера чрезмерно ограничила осуществление им права баллотироваться на выборах и заниматься политической деятельностью. Суд установил, что ходатайства об освобождении из-под стражи, поданные заявителем в ходе разбирательства, были оставлены без удовлетворения по формальным причинам. В связи с этим суд пришел к выводу, что в решениях о продлении срока содержания его под стражей не содержалось уместных и достаточных оснований. Поэтому Конституционный суд констатировал нарушение права заявителя на свободу и личную неприкосновенность по смыслу положений части седьмой статьи 19 Конституции.

126. Остальные жалобы заявителя были либо признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу (в частности, жалобы на нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции), либо Конституционный суд Турции счел необязательным рассматривать их отдельно (помимо прочих жалоб, жалобы на нарушение статьи 18 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции).

127. С учетом своего вывода о нарушении прав заявителя Конституционный суд Турции решил присудить ему сумму в размере 50 000 турецких лир (около 6 500 евро) в качестве компенсации морального вреда и сумму в размере 4 436 турецких лир 30 курушей (около 575 евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов.

128. Относительно текущего предварительного содержания заявителя под стражей, которое началось 20 сентября 2019 г. (см. выше § 117), Конституционный суд Турции отметил, что 7 ноября 2019 г. от заявителя поступила еще одна индивидуальная жалоба, которая не рассмотрена. Тем не менее Конституционный суд не стал высказываться по вопросу о законности этого содержания под стражей. Соответственно, постановление от 9 июня 2020 г. не повлияло на личную ситуацию заявителя, который по-прежнему остается в тюрьме.

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

I. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ТУРЦИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Соответствующие положения Конституции Турции

129. Статья 14 Конституции Турции предусматривает следующее:

«Никакие закрепленные в Конституции основные права и свободы не должны осуществляться с целью нарушения территориальной целостности государства и единства нации либо устранения демократической и светской Республики, основанной на правах человека.

Никакое положение настоящей Конституции не подлежит толкованию таким способом, который дал бы государству или частным лицам возможность заниматься деятельностью, направленной на уничтожение закрепленных в Конституции прав и свобод или на их ограничение сверх того, что разрешено Конституцией.

Санкции, которые подлежат применению к тем, кто нарушает эти положения, определяются законом».

130. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 19 Конституции Турции предусматривает следующее:

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

/.../

Лица, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать их виновность, могут быть заключены под стражу только по решению судьи для предотвращения побега, уничтожения или искажения доказательств либо в любых других указанных в законе обстоятельствах, в которых заключение под стражу необходимо. Никто не может быть задержан без санкции судьи, за исключением случаев, когда он застигнут на месте преступления или когда задержка может привести к неблагоприятным последствиям; условия задержания определяются законом.

/.../

Задержанное или заключенное под стражу лицо доставляется к судье в течение сорока восьми часов, а в случае, если преступление совершено группой лиц, – в течение пятнадцати дней, не считая времени, потраченного на препровождение его в суд, ближайший к месту содержания под стражей. По истечении вышеуказанных сроков никто не может быть лишен свободы иначе как по решению судьи. Эти сроки могут быть продлены во время чрезвычайного или военного положения, а также в период военных действий.

/.../

Задержанные имеют право требовать проведения допроса в разумный срок или ходатайствовать об освобождении из-под стражи в период предварительного или судебного следствия.

Освобождение из-под стражи может быть обусловлено представлением гарантий, обеспечивающих присутствие человека в судебных заседаниях и исполнение приговора.

Лица, лишённые свободы по любой причине, имеют право обратиться в компетентный судебный орган для того, чтобы по их делу быстро был вынесен приговор или чтобы их немедленно освободили, если они содержатся под стражей незаконно.

/.../»

131. Статья 26 Конституции Турции предусматривает следующее:

«Каждый имеет право выражать и распространять свои идеи и мнения устно, в письменной форме или в виде изображений, а также другими способами индивидуально или коллективно. Это право включает в себя свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны официальных властей. Данное положение не устраняет системы лицензирования радио- и телепередач, кино и аналогичных средств.

Осуществление этих свобод может подлежать ограничениям в целях защиты национальной безопасности, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, базовых характеристик Республики, территориальной целостности государства и единства нации, предотвращения преступлений, наказания преступников, сохранения конфиденциальности информации, должным образом отнесенной к государственной тайне, защиты репутации или прав, личной и семейной жизни других лиц, а также защиты профессиональной тайны согласно требованиям закона и обеспечения надлежащего функционирования судебной власти.

Положения, регулирующие использование средств распространения информации и идей, не должны считаться ограничением свободы выражения и распространения мнений, если они не препятствуют передаче информации и идей.

Формальности, условия и процедуры, которые применяются при осуществлении свободы выражения и распространения идей, устанавливаются законом».

132. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 67 Конституции Турции предусматривает следующее:

«В соответствии с установленными законом правилами граждане имеют право избирать, баллотироваться на выборах, заниматься политической деятельностью непосредственно или в качестве членов политических партий, а также принимать участие в референдумах.

/.../

Осуществление этих прав регулируется законом».

133. Статья 80 Конституции Турции предусматривает следующее:

«Депутаты Великого национального собрания Турции представляют не просто свои собственные избирательные округа или регионы, а нацию в целом».

134. Статья 83 Конституции Турции, касающаяся парламентской неприкосновенности, предусматривает следующее:

«Депутаты Великого национального собрания Турции не несут ответственности за то, как они голосуют, за свои заявления в ходе работы парламента, за мнения, которые они высказывают в Великом национальном собрании Турции, а также за их повторение или распространение в других местах, если на заседании, организованном по инициативе Президиума, Великое национальное собрание Турции не решит иначе.

Депутат, который обвиняется в совершении преступления до или после избрания, не может быть задержан, допрошен, заключен под стражу или осужден, если Великое национальное собрание Турции не решит иначе. Это положение не применяется в случаях, когда депутат застигнут на месте преступления, за которое предусмотрено суровое наказание, и в случаях, подпадающих под действие статьи 14 Конституции, при условии, что расследование было начато до его избрания. Однако компетентные органы должны незамедлительно сообщать о таких ситуациях непосредственно в Великое национальное собрание Турции.

Исполнение уголовного наказания, назначенного депутату Великого национального собрания Турции до или после его избрания, приостанавливается до истечения срока его полномочий; срок давности в течение срока его полномочий не применяется.

Расследование и судебное разбирательство в отношении переизбранного депутата зависит от того, примет ли Великое национальное собрание Турции новое решение о лишении его неприкосновенности.

Фракции политических партий в Великом национальном собрании Турции не могут проводить обсуждения и принимать решения по вопросам парламентской неприкосновенности».

135. Статья 85 Конституции Турции предусматривает следующее:

«Если депутат был лишен парламентской неприкосновенности... то этот или другой депутат может в течение семи дней с момента принятия такого решения пленумом Великого национального собрания Турции обратиться в Конституционный суд с ходатайством о признании этого решения недействительным на основании того, что оно противоречит Конституции, закону или регламенту [Великого национального собрания Турции]. Конституционный суд выносит решение по такому ходатайству в течение 15 дней».

136. Статья 87 Конституции Турции предусматривает следующее:

«К функциям и компетенции Великого национального собрания Турции относятся принятие, изменение и отмена законов, обсуждение и одобрение проекта бюджета и законопроектов по окончательным расчетам, принятие решений относительно эмиссии денег и объявления войны, ратификация международных соглашений, принятие решений об объявлении амнистии и помилования большинством в три пятых голосов членов Великого национального собрания Турции, а также осуществление полномочий и исполнение

обязанностей, предусмотренных другими статьями Конституции».

137. Переходная статья 20 Конституции Турции, принятая Национальным собранием 20 мая 2016 г., предусматривает следующее:

«С момента принятия Великим национальным собранием Турции настоящей статьи первое предложение части второй статьи 83 Конституции не применяется к депутатам в случае поступления запросов о лишении их неприкосновенности от государственных органов, имеющих право проводить расследование и привлекать к уголовной ответственности или санкционировать эти действия, а также от прокуратуры или судов в министерство юстиции, в аппарат премьер-министра, в аппарат председателя Великого национального собрания Турции и председателю Совместного комитета, состоящего из членов Конституционного комитета и Комитета по вопросам правосудия.

В течение пятнадцати дней с момента вступления в силу настоящей статьи материалы о лишении парламентской неприкосновенности, направленные председателю Совместного комитета, состоящего из членов Конституционного комитета и Комитета по вопросам правосудия, в аппарат председателя Великого национального собрания Турции, в аппарат премьер-министра и в министерство юстиции, возвращаются в компетентный государственный орган для принятия необходимых мер».

В. Соответствующие положения Уголовного кодекса Турции

138. Пункт 1 статьи 214 Уголовного кодекса Турции предусматривает следующее:

«Лицо, публично подстрекающее другого человека к совершению преступления, приговаривается к лишению свободы на срок от шести месяцев до пяти лет».

139. Пункт 1 статьи 215 Уголовного кодекса Турции предусматривает следующее:

«Лицо, публично восхваляющее совершенное преступление или человека за совершенное им преступление, если в связи с этим возникает явная и непосредственная угроза общественному порядку, наказывается лишением свободы на срок до двух лет».

140. Пункт 1 статьи 216 Уголовного кодекса Турции предусматривает следующее:

«Лицо, публично разжигающее у одной части населения ненависть или вражду по отношению к другой части населения из-за социальных, классовых, расовых, религиозных, сектовых или региональных различий, если в связи с этим возникает явная и непосредственная угроза общественной безопасности, приговаривается к лишению свободы на срок от одного года до трех лет».

141. Пункт 1 статьи 217 Уголовного кодекса Турции предусматривает следующее:

«Лицо, публично подстрекающее население к несоблюдению требований закона, приговаривается к лишению свободы на срок от шести месяцев до двух лет или к штрафу, налагаемому судом, если такое подстрекательство может представлять угрозу общественному порядку».

142. Статья 220 Уголовного кодекса Турции предусматривает следующее:

«Лицо, учредившее или возглавившее организацию, созданные для совершения действий, которые в соответствии с законом являются уголовно наказуемыми, приговаривается к лишению свободы на срок от четырех до восьми лет, если суд придет к выводу, что структура организации, ее численность и оснащение подходят для совершения преступления. Однако для того, чтобы организация была признана существующей, в нее должно входить не менее трех человек.

Лицо, вступившее в организацию, созданную для совершения преступления, приговаривается к лишению свободы на срок от двух до четырех лет.

Если преступная организация вооружена, наказание, которое назначается в соответствии с приведенными выше пунктами, увеличивается минимум на четверть, но не более чем на половину.

Если преступление совершено в рамках деятельности организации, ответственность за это преступление несет еще и тот, кто его совершил.

Руководители преступной организации тоже несут ответственность за преступления, совершенные в рамках деятельности организации.

Лицо, не являющееся членом преступной организации, но совершившее преступление от ее имени, несет ответственность еще и за принадлежность к этой организации. Наказание за принадлежность к организации может быть уменьшено не более чем на половину. Положения данного пункта применяются только к вооруженным организациям.

Лицо, не входящее в иерархическую структуру организации, но сознательно и добровольно оказывающее ей помощь, несет ответственность как член этой организации. В зависимости от характера оказанной помощи наказание за принадлежность к организации может быть уменьшено не более чем на треть.

Лицо, которое занимается пропагандой, одобрительно отзываясь об использовании преступной организацией методов, связанных с применением силы, насилия или угроз, создавая впечатление законности таких методов либо побуждая к их использованию, приговаривается к лишению свободы на срок от одного года до трех лет. В случае, если указанное преступление совершено прессой или эфирными средствами массовой информации, наказание увеличивается на половину».

143. Статья 314 Уголовного кодекса Турции предусматривает следующее:

«1. Лицо, учредившее или возглавившее вооруженную организацию для совершения преступлений, о которых говорится в части четвертой и пятой настоящей главы, приговаривается к лишению свободы на срок от десяти до пятнадцати лет¹.

2. Лицо, вступившее в организацию, о которой говорится в пункте 1 настоящей статьи, приговаривается к лишению свободы на срок от пяти до десяти лет.

3. В данном контексте применяются и другие положения, регулирующие создание организации с преступными целями».

С. Закон Турции «О борьбе с терроризмом»

144. В статье 1 Закона Турции «О борьбе с терроризмом» дается следующее определение терроризма:

«Терроризм означает действия, которые пытаются совершить один или несколько человек, являющиеся членами организации, в целях изменения установленных Конституцией характеристик Республики, политического, правового, социального, светского и экономического устройства государства, подрыва территориальной целостности государства и единства нации, создания угрозы для существования Турции как государства и как республики, ослабления, уничтожения или узурпации государственной власти, искоренения основных прав и свобод или причинения ущерба внутренней и внешней безопасности государства, правопорядку или здоровью общества, прибегая при этом к террору, силе и насилию посредством давления, запугивания, подавления или угроз».

145. Статья 2 Закона сформулирована следующим образом:

«Член организации, созданной для достижения целей, перечисленных в статье 1 Закона, который самостоятельно или совместно с другими лицами совершает для достижения этих целей преступление, считается террористом. Это относится к любому члену данной организации, даже если он не совершает такого преступления.

Лица, не являющиеся членами террористической организации, но совершающие преступление от имени такой организации, тоже считаются террористами».

146. Статья 3 Закона гласит:

«Преступлениями террористической направленности признаются преступления, предусмотренные статьями 302, 307, 309, 311, 312, 313, 314, 315 и 320 Уголовного кодекса Турции (№ 5237)».

147. Пункт 2 статьи 7 Закона предусматривает следующее:

«Каждый, кто занимается пропагандой в интересах террористической организации, создавая впечатление законности используемых такими организациями методов, связанных с принуждением, насилием или угрозами, оправдывая такие методы либо побуждая других лиц к их использованию, приговаривается к лишению свободы на срок от одного года до пяти лет...».

Д. Закон Турции «О митингах и демонстрациях» (Закон № 2911)

148. Пункт 1 статьи 28 Закона Турции «О митингах и демонстрациях» (Закон № 2911) сформулирован следующим образом:

¹ В части четвертой и пятой соответствующей главы Уголовного кодекса Турции говорится о «преступлениях против безопасности государства» и «преступлениях против конституционного строя и его функционирования» соответственно.

«Организаторы, лидеры и участники незаконных демонстраций наказываются лишением свободы на срок от полутора до трех лет, если только соответствующие деяния не представляют собой преступления, за которое предусмотрено более суровое наказание».

149. Пункт 1 статьи 32 того же Закона предусматривает следующее:

«Лица, принимающие участие в незаконном митинге или демонстрации или призывающие к неповиновению требованиям сотрудников сил безопасности о разгоне митинга или демонстрации, наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет. Если указанное преступление совершено организаторами митинга или демонстрации, наказание, предусмотренное настоящим пунктом, увеличивается на половину».

Е. Соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Турции (далее – УПК Турции)

150. Предварительное содержание под стражей регулируется статьей 100 и последующими статьями УПК Турции. Пункт 1 статьи 100 предусматривает, что в отношении человека может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу при наличии фактических доказательств, дающих серьезные основания подозревать его в совершении преступления, когда заключение под стражу оправдано в силу одного из оснований, предусмотренных данной статьей.

151. Пункт 2 статьи 100 УПК Турции предусматривает следующее:

«В перечисленных ниже случаях можно считать, что имеются основания для заключения под стражу:

(а) если существуют конкретные обстоятельства, дающие основания предполагать, что человек может скрыться...

(б) если поведение подозреваемого или обвиняемого дает основания предполагать, что:

(1) он может уничтожить, скрыть или фальсифицировать доказательства;

(2) он может попытаться оказать давление на свидетелей, потерпевших или иных лиц...».

152. В отношении некоторых преступлений, перечисленных в пункте 3 статьи 100 УПК Турции, закон презюмирует существование оснований для заключения под стражу. Пункт 3 статьи 100 УПК предусматривает следующее:

«3. При наличии обстоятельств, дающих серьезные основания предполагать совершение перечисленных ниже преступлений, можно презюмировать существование оснований для заключения под стражу:

(а) в отношении следующих преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом (от 26 сентября 2004 г. № 5237):

/.../

(11) преступлений против конституционного строя и функционирования конституционной системы (статьи 309, 310, 311, 313, 314 и 315)...».

153. Статья 101 УПК Турции предусматривает, что на стадии расследования мера пресечения в виде заключения под стражу избирается мировым судьей по представлению прокурора, а на стадии судебного разбирательства – компетентным судом по собственной инициативе или по представлению прокурора. Решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей могут быть обжалованы другому мировому судье или в другой суд. В таких решениях должны указываться юридические и фактические основания их вынесения.

154. Согласно статье 108 УПК Турции, на стадии расследования мировой судья обязан проверять законность и обоснованность содержания подозреваемого под стражей через регулярные промежутки времени, не превышающие 30 дней. В этот же срок содержащееся под стражей лицо может подать ходатайство об освобождении. На стадии судебного разбирательства вопрос о законности и обоснованности содержания обвиняемого под стражей рассматривается компетентным судом в конце каждого заседания по делу, но в любом случае не реже одного раза в 30 дней.

155. Подпункты «а» и «d» пункта 1 статьи 141 УПК Турции предусматривают следующее:

«1. В рамках расследования или судебного разбирательства по поводу преступления каждый:

(а) кто был задержан, заключен под стражу или содержится под стражей в условиях или в обстоятельствах, не соответствующих требованиям закона...

/.../

(d) кто, даже если он во время следствия или судебного разбирательства содержался под стражей на законных основаниях, не был доставлен в разумный срок в судебный орган, который не вынес в разумный срок решения по существу...

/.../

– может требовать от государства возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда».

156. Пункт 1 статьи 142 УПК Турции гласит:

«Иск о компенсации ущерба может быть подан в течение трех месяцев после того, как человеку сообщили о вступлении судебного решения или приговора в силу, но в любом случае не позднее чем через год после вступления судебного решения или приговора в силу».

157. Согласно практике Высшего кассационного суда Турции, для того чтобы вынести решение по иску о компенсации ущерба, причиненного чрезмерной продолжительностью предварительного содержания под стражей, который был подан согласно статье 141 УПК Турции, необязательно ждать окончания производства по уголовному делу (решения от 16 июня 2015 г. №№ Е. 2014/21585 – К. 2015/10868 и Е. 2014/6167 – К. 2015/10867).

Ф. Практика Конституционного суда Турции

158. В постановлении от 4 декабря 2013 г. (№ 2012/1272) по поводу заключения депутата под стражу Конституционный суд Турции рассмотрел жалобу на нарушение права быть избранным во взаимосвязи с жалобой на чрезмерную продолжительность предварительного содержания под стражей. Дело касалось заключения под стражу Балбая, который был избран депутатом Национального собрания по результатам парламентских выборов 12 июня 2011 г. 5 августа 2013 г., когда его жалоба еще находилась на рассмотрении в Конституционном суде, Балбая приговорили к лишению свободы сроком на 16 лет. В своем постановлении Конституционный суд установил не только нарушение права на свободу, но и нарушение права быть избранным в связи с чрезмерной продолжительностью предварительного содержания Балбая под стражей после его избрания (более двух лет и одного месяца, а в общей сложности – четыре года и пять месяцев). Конституционный суд постановил:

«132. В данном случае следствие по уголовному делу в отношении заявителя началось задолго до парламентских выборов. Когда заявитель содержался под стражей, он был избран депутатом на парламентских выборах 12 июня 2011 г. В этом отношении избранию заявителя депутатом не помешало ни уголовное преследование, ни предварительное содержание под стражей... Поскольку после избрания заявителя освободили из-под стражи до суда, он не смог ни принести присягу, ни участвовать в заседаниях парламента. Содержание под стражей, сделавшее невозможным исполнение заявителем обязанностей депутата, несомненно, являлось вмешательством в осуществление [им] права быть избранным, потому что [эта мера] осложнила всякую политическую деятельность и [осуществление им функций] депутата.

133. ...[Х]одатайства об освобождении из-под стражи до суда, поданные заявителем после того, как его избрали депутатом, были оставлены компетентными судами без удовлетворения. [Нужно напомнить, что при рассмотрении вопроса о соответствии предварительного содержания под стражей статье 19 Конвенции, аналогичной статье 5 Конвенции], был сделан вывод, что отклонение ходатайств об освобождении из-под стражи до суда, поданных заявителем после его избрания, нарушило справедливое равновесие между его правом быть избранным и заинтересованностью общества в дальнейшем содержании под стражей человека, обвиняемого в совершении преступления. Будучи необоснованно заключен под стражу, заявитель не мог заниматься законотворческой деятельностью. С учетом продолжительности предварительного содержания заявителя под стражей после его избрания нельзя прийти к выводу, что это грубое вмешательство в осуществление права заниматься политической деятельностью являлось соразмерным и соответствовало требованиям демократического общества».

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Материалы общего характера

«*Non-liable? Inviolable? Untouchable? The Challenge of Parliamentary Immunities. An Overview*». Документ, опубликованный бюро Европейского парламента по развитию парламентской демократии

159. В октябре 2012 года бюро Европейского парламента по развитию парламентской демократии опубликовало исследование, посвященное парламентской неприкосновенности, в котором в части, имеющей отношение к настоящему делу, сказано следующее:

«Освобождение от ответственности

Освобождение от ответственности обычно предполагает защиту от любого рода публичных наказаний за действия, совершенные при исполнении депутатом своих обязанностей, или, проще говоря, касается свободы слова депутатов. В целом парламентарии не несут гражданской или уголовной ответственности за действия, которые охватываются этой формой иммунитета. Освобождение от ответственности называют еще “функциональным иммунитетом”, “абсолютным иммунитетом” или “парламентским иммунитетом”.

/.../

Что касается действий, на которые распространяется принцип освобождения от ответственности, к ним относятся голосование и выражение мнений. “Функциональный иммунитет распространяется на все формы, которые может принимать деятельность депутатов, будь то подготовка парламентских документов, выступления или голосование в любых формах, на парламентских сессиях или в комитетах”.

Объем защиты, которая обеспечивается при выражении “мнений”, является одним из самых противоречивых аспектов освобождения от ответственности. В большинстве конституционных текстов используется идея выражения мнений “при исполнении служебных обязанностей”. Это можно толковать довольно-таки широко, так что такая защита начинает распространяться на некоторые заявления, сделанные не в парламенте, а где-то еще. /.../

В отличие от неприкосновенности, освобождение от ответственности имеет абсолютный характер, поскольку обеспечивающаяся депутату защита сохраняется даже по истечении срока его полномочий.

/.../

Неприкосновенность

По общему правилу, эта форма иммунитета означает, что без разрешения парламента депутаты не могут быть задержаны или привлечены к уголовной ответственности за действия, совершенные не в рамках исполнения их парламентских функций.

Сфера применения принципа неприкосновенности зависит от того, насколько сильная защита обеспечивается парламентариям. Так, закон может устанавливать, что без предварительного согласия соответствующей палаты парламента депутаты защищены только от задержания либо, помимо этого, от определенных мер, например от обыска, либо, еще шире, от вызова в суд или даже от любой формы уголовного преследования.

...[Б]ольшинство парламентов считает, что в случае *in flagrante delicto* депутата нужно лишать неприкосновенности. Термин *in flagrante delicto* касается случаев, когда человек застигнут на месте преступления. По общему правилу, определять, относится преступление к категории *in flagrante delicto* или нет, должны судьи. Однако, согласно конституциям некоторых стран, для немедленного лишения депутата неприкосновенности подтвержденного *in flagrante delicto* недостаточно – нужно, чтобы речь при этом шла о преступлении определенной степени тяжести.

Что касается срока действия неприкосновенности, можно отметить, что в одних парламентах эта защита сохраняется на протяжении всего срока депутатских полномочий, тогда как в других она обеспечивается только на время парламентских сессий.

/.../

В отличие от освобождения от ответственности, неприкосновенность действует только в течение срока депутатских полномочий и прекращается по его окончании. Таким образом, судебное разбирательство лишь откладывается, но не исключается окончательно.

Лишение парламентской неприкосновенности

/.../

Так как же парламенты государств-участников принимают решения по поводу того, удовлетворять запросы о лишении парламентской неприкосновенности или отклонять их? По-видимому, при вынесении такого рода решений парламенты опираются, в частности, на следующие руководящие принципы:

- Проверить факты: надлежащее расследование способно привести к выявлению истинной цели выдвинутых обвинений, которая может заключаться в том, чтобы начать несправедливое преследование депутата и поставить под угрозу его свободу и независимость при осуществлении им своих функций.

- Установить, касаются ли выдвинутые утверждения уголовно наказуемых деяний или они, по-видимому, имеют больше политический характер.

- Определить, нужно ли всерьез относиться к предполагаемым основаниям для предъявления обвинения или они являются надуманными...».

В. Материалы, непосредственно касающиеся Турции

1. Заключение Европейской комиссии за демократию через право

(далее – Венецианская комиссия)
относительно статей 216, 299, 301
и 314 Уголовного кодекса Турции

160. 11 и 12 марта 2016 г. на своей 106-й пленарной сессии Венецианская комиссия приняла заключение относительно статей 216, 299, 301 и 314 Уголовного кодекса Турции. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в этом заключении говорится следующее (сноски опущены):

«Е. Статья 314 (вооруженная организация)

95. Статья 314 [Уголовного] кодекса предусматривает ответственность за создание вооруженной организации, которая совершает преступления, перечисленные в части четвертой и пятой главы IV [Уголовного] кодекса (преступления против государства и нации), руководство такой организацией и принадлежность к ней.

/.../

1. Принадлежность к вооруженной организации (статья 314)

98. [Уголовный] кодекс не содержит определения вооруженной организации или вооруженной группы. В постановлении от 3 апреля 2007 г. № Е 2006/10–253 К. 2007/80 Коллегия по общим уголовным делам Высшего кассационного суда перечислила основные требования, которым должна удовлетворять преступная организация для целей применения статьи 220 [Уголовного] кодекса. В организации должно быть не менее трех членов, между членами группы должна существовать тесная или не очень тесная иерархическая связь, поскольку “абстрактной связи” между ее членами недостаточно, у членов группы должен быть общий умысел на совершение преступлений (даже если они еще не совершали преступлений до этого), существование группы должно быть непрерывным во времени, а структура группы, ее численность и оснащение, которым она располагает, должны быть достаточными/подходящими для совершения задуманных преступлений.

/.../

100. Существует обширная практика Высшего кассационного суда, в которой он разработал критерий “принадлежности” к вооруженной организации. Высший кассационный суд рассматривал различные деяния подозреваемых, принимал во внимание их “непрерывность, многообразие и интенсивность”, задаваясь вопросом, указывают ли эти деяния на “органическую связь” подозреваемого с организацией и можно ли считать, что его деяния были совершены сознательно и добровольно в рамках “иерархической структуры” организации. В деле от 6 февраля 2012 г. № Е. 2010/2839, К. 2012/1406 подозреваемые на постоянной основе предоставляли убежище новым кандидатам, которые хотели вступить в террористическую организацию, обеспечивали их поддельными документами и знакомили их с другими членами организации и искали других новых членов организации. Они были осуждены за принадлежность к вооруженной организации. Высший кассационный суд считал подтверждением принадлежности подсудимых к вооруженной организации для целей применения статьи 314

[Уголовного] кодекса ситуации, когда они брали себе псевдоним (в организации), чтобы скрыть свое настоящее имя, прятали в своей квартире бомбу, принесенную членами террористической организации, разъяняли цели и структуру организации новым ее членам, вновь выходили на связь с организацией, освободившись из-под стражи, и пытались собирать средства для нужд организации и поиска новых членов, направляли в организацию свое “резюме”, чтобы вступить в нее, отвозили новичков, желающих стать членами организации, в ее лагерь, собирали средства для организации под предлогом сбора налогов для нужд организации, организовывали оказание медицинской помощи новым членам, прежде чем отсылать их в лагерь организации, и т.д. Непрерывность, многообразие и интенсивность приписываемых подсудимым деяний указывали на то, что они действовали сознательно и добровольно в рамках иерархической структуры вооруженной организации.

/.../

102. По данным неправительственных источников, во многих случаях турецкие суды в порядке применения статьи 314 [Уголовного кодекса] принимают решения о принадлежности человека к вооруженной организации на основании весьма неубедительных доказательств, ставя тем самым под вопрос “предсказуемость” применения этой статьи. Аналогичным образом, организация “Фридом Хаус” (*Freedom House*) в своем докладе 2015 года “О свободе прессы в Турции” отметила, что “статья 314 [Уголовного] кодекса, широко определяющая понятие принадлежности к вооруженной организации, продолжает использоваться для преследования журналистов, особенно журналистов курдского происхождения и журналистов, связанных с политическими партиями левого толка”. Кроме того, организация “Эмнести Интернешнл” (*Amnesty International*) в своем докладе по Турции 2013 года пришла к выводу, что доказательством членства подсудимых в вооруженной организации считаются действия, сами по себе не являющиеся уголовно наказуемыми, например деятельность, направленная на осуществление прав на свободу собраний, объединений и выражения мнения. Причина такого подхода, как сказано в докладе, заключается в том, что, с точки зрения органов прокуратуры, эти действия преследуют такую же общую цель, как и террористическая группа. В результате “люди подвергаются преследованию за принадлежность к террористической организации по обвинениям, связанным исключительно с тем, что они занимаются мирной и самой по себе законной деятельностью в поддержку курдов”. В качестве примеров конкретных случаев, когда в имеющихся доказательствах усмотрели признаки связи подсудимых с террористической организацией, “Эмнести Интернешнл” привела, в частности, участие в шести различных демонстрациях, предположительно организованных террористической организацией, и выступление на одной из них, а также, в другом случае, участие подсудимого в “политической академии”, организованной Партией мира и демократии (ПМД – политической партией, известной своей прокурдской позицией), и в различных мероприятиях, проводившихся под эгидой этой академии.

/.../

106. В заключение Венецианская комиссия рекомендует, во-первых, строго применять установленные в практике Высшего кассационного суда критерии, согласно которым приписываемые подсудимому действия должны указывать на их “непрерывность, многообразие и интенсивность”, на его “органическую связь” с организацией или доказывать, что подсудимый действовал сознательно и добровольно в рамках “иерархической структуры” организации. Вольное применение этих критериев может вызвать проблемы, связанные, в частности, с принципом законности по смыслу положений статьи 7 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ).

107. Во-вторых, выражение мнения, какие бы формы оно ни принимало, не должно быть единственным доказательством, на основании которого турецкие суды принимают решение о принадлежности подсудимого к вооруженной организации. Если имеющиеся доказательства связаны только с различными формами выражения мнения, привлечение к ответственности за принадлежность к вооруженной организации будет являться вмешательством в осуществление подсудимыми права на свободу выражения мнения. Вопрос о необходимости этого вмешательства нужно рассматривать на основании критериев, установленных в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), в частности критериев “призывов к насилию”, с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

/.../

123. Венецианская комиссия... приходит к выводу, что достигнутых успехов явно недостаточно. Все статьи, о которых говорится в настоящем заключении, предусматривают слишком суровые санкции и применяются слишком широко, позволяя привлекать к ответственности за деяния, охраняемые ЕКПЧ, в частности статьей 10 ЕКПЧ, и соответствующей прецедентной практикой, а также за деяния, охраняемые статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП).

124. Все четыре статьи должны применяться совершенно по-другому, так чтобы их применение полностью соответствовало статье 10 ЕКПЧ и статье 19 МПГПП. Комиссия подчеркивает, что практика преследования и привлечения к уголовной ответственности, в частности, нижестоящими судами, которая оказывает сдерживающее воздействие на осуществление свободы выражения мнения, должна прекратиться. Когда по некоторым делам Высший кассационный суд в конечном итоге выносит оправдательные приговоры, этого недостаточно, поскольку до этого люди подвергались уголовному преследованию в течение нескольких лет. Кроме того, Комиссия подчеркивает важность позитивного обязательства государств по созданию благоприятных условий для активного развития разных и альтернативных идей.

/.../

128. Когда речь идет о статье 314 (Принадлежность к вооруженной организации), необходимо ограничительно применять критерий, установленный в практике Высшего кассационного

суда, который заключается в том, что приписываемые подсудимому деяния должны указывать на их “непрерывность, многообразие и интенсивность”, на его “органическую связь” с вооруженной организацией или доказывать, что они были совершены сознательно и добровольно в рамках “иерархической структуры” организации...».

2. Заключение Венецианской комиссии по поводу приостановления действия части второй статьи 83 Конституции Турции

161. 14 и 15 октября 2016 г. на 108-м пленарном заседании Венецианская комиссия приняла заключение о конституционной поправке, исключающей применение принципа парламентской неприкосновенности к делам в отношении депутатов, которые находились на рассмотрении на момент принятия этой поправки. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в этом заключении сказано следующее:

«48. В общей преамбуле к данной поправке поясняется, что ее задачей является отреагировать на возмущение, которое вызвали в обществе “заявления некоторых депутатов, выражавших эмоциональную и моральную поддержку терроризму, поддержка и помощь, которую фактически оказывали террористам некоторые депутаты, и призывы некоторых депутатов к насилию”. Заявления парламентариев, которые можно трактовать как поддержку терроризма, действительно можно считать уголовно наказуемыми, однако такие заявления обычно имеют политический характер, а значит, вопрос о том, должны ли они охватываться принципом освобождения депутатов от ответственности, приобретает особое значение.

/.../

80. Конституционная поправка от 12 апреля 2016 г. являлась *ad hoc*, “точечной” и *ad homines* мерой, направленной против 139 конкретных депутатов, дела в отношении которых уже находились на рассмотрении в парламенте. Выступив в роли законодателя, Великое национальное собрание сохранило на будущее режим неприкосновенности, установленный статьями 83 и 85 Конституции, но сделало из него исключение применительно к конкретным делам, касающимся поименованных лиц, используя, однако, общие формулировки. Это представляет собой злоупотребление процедурой внесения изменений в Конституцию.

81. Довод о том, что рассмотрение дел в отношении этих депутатов по отдельности заняло бы слишком много времени и чрезмерно обременило бы работу Великого национального собрания, представляется необоснованным. Вместо того чтобы упростить процедуру лишения неприкосновенности, была сохранена сложная система, но из нее было сделано исключение для 139 депутатов. Большая загруженность Великого национального собрания не оправдывает выделения дел, касающихся этих депутатов, из остальной массы рассматриваемых дел до и после принятия данной поправки. Это нарушает принцип равенства. По мнению Комиссии, систему парламентской неприкосновенности в Турции нужно не ослаблять,

а усиливать, в частности, для того, чтобы обеспечить депутатам свободу слова...».

3. Заключение Венецианской комиссии по поводу конституционных поправок, принятых Великим национальным собранием Турции 21 января 2017 г. и вынесенных на общенациональный референдум 16 апреля 2017 г.

162. 10 и 11 марта 2017 г. на 110-м пленарном заседании Венецианская комиссия приняла заключение по поводу законопроекта о внесении в Конституцию Турции поправок, предусматривающих переход от парламентской республики к президентской. В части, имеющей отношение к настоящему делу, в этом заключении говорится следующее (сноски опущены):

«21. Во-первых, обсуждение состоялось в отсутствие многих депутатов от оппозиции. Действительно, после принятия 20 мая 2016 г. конституционной поправки, которая была опубликована в Официальном [вестнике] 8 июня 2016 г. и в тот же день вступила в силу, несколько депутатов были лишены парламентской неприкосновенности. 4 ноября 2016 г. председатель второй по величине оппозиционной партии, ДПН (Селахаттин Демирташ), и еще восемь депутатов от ДПН были заключены под стражу. В настоящее время под стражей остаются 13 членов ДПН, несмотря на рекомендацию Венецианской комиссии восстановить парламентскую неприкосновенность в Турции.

<...>

119. Комиссия считает, что предложенный состав ССП [Совета судей и прокуроров] вызывает большие проблемы. Почти половина его членов (4 + 2 = 6 из 13) будет назначаться президентом. В связи с этим важно еще раз подчеркнуть, что президент уже не будет *pouvoir neutre*, а начнет принимать участие в партийной политике: при выборе членов ССП он не обязан будет сохранять политический нейтралитет. Остальные семь членов будут назначаться Великим национальным собранием. Если президентская партия получит большую часть мест в парламенте (три пятых), она сможет назначать всех членов Совета. Если у нее окажется хотя бы две пятых мест (а при системе одновременных выборов это практически гарантировано), она сможет получить несколько мест, сформировав большинство вместе с президентскими назначенцами. Это стало бы серьезной угрозой независимости судебной власти, так как ССП является основным органом самоуправления, который следит за назначением, продвижением по службе, переводом, привлечением к дисциплинарной ответственности и освобождением от должности судей и прокуроров. Таким образом, получить контроль над этим органом значит получить контроль над судьями и прокурорами, особенно в стране, где освобождение судей от должности стало происходить достаточно часто и где переводы судей являются общепринятой практикой. В этом контексте представляется немаловажным, что законопроект о конституционных поправках предусматривает проведение выборов в ССП в течение 30 дней с момента вступления

этих поправок в силу и что политические силы, поддерживающие указанные поправки, контролируют более трех пятых мест в [Великом национальном собрании], а значит, имеют возможность назначить всех членов ССП».

4. Заключение Венецианской комиссии по поводу обязанностей, полномочий и функционирования мировых судов по уголовным делам

163. 13 марта 2017 г. на 110-м пленарном заседании Венецианская комиссия обнародовала заключение (№ 852/2016) по поводу обязанностей, полномочий и функционирования «мировых судов по уголовным делам». В части, имеющей отношение к настоящему делу, в этом заключении сказано следующее (сноски опущены):

«76. Длительность предварительного содержания под стражей остается в Турции серьезной проблемой. Министерство юстиции предоставило статистические данные, согласно которым в 2007–2014 годах, до создания мировых судов, процентное соотношение лиц, содержащихся под стражей, и лиц, отбывающих наказание по приговору суда, уменьшилось с 50 процентов до 14 процентов. Однако до государственного переворота это соотношение оставалось стабильным. Таким образом, статистика показывает, что создание мировых судов и система горизонтального обжалования между мировыми судами одного уровня не позволило решить проблему длительности предварительного содержания под стражей.

78. ...Содержание под стражей по решению мировых судов вызывает проблемы из-за системы горизонтального обжалования. Кроме того, в отношении лиц, остающихся под стражей во время следствия и заключенных под стражу по решению мировых судов на основании недостаточно мотивированных решений... прокуратура должна как можно скорее ходатайствовать об их освобождении.

94. ...[П]орядок создания и функционирования системы мировых судов, который был рассмотрен выше, ведет к недостаточной мотивированности их решений. Таким образом, отдельные случаи с очень большой долей вероятности указывают на существование более широкой проблемы. То, что решения мировых судов можно обжаловать в Конституционный суд, не устраняет этой структурной проблемы.

95. В целом существует множество примеров, когда мировые суды не мотивируют достаточным образом свои решения, которые очень сильно влияют на осуществление прав человека. Вероятно, что мировые суды даже не в состоянии этого делать из-за высокой загруженности».

5. Меморандум Комиссара Совета Европы по правам человека по результатам посещений им Турции в 2016 году

164. 15 февраля 2017 г. Комиссар Совета Европы по правам человека обнародовал меморандум о свободе выражения мнения и свободе средств массовой информации в Турции. В части, имею-

щей отношение к настоящему делу, в этом меморандуме сказано следующее (сноски опущены):

«Использование судебного преследования для ограничения парламентских прений

59. От этой ситуации, очевидно, пострадали критически настроенные журналисты... однако она непосредственно затрагивает многие другие секторы и группы. Особое беспокойство в связи с этим вызывает лишение депутатов неприкосновенности. В рамках инициативы, которую Венецианская комиссия назвала *ad hoc*, «точечной» и *ad homines* мерой, а также злоупотреблением процедурой внесения изменений в Конституцию, депутаты парламента Турции большинством голосов лишили неприкосновенности 139 своих коллег, о которых шла речь в поступивших в парламент, но еще не рассмотренных им запросах о привлечении к уголовной ответственности. Одним из самых тревожных аспектов этой меры стало то, что спорные действия по большей части касались сделанных этими депутатами заявлений, например оскорблений президента или других должностных лиц, пропаганды терроризма или разжигания ненависти. В самой преамбуле к конституционной поправке говорится, что ее задачей является отреагировать на возмущение, которое вызвали в обществе «заявления некоторых депутатов, выражавших эмоциональную и моральную поддержку терроризму». Как подчеркнула Венецианская комиссия, эта мера затронула практически всех депутатов от конкретной оппозиционной партии – ДПН. Эта мера привела к преследованиям множества оппозиционных депутатов, которые продолжают до сих пор. Несколько членов ДПН, в том числе ее сопредседатели, в ноябре 2016 года были задержаны. Власти Турции заявили, что причиной задержаний стал отказ этих депутатов исполнить распоряжение о необходимости личной явки к прокурору. Однако даже после того, как их силой заставили дать показания, 11 депутатов по-прежнему находятся в тюрьме и не могут осуществлять свои парламентские функции в критически важный момент.

60. ЕСПЧ очень четко дал понять, что «свобода выражения мнения важна для каждого, но особенно она важна для избранного представителя народа. Он представляет свой электорат, привлекает внимание к их потребностям и защищает их интересы. Соответственно, вмешательство в осуществление свободы выражения мнения депутатом от оппозиции... требует самого пристального контроля со стороны Европейского Суда». Кроме того, Комиссар напоминает о постановлении ЕСПЧ, касающемся ПДО – предшественницы ДПН, которая была распущена без надлежащих к тому оснований, главным образом из-за заявлений ее членов, которые охраняются статьей 10 ЕКПЧ. Комиссар, в частности, отмечает, что эти заявления очень напоминают высказывания, которые использовались для обоснования лишения неприкосновенности в данном случае.

61. Комиссар обращает особое внимание властей на вывод Европейского Суда, согласно которому параллелей между принципами ПДО и принципами РПК самих по себе недостаточно для вывода о том, что партия одобряет использование силы для проведения своей политики. Если считать,

что какая-то политическая группа поддерживает терроризм только потому, что она отстаивает эти принципы, это уменьшило бы шансы решить сопутствующие проблемы в контексте демократического обсуждения и позволило бы вооруженным движениям монополизировать поддержку соответствующих принципов. В сложившейся обстановке Комиссар полагает, что лишение депутатов неприкосновенности и их последующее задержание и содержание под стражей не только не дало миллионам избирателей возможности осуществить свои избирательные права, но и оказало крайне опасное и сдерживающее воздействие на все население Турции, а также существенно ограничило круг вопросов, подлежащих демократическому обсуждению, в том числе в области прав человека».

6. Решение, принятое Руководящим советом Межпарламентского союза (МПС)

165. 18 октября 2017 г. на 201-м заседании в г. Санкт-Петербурге Руководящий совет МПС принял решение, касающееся 56 депутатов от ДПН, в том числе заявителя. В нем, в частности, говорилось следующее:

«5. Напоминает о своей давней обеспокоенности свободой выражения мнения и свободой объединений в связи с законодательством о борьбе с терроризмом и таким преступлением, как принадлежность к преступной организации, и повторяет свои прежние рекомендации властям Турции срочно принять надлежащие меры по этому поводу; призывает власти Турции поделиться запрошенной информацией о конкретных фактах и доказательствах, приведенных в качестве обоснования обвинений и обвинительных приговоров в отношении соответствующих депутатов, в том числе соответствующими выдержками из всех судебных решений; желает также, чтобы его информировали о ходе разбирательства, в частности о вынесении приговоров.

6. Предупреждает, что ввиду недавних изменений и отсутствия успехов в разрешении дела, по-видимому, становятся достаточно обоснованными опасения, согласно которым ведущееся разбирательство может быть направлено на лишение Демократической партии народов (ДПН) эффективного представительства в парламенте, на ослабление оппозиционных партий в парламенте и на более широкой политической сцене, а значит, на замалчивание интересов групп населения, которые они представляют; подтверждает свои опасения в том, что ограниченные возможности затронутых групп населения быть представленными в парламенте могут способствовать дальнейшему ухудшению политической ситуации и ситуации с безопасностью, сложившейся на юго-востоке Турции, а также ослабить независимость института парламента в целом...».

7. Организация «Эмнести Интернешнл» (Amnesty International). Доклад о ситуации с правами человека в мире за 2017–2018 годы

166. В части, касающейся Турции и имеющей отношение к настоящему делу, в ежегодном докла-

де организации «Эмнести Интернешнл» о ситуации с правами человека в мире за 2017–2018 годы сказано следующее:

«Турция

/.../

Продолжавший действовать режим чрезвычайного положения создавал условия для нарушения прав человека. Всякое инакомыслие безжалостно подавлялось; преследования коснулись, в частности, журналистов, политических деятелей и правозащитников.

Справочные сведения

/.../

В течение всего года под стражей оставались задержанные в 2016 году девять депутатов от курдской левой Демократической партии народов (ДПН), включая двух ее лидеров. Также за решеткой находилось 60 мэров муниципальных образований на преимущественно курдском востоке и юго-востоке Турции, избранных от Демократической партии регионов (крыло ДПН). В течение 2017 года их обязанности исполняли неизбранные чиновники.

/.../

Свобода выражения мнения

Представители гражданского общества и общины часто прибегали к самоцензуре: удаляли сообщения в социальных сетях, воздерживались от публичных комментариев, опасаясь увольнения, закрытия своих организаций или возбуждения уголовного дела. За мирное осуществление своего права на свободу выражения мнения тысячи людей подверглись уголовному преследованию, в том числе по сфабрикованным обвинениям в терроризме и по законам, запрещающим клевету. Подозреваемых произвольно и подолгу содержали под стражей в карательных целях. Секретные подробности о ходе расследования часто утекали в подконтрольные государству СМИ и выплескивались на передовицы газет, а представители властей делали предвзятые заявления по делам, расследование которых еще не завершилось. Не прекращались судебные преследования журналистов и политических деятелей, резко возросло количество дел против правозащитников. С преследованиями столкнулись также иностранные журналисты и СМИ.

Из вещательных и печатных СМИ практически пропала критика властей. Оппозиционные мнения стали в основном уделом интернет-СМИ. Государственная цензура в Интернете, как правило, продолжала осуществляться с помощью административных распоряжений о блокировке, которые практически невозможно оспорить...».

ПРАВО

I. КРУГ ВОПРОСОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ РАССМОТРЕНИЮ БОЛЬШОЙ ПАЛАТОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

167. Европейский Суд напоминает, что содержание и круг вопросов, подлежащих рассмотрению

Большой Палатой Суда в рамках переданного ей дела, определяются решением Палаты Суда по вопросу о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муртазалиева против Российской Федерации» (*Murtazaliyeva v. Russia*) от 18 декабря 2018 г., жалоба № 36658/05¹, § 88). Поэтому Большая Палата Суда не может рассматривать жалобы, которые были признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу. Следовательно, из круга подлежащих рассмотрению вопросов нужно исключить жалобы заявителя на то, что его незаконно задержали и содержали под стражей в отделении полиции, и на то, что первоначальное заключение его под стражу и дальнейшее содержание его под стражей не соответствовали требованиям законодательства Турции, так как Палата Суда признала каждую из этих жалоб неприемлемой для рассмотрения по существу (см. Постановление Палаты Суда по настоящему делу, §§ 127–130 и §§ 142–150 соответственно).

168. Что касается жалобы заявителя на нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции в связи с тем, что он вынужден был вести свою предвыборную кампанию на президентских выборах, находясь под стражей, она впервые была сформулирована в замечаниях, направленных заявителем в Большую Палату Европейского Суда 16 мая 2019 г. Эта жалоба не охватывалась решением Палаты Суда по вопросу о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу, а значит, на данном этапе производства по делу Суд не может ее рассмотреть (см., в числе многих других источников, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Руман против Бельгии» (*Rooman v. Belgium*) от 31 января 2019 г., жалоба № 18052/11², § 123).

169. По поводу жалобы заявителя на нарушение статьи 10 Конвенции Европейский Суд отмечает, что Палата Суда сочла необязательным отдельно рассматривать вопрос о приемлемости этой жалобы для рассмотрения по существу или саму эту жалобу по существу. Поэтому она не была признана ни приемлемой, ни неприемлемой для рассмотрения по существу. В соответствии со своей прецедентной практикой по данному вопросу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илиас и Ахмед против Венгрии» (*Ilias and Ahmed v. Hungary*) от 21 ноября 2019 г., жалоба № 47287/15³, §§ 167–178) Суд приходит к выводу, что эта жалоба входит в круг вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках настоящего дела.

170. С учетом сказанного выше настоящее дело охватывает жалобы заявителя на нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции (в связи с предполагаемым отсутствием обоснованного подозрения в совершении правонарушения), пункта 3 статьи 5 Конвенции, пункта 4 статьи 5 Конвенции (в связи с тем, что Конституционный суд Турции якобы не рассмотрел правомерность заключения заявителя под стражу безотлагательно), статьи 10 Конвенции, статьи 18 Конвенции в связи со статьей 5 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции (в связи с правом баллотироваться на парламентских выборах и заниматься политической деятельностью в качестве депутата).

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ, ЗАЯВЛЕННЫЕ ВЛАСТЯМИ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

171. Власти государства-ответчика выдвинули пять предварительных возражений.

А. Предварительное возражение, заявленное со ссылкой на подпункт «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции

1. Представления сторон

(а) Доводы властей государства-ответчика

172. Власти государства-ответчика утверждали, что в июне 2016 года ДПН подала жалобу в Комитет по правам человека в отношении парламентариев Межпарламентского союза (далее – Комитет МПС) в интересах 55 депутатов от ДПН, в том числе заявителя. Впоследствии эта жалоба была дополнена жалобами, касающимися предварительного содержания этих депутатов под стражей и нарушений их прав. Прежде всего они жаловались на нарушение своей парламентской неприкосновенности. Кроме того, они утверждали, что в связи с уголовными расследованиями и возбужденными в отношении них уголовными делами было нарушено их право на свободу выражения мнения и свободу объединения, и жаловались на то, что некоторые из них были заключены под стражу, а производство по возбужденным в отношении них уголовным делам было несправедливым. Впоследствии Комитет МПС подготовил несколько докладов, а Руководящий совет МПС вынес решения по делу. Так, в апреле 2019 года Руководящий совет МПС попросил Комитет МПС продолжать рассмотрение дела на регулярной основе, чтобы отслеживать последние изменения и поводы для беспокойства и своевременно о них сообщать. Власти государства-ответчика отметили, что дело заявителя все еще находится на рассмотрении в Комитете МПС.

173. Власти государства-ответчика утверждали, что заявитель тем самым сделал свои жалобы пред-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 2 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 3 (примеч. редактора).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 1 (примеч. редактора).

метом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования по смыслу положений подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции, так как они рассматриваются Комитетом МПС. По их мнению, МПС является «международной организацией», как указано в статье 1 его устава, а Палата Европейского Суда допустила ошибку, отклонив их возражение, с учетом Решения Европейской комиссии по делу «Луканов против Болгарии» (*Lukanov v. Bulgaria*) от 12 января 1995 г., жалоба № 21915/93, *Decisions and Reports (DR)* 80-A, с. 108, так как она не приняла во внимание нынешний правовой статус МПС, изменившийся с 1995 года. В этом контексте, сославшись на мнение двух ученых, власти государства-ответчика отметили, что сейчас МПС является общепризнанной международной правительственной организацией.

174. Власти государства-ответчика утверждали, что установленный МПС порядок рассмотрения жалоб на предполагаемые нарушения прав депутатов предполагает квазисудебное разбирательство, похожее на то, которое предусмотрено Конвенцией, а значит, является «другой процедурой международного разбирательства или урегулирования» по смыслу положений подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции. В связи с этим они отмечали, что у разбирательства в МПС есть много общего с разбирательством в Рабочей группе Совета ООН по правам человека по произвольным задержаниям и в Комитете Международной организации труда (далее – МОТ) по свободе объединений. Разбирательства в обоих этих органах, согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, считаются «другой процедурой международного разбирательства или урегулирования».

(b) Доводы заявителя

175. Ссылаясь на дело «Гюрдениз против Турции» (Решение Европейского Суда по делу «Гюрдениз против Турции» (*Gürdeniz v. Turkey*) от 18 марта 2014 г., жалоба № 59715/10), заявитель утверждал, что порядок рассмотрения споров, установленный МПС, не соответствует определению «другая процедура международного разбирательства или урегулирования». Этот порядок не предполагает судебного или квазисудебного разбирательства, похожего на то, которое предусмотрено Конвенцией. В связи с этим он отметил, что доклады МПС составляются в ответ на жалобы соответствующих депутатов, но там не рассматриваются обстоятельства каждого из них в отдельности. Поэтому указанные доклады не являются решением, способным эффективно устранить причиненный ущерб.

176. Заявитель утверждал, что в 71-страничном докладе, принятом Комитетом МПС в ответ на жалобу депутатов от ДПН, содержались оцен-

ки, предложения и рекомендации в отношении не только Турции, но и других стран. Положение турецких парламентариев рассматривается на страницах 49–56 доклада. В соответствующих фрагментах речь идет не только о ситуации заявителя, но и о положении всех депутатов от ДПН – как бывших членов парламента, так и депутатов от НРП. Там дается общая оценка лишения парламентской неприкосновенности, свободы выражения мнения, свободы объединений и судебной системы в Турции. Заявитель отмечал, что решения, принимающиеся Комитетом ООН по правам человека и Рабочей группой по произвольным задержаниям, и по форме, и по содержанию отличаются от доклада МПС, который не дает оснований для того, чтобы юридически установить нарушение соответствующих прав. В данном случае в докладе критикуются власти государства-ответчика за то, что они не разрешили МПС встретиться с содержащимися под стражей депутатами, критикуется назначение им наказания, связанного с лишением свободы, отмечается, что половина депутатов, содержащихся под стражей, и четыре из пяти депутатов, лишенных полномочий, являются женщинами, и, соответственно, подчеркивается обеспокоенность МПС тем, что эта ситуация может уменьшить представленность женщин в Национальном собрании.

177. Согласно представлениям заявителя, доклад Комитета МПС и решение Руководящего совета МПС содержали политические выводы этого органа, сделанные с целью оказать политическое давление на власти. Эти органы не рассмотрели всех утверждений о нарушениях прав человека, выдвинутых им в настоящей жалобе, и не обеспечили устранения причиненного этими нарушениями ущерба.

2. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

178. Палата Европейского Суда согласилась с выводом, к которому пришла Европейская Комиссия по правам человека (далее – Европейская Комиссия или Комиссия) в упомянутом выше деле «Луканов против Болгарии» (*Lukanov v. Bulgaria*), установив, что МПС не обеспечивает «другой процедуры международного разбирательства или урегулирования», поскольку он является неправительственной организацией, объединяющей парламентариев из разных стран мира. Соответственно, Палата Суда отклонила возражение властей государства-ответчика.

3. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

179. В настоящем деле от Европейского Суда впервые с тех пор, как Европейская Комиссия вынесла упомянутое выше решение по делу

«Луканов против Болгарии» (Lukanov v. Bulgaria), требуется рассмотреть с точки зрения подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции вопрос о том, можно ли считать обращение в Комитет МПС «другой процедурой международного разбирательства или урегулирования».

180. Вначале Европейский Суд отмечает, что речь идет о второй части подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции, которая отражает принцип *lis pendens*¹. Задачей этого принципа является недопущение ситуации, когда по существу аналогичные жалобы рассматриваются несколькими международными органами одновременно; это было бы несовместимо с духом и буквой Конвенции, которая направлена на то, чтобы избежать неоднократности рассмотрения одних и тех же дел на международном уровне (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомильа и другие против Хорватии» (Radomilja and Others v. Croatia) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12², § 119).

181. Относительно первого аспекта этого критерия Европейский Суд напоминает, что жалоба считается «по существу аналогичной» при совпадении обстоятельств, сторон и поданных жалоб (см. упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Гюрдениз против Турции» (Gürdeniz v. Turkey), § 41).

182. По поводу второго аспекта этого критерия – не стал ли еще вопрос, затронутый в индивидуальной жалобе, предметом «другой процедуры международного разбирательства или урегулирования» в том значении, которое придается этому выражению в подпункте «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции, – Европейский Суд напоминает, что его анализ не ограничивается формальной проверкой и что при необходимости он выясняет, исключает ли это положение Конвенции компетенцию Суда рассматривать дело в силу характера надзорного органа, порядка рассмотрения им жалобы и последствий его решений (см. Решение Большой Палаты Европейского Суда по вопросу о правомочности Европейского Суда выносить консультативное заключение, § 31, ECHR 2004-VI). В этом отношении основная задача Суда при рассмотрении данного вопроса заключается в том, чтобы определить, можно ли считать обращение в этот орган аналогом права на подачу индивидуальной жалобы, предусмотренного статьей 34 Конвенции, с точки зрения процессуальных аспектов и потенциальных последствий. Далее Суд напоминает, что одна из его функций при рассмотрении жалоб, поданных согласно статье 34 Конвенции, состоит

в отправлении правосудия по отдельным делам и в присуждении при необходимости справедливой компенсации.

183. Европейский Суд установил критерии в этой сфере в своем Решении по делу «Греческая федерация профсоюзов банковских работников против Греции» (Решение Европейского Суда по делу «Греческая федерация профсоюзов банковских работников против Греции» (Greek Federation of Bank Employee Unions v. Greece) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 72808/10, §§ 32–45). Он пришел к выводу, что соответствующая процедура должна предусматривать ряд особенностей и гарантий, обеспечивающих заявителю эффективную защиту. Помимо того, что этот механизм должен давать возможность установить ответственность государства (см. Решение Европейского Суда по делу «Перальди против Франции» (Peraldi v. France) от 7 апреля 2009 г., жалоба № 2096/05) и положить конец предполагаемому нарушению, надлежащим образом устранив причиненный им ущерб (см. Решение Европейского Суда по делу «Миколенко против Эстонии» (Mikolenko v. Estonia) от 5 января 2006 г., жалоба № 16944/03), он должен иметь публичный, международный, а также судебный или квазисудебный характер.

184. В упомянутом выше Решении по делу «Луканов против Болгарии» (Lukanov v. Bulgaria) Европейская Комиссия пришла к выводу, что термин «другая процедура» предполагает судебное или квазисудебное разбирательство, аналогичное тому, которое предусмотрено Конвенцией, а термин «международное разбирательство или урегулирование» указывает на органы и процедуры, созданные государствами, исключая тем самым неправительственные организации. Кроме того, Комиссия установила, что подпункт «b» пункта 1 статьи 27 Конвенции (аналогичный нынешнему подпункту «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции) касается межправительственных органов и процедур. Таким образом, Комиссия уточнила, что механизмы, созданные неправительственными организациями, явно не подпадают под действие подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции. При этом, однако, даже если тот или иной механизм не был создан неправительственной организацией, это не означает автоматически, что он является «другой процедурой международного разбирательства или урегулирования». В конечном счете, вопрос, на который Европейский Суд должен ответить в таких ситуациях, заключается в том, обеспечивает ли этот механизм «судебное или квазисудебное разбирательство, похожее на то, которое предусмотрено Конвенцией», с учетом, *inter alia*, критериев, сформулированных в упомянутом выше Решении Европейского Суда по делу «Греческая федерация профсоюзов банковских работников против Греции» (Greek Federation of Bank Employee Unions v. Greece), а также институционных и про-

¹ *Lis pendens* (лат.) – здесь: принцип недопустимости параллельного рассмотрения одной и той же жалобы разными органами (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

цессуальных гарантий, которые такой механизм должен обеспечивать.

185. В связи с этим необходимо, чтобы соответствующий механизм и его члены были независимыми и беспристрастными в соответствии со статьей 6 Конвенции (см. упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Перальди против Франции» (*Peraldi v. France*) и упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Греческая федерация профсоюзов банковских работников против Греции» (*Greek Federation of Bank Employee Unions v. Greece*), §§ 35–37). Говоря о процессуальных гарантиях, Европейский Суд полагает, что судебный или квазисудебный орган должен обеспечивать рассмотрение дела на основе принципа состязательности, так чтобы каждая сторона уведомлялась о представлениях другой стороны и могла на них ответить. Такого рода орган должен также соблюдать право сторон на участие в рассмотрении дела, например путем направления замечаний. Кроме того, данный орган должен реагировать на индивидуальные жалобы, вынося по ним публичные и мотивированные решения (см. для сравнения упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Миколенко против Эстонии» (*Mikolenko v. Estonia*) и Постановление Европейского Суда по делу «Целнику против Греции» (*Celniku v. Greece*) от 5 июля 2007 г., жалоба № 21449/04, § 40). Кроме того, он должен давать возможность установить ответственность государства согласно правовому акту, на котором основан его анализ, и обеспечивать средство правовой защиты, способное положить конец предполагаемому нарушению (см. для сравнения упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Миколенко против Эстонии» (*Mikolenko v. Estonia*) и Постановление Европейского Суда по делу «Каруссиотис против Португалии» (*Karoussiotis v. Portugal*), жалоба № 23205/08¹, §§ 59–76, ECHR 2011 (извлечения)).

186. Далее Европейский Суд полагает, что требование обеспечивать судебное или квазисудебное разбирательство, похожее на то, которое предусмотрено Конвенцией, неизбежно предполагает, что рассмотрение дела соответствующим органом имеет четко определенные рамки и ограничивается определенными правами и стандартами, основанными на правовом акте или правовой «базе», посредством которых государства наделили этот орган полномочиями рассматривать поступающие в него жалобы и выносить по ним решения. Это особенно уместно при рассмотрении сходства между таким механизмом и Европейским Судом, так как в задачи Суда, согласно статье 32 Конвенции, входит толкование и применение положений Конвенции и, как предусматривает ста-

тья 19 Конвенции, обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя государствами – участниками Конвенции. В отсутствие правового акта, эффективно определяющего полномочия конкретного органа, Суду будет сложнее установить характер и функции этого органа и обязанности государств-участников.

187. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, власти государства-ответчика утверждали, в частности, что с момента вынесения Европейской Комиссией упомянутого выше решения по делу «Луканов против Болгарии» (*Lukanov v. Bulgaria*) правовой статус МПС изменился и что, по их мнению, сейчас его следует считать «международной правительственной организацией», подпадающей под действие подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции. Даже если предположить, что статус МПС изменился по сравнению с упомянутой выше двойственной правовой природой этого органа, установленной в деле «Луканов против Болгарии», с момента вынесения этого решения, Европейский Суд полагает, что ему необязательно разрешать этот вопрос для целей анализа, который он производит в настоящем деле с точки зрения подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции. Вместо этого Суд сосредоточится на том, является ли обращение в данный орган аналогом подачи индивидуальной жалобы, согласно статье 34 Конвенции, с точки зрения его характерных особенностей и потенциальных последствий. Для этого Суд исследует характер разбирательства в Комитете МПС, чтобы решить, удовлетворяет ли оно изложенным выше требованиям.

188. В связи с этим в задачи Комитета МПС не входит разрешение споров между физическим лицом и государством на основании правового акта, посредством которого государства согласились наделить его соответствующими полномочиями в отношении некоторых четко определенных прав. На самом деле, как указано в Правилах и практике Комитета МПС, принятых в феврале 1989 года, с изменениями, внесенными в мае 2007 года, в марте 2014 года, в апреле 2015 года и в апреле 2017 года, задачей Комитета МПС является защита прав человека действующих и, в определенных случаях, бывших парламентариев в общем плане, когда бы их права ни подвергались опасности и когда бы они ни казались нарушенными. Его цели заключаются в том, чтобы предотвращать возможные нарушения, пресекать длящиеся нарушения и (или) поощрять принимаемые государствами меры по эффективному устранению причиненного этими нарушениями ущерба, делая при этом «всё возможное для активизации диалога с властями соответствующих стран, прежде всего с их парламентами, для достижения удовлетворительного урегулирования спора». Вследствие этого Комитет МПС не стремится проверять соблюдение государством обязательств, которое оно на себя

¹ См.: Избранные постановления Европейского Суда. 2012. № 4 (примеч. редактора).

взяло согласно какому-то конкретному правовому акту. Таким образом, нельзя сказать, что Комитет МПС обеспечивает судебное или квазисудебное разбирательство, похожее на то, которое предусмотрено Конвенцией.

189. Принимая во внимание этот вывод, Европейский Суд считает необязательным отдельно рассматривать вопрос о том, является ли настоящая жалоба «по существу аналогичной» обращению в Комитет МПС.

190. С учетом приведенных выше соображений возражение властей государства-ответчика, заявленное со ссылкой на подпункт «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции, должно быть отклонено.

В. Предварительное возражение относительно того, что заявитель не обратился в Конституционный суд Турции с индивидуальной жалобой

1. Представления сторон

(а) Доводы властей государства-ответчика

191. Власти государства-ответчика ссылались на прецедентную практику Европейского Суда, согласно которой требование об исчерпании заявителями внутригосударственных средств правовой защиты обычно оценивается со ссылкой на дату подачи жалобы в Европейский Суд. Они утверждали, что заявитель обратился в Европейский Суд практически через три месяца после подачи индивидуальной жалобы в Конституционный суд Турции и на тот момент его жалоба еще не была рассмотрена Конституционным судом. Таким образом, он использовал обращение в Европейский Суд не как субсидиарное, а как дополнительное или альтернативное средство правовой защиты. В этом случае Суд должен отклонить жалобу в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты со ссылкой на дату подачи жалобы в Европейский Суд.

(b) Доводы заявителя

192. Заявитель оспаривал довод властей государства-ответчика. По его мнению, если Европейский Суд согласится с доводом властей государства-ответчика, это будет означать, что жалобы на произвольное лишение свободы можно рассматривать только после вынесения окончательного решения по делу на внутригосударственном уровне, а значит, обращение в Европейский Суд с индивидуальной жалобой станет неэффективным.

2. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

193. Европейский Суд напоминает, что соблюдение заявителем требования об исчерпании

внутригосударственных средств правовой защиты обычно оценивается со ссылкой на дату подачи жалобы в Европейский Суд. Однако, как показывает устоявшаяся прецедентная практика Суда, он не возражает, если последняя стадия использования какого-то конкретного средства правовой защиты будет достигнута после подачи жалобы, но до вынесения решения по вопросу о ее приемлемости для рассмотрения по существу (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Каруссиотис против Португалии» (Karoussiotis v. Portugal), § 57; Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (Mehmet Hasan Altan v. Turkey) от 20 марта 2018 г., жалоба № 13237/17, § 107; Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (Şahin Alpay v. Turkey) от 20 марта 2018 г., жалоба № 16538/17, § 86; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Молла Сали против Греции» (Molla Sali v. Greece) от 19 декабря 2018 г., жалоба № 20452/14¹, §§ 90–91; и Постановление Европейского Суда по делу «А.М. против Франции» (A.M. v. France) от 29 апреля 2019 г., жалоба № 12148/18, § 66).

194. Заявитель по настоящему делу подал жалобу в Европейский Суд 20 февраля 2017 г. Индивидуальная жалоба, с которой он обратился в Конституционный суд Турции 17 ноября 2016 г., была признана неприемлемой для рассмотрения по существу 21 декабря 2017 г., то есть до вынесения Европейским Судом решения по вопросу о приемлемости настоящей жалобы для рассмотрения по существу. Следовательно, это возражение властей государства-ответчика должно быть отклонено.

С. Предварительное возражение относительно неисчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты (в связи с жалобами на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, статьи 18 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции)

1. Представления сторон

(а) Доводы властей государства-ответчика

195. Власти государства-ответчика утверждали, что, когда заявитель впервые обратился в Конституционный суд Турции, он не жаловался на нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции, статьи 18 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Он стал ссылаться на нарушения этих положений Конвенции лишь в последующих обращениях. Кроме того, соответствующие обращения еще не были рассмотрены Конституционным

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 3 (примеч. редактора).

судом. Соответственно, власти государства-ответчика отмечали, что в этой части жалобу следует признать неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты.

(b) Доводы заявителя

196. Заявитель утверждал, что он исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. Он отметил, что он действительно подал еще две индивидуальные жалобы в Конституционный суд Турции. Первая жалоба касалась права предстать перед судьей (власти не доставляли его к судье больше года с того момента, когда он в первый раз был заключен под стражу), а вторая жалоба была связана с отклонением судом по тяжким уголовным преступлениям его ходатайства об освобождении из-под стражи на время избирательной кампании перед президентскими выборами. Результат рассмотрения этих жалоб не может повлиять на суть настоящего дела, поскольку 21 декабря 2017 г. Конституционный суд уже отклонил жалобы заявителя или отказался их рассматривать.

2. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

197. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что, как видно из первого постановления Конституционного суда Турции, в своей первоначальной жалобе заявитель утверждал, что его задержали, заключили под стражу в отделении полиции и избрали в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу в связи с высказываниями на политические темы, содержащимися в его выступлениях в качестве депутата и сопредседателя политической партии. Кроме того, он утверждал, что с учетом наличия у него статуса депутата предварительное содержание его под стражей нарушало его право на свободные выборы (см. выше § 97). Соответственно, Европейский Суд полагает, что в своем первом индивидуальном обращении в Конституционный суд заявитель действительно сформулировал жалобы на нарушение статьи 18 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции.

198. Однако Конституционный суд Турции отметил, что в первоначальном обращении заявителя не содержалось жалоб на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием уместных и достаточных оснований, оправдывающих продление срока предварительного содержания его под стражей (см. § 118 постановления Конституционного суда). Конституционный суд указал, что заявитель впервые упомянул о соответствующем нарушении, отвечая на замечания Министерства юстиции Турции. Соответственно, оговорившись, что заявитель может подать в Конституционный суд новую индивидуальную жалобу, Конституционный суд

решил не рассматривать его жалобу в этой части. Однако, исходя из копии первоначального обращения заявителя в Конституционный суд, которая приобщена к материалам дела, Европейский Суд отмечает, что в §§ 21–30 этого обращения заявитель прямо сформулировал жалобу на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции. В соответствующем разделе жалобы он прежде всего процитировал пункт 3 статьи 5 Конвенции (§ 21). Затем он отметил, что человека, лишенного свободы, следует незамедлительно доставить к судье и что продолжительность лишения его свободы не должна выходить за рамки разумного срока (§ 22). Заявитель также утверждал, что суровость потенциального наказания не может служить основанием для установления опасности того, что он может скрыться (§ 28). Далее он жаловался на то, что в отношении него не было избрано меры пресечения, не связанной с заключением под стражу (§ 29). Наконец, он жаловался на то, что не было приведено конкретных соображений, оправдывающих предварительное содержание его под стражей (§ 30). В этих обстоятельствах Суд полагает, что в первоначальном обращении заявителя содержались жалобы на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции и жалобы на нарушение статьи 18 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Поэтому, вопреки выводам Конституционного суда, его последующие замечания касаются не обстоятельств, о которых не говорилось в его первоначальном обращении, а изменений ситуации в связи с продлением срока предварительного содержания его под стражей (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) от 22 мая 2014 г., жалоба № 15172/13¹, § 78).

199. Далее, согласно правилу 55 Регламента Европейского Суда, любое возражение против приемлемости жалобы для рассмотрения по существу должно быть указано Высокой Договаривающейся Стороной – ответчиком, насколько это позволяет характер возражения и обстоятельства, в письменных или устных замечаниях по вопросу о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации» (Navalnyy v. Russia) от 15 ноября 2018 г., жалоба № 29580/12 и четыре других жалобы², § 60).

200. В настоящем деле в своих замечаниях от 24 ноября 2017 г., представленных в Палату Европейского Суда, власти государства-ответчика выдвинули возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 5 (примеч. редактора).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 1 (примеч. редактора).

утверждая, что индивидуальная жалоба заявителя в Конституционный суд Турции еще не рассмотрена, – возражение, аналогичное тому, которое рассматривалось выше в §§ 193 и 194. Кроме того, 4 января 2018 г., примерно через две недели после вынесения постановления Конституционного суда, власти государства-ответчика представили дополнительные замечания по делу, в которых они отметили, что Конституционный суд рассмотрел жалобы, поданные заявителем и еще одним депутатом от его партии – Айханом Билгеном (*Ayhan Bilgen*). Пересказав соответствующие постановления, власти государства-ответчика заявили, что Европейский Суд должен признать жалобу А. Билгена неприемлемой для рассмотрения по существу, поскольку он утратил статус жертвы нарушения Конвенции. Однако в своих дополнительных замечаниях они не выдвинули возражения о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении заявителя. Другими словами, власти государства-ответчика не выдвигали такого рода предварительного возражения в своих замечаниях по делу до вынесения Палатой Суда решения по вопросу о приемлемости настоящей жалобы для рассмотрения по существу. Однако ничто не мешало властям государства-ответчика заявить довод о неприемлемости для рассмотрения по существу жалоб на нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции, статьи 18 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции в Палате Суда, которая вынесла Постановление по вопросу о приемлемости настоящей жалобы для рассмотрения по существу и по существу дела 20 ноября 2018 г., то есть более чем через 11 месяцев после вынесения постановления Конституционного суда. Поэтому Суд полагает, что власти государства-ответчика в любом случае уже не могут выдвигать это возражение на данной стадии разбирательства (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08¹, § 82, ЕСНР 2014 (извлечения), § 82; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са против Португалии» (*Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal*) от 6 ноября 2018 г., жалоба № 55391/13 и две другие жалобы², § 109).

201. Соответственно, Европейский Суд отклоняет это возражение властей государства-ответчика.

D. Возражение, связанное с тем, что заявитель не воспользовался таким средством правовой защиты,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2019. № 4 (примеч. редактора).

**как иск о компенсации ущерба
(в связи с жалобами на нарушение
пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции)**

1. Представления сторон

(а) Доводы властей государства-ответчика

202. Ссылаясь, в частности, на Решение Европейского Суда по делу «Демир против Турции» (*Demir v. Turkey*) от 16 октября 2012 г., жалоба № 51770/07, §§ 22–26, Решение Европейского Суда по делу «Паша Байрактар и Айдынкая против Турции» (*Paşa Bayraktar and Aydıncaya v. Turkey*) от 16 мая 2017 г., жалоба № 38337/12, §§ 24–31 и Постановление Европейского Суда по делу «А.Ş. против Турции» (*A.Ş. v. Turkey*) от 13 сентября 2016 г., жалоба № 58271/10, §§ 85–95, власти государства-ответчика выдвинули возражение о неисчерпании заявителем внутригосударственных средств правовой защиты, отмечая, что подпункты «а» и «d» пункта 1 статьи 141 УПК Турции предусматривают присуждение компенсации каждому, кто был незаконно задержан или несправедливо заключен под стражу. Поскольку предварительное содержание заявителя под стражей закончилось после вынесения ему обвинительного приговора по другому делу, он мог и должен был подать иск о компенсации ущерба на основании этих положений. В этом отношении власти государства-ответчика утверждали, что, согласно устоявшейся практике Высшего кассационного суда Турции, для того чтобы вынести решение по иску о компенсации ущерба, причиненного чрезмерной продолжительностью предварительного содержания под стражей, который был подан согласно статье 141 УПК Турции, необязательно ждать вынесения окончательного приговора по существу дела.

(b) Доводы заявителя

203. Заявитель оспаривал довод властей государства-ответчика. Во-первых, поскольку, по его мнению, он до сих пор лишен свободы для целей применения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, он утверждал, что нельзя считать, будто средство правовой защиты, предусмотренное статьей 141 УПК Турции, способно положить конец предварительному содержанию его под стражей. Далее, ссылаясь на подход, которому Европейский Суд следовал в делах «Лютфие Зенгин и другие против Турции» (Постановление Европейского Суда по делу «Лютфие Зенгин и другие против Турции» (*Lütfiye Zengin and Others v. Turkey*) от 14 апреля 2015 г., жалоба № 36443/06) и «Мустафа Авджи против Турции» (Постановление Европейского Суда по делу «Мустафа Авджи против Турции» (*Mustafa Avcı v. Turkey*) от 23 мая 2017 г., жалоба № 39322/12), он утверждал, что подача иска

о компенсации ущерба не могла привести к признанию того, что он был произвольно лишен свободы.

2. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

204. Палата Европейского Суда напомнила: для того чтобы средство правовой защиты, связанное с законностью продолжающегося лишения свободы, было эффективным, оно должно обеспечивать шансы на освобождение из-под стражи. Отметив, что заявитель все еще содержится под стражей для целей применения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции и что средство правовой защиты, предусмотренное статьей 141 УПК Турции, не способно положить конец предварительному содержанию его под стражей, она отклонила возражение властей государства-ответчика.

3. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

205. Европейский Суд напоминает, что, согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции, он может принять дело к рассмотрению лишь после исчерпания тех внутригосударственных средств правовой защиты, которые имеют отношение к предполагаемым нарушениям Конвенции, а также являются уместными и достаточными. Кроме того, Суд подтверждает, что власти государства-ответчика, выдвигающие возражение о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, должны убедить его в том, что соответствующее средство правовой защиты было эффективным и существовало в спорный период времени не только в теории, но и на практике, то есть что оно было доступным, позволяло устранить негативные последствия обжалуемых заявителем нарушений и давало разумные шансы на благоприятный для него результат рассмотрения дела (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, § 76, ECHR 1999-V; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сейдович против Италии» (*Sejdovic v. Italy*), жалоба № 56581/00, § 46, ECHR 2006-II; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вучкович и другие против Сербии» (предварительное возражение) (*Vučković and Others v. Serbia*) (preliminary objection) от 25 марта 2014 г., жалоба № 17153/11 и еще 29 жалоб, § 74; и Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гергина против Румынии» (*Gherghina v. Romania*) от 9 июля 2015 г., жалоба № 42219/07¹, § 85). Если они справятся с этой задачей, заявителю придется показать либо что средство правовой

защиты, на которое ссылаются власти государства-ответчика, было на самом деле использовано, либо что по той или иной причине оно оказалось недостаточным и неэффективным в конкретных обстоятельствах дела, либо что имелись особые обстоятельства, освобождающие его от необходимости исчерпать это средство (см. Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*) от 16 сентября 1996 г., § 68, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Молла Сали против Греции» (*Molla Sali v. Greece*), § 89).

206. В этом контексте просто существование сомнений в том, обеспечивает ли то или иное средство правовой защиты, которое не является очевидно бесполезным, шансы на благоприятный для заявителя результат рассмотрения дела, не считается уважительной причиной для неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Кроме того, заявитель, который не воспользовался средством правовой защиты, способным напрямую, а не просто косвенно устранить негативные последствия обжалуемой им ситуации, не обязан прибегать к другим средствам правовой защиты, которые, может быть, и существуют, но эффективность которых сомнительна (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлианатос и другие против Греции» (*Vallianatos and Others v. Greece*), жалобы №№ 29381/09 и 32684/09, § 52, ECHR 2013 (извлечения)).

207. Для того чтобы средство правовой защиты, связанное с законностью продолжающегося лишения свободы, было эффективным, оно должно обеспечивать шансы на освобождение из-под стражи (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мустафа Авджи против Турции» (*Mustafa Avci v. Turkey*), § 60). Другими словами, средство правовой защиты, которое не обеспечивает возможности освобождения из-под стражи, нельзя считать эффективным средством правовой защиты для целей применения статьи 5 Конвенции в ситуации, когда лишение свободы еще не закончилось. Европейский Суд подтверждает свою прецедентную практику, согласно которой превентивные и компенсационные средства правовой защиты должны дополнять друг друга (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Улемек против Хорватии» (*Ulemek v. Croatia*) от 31 октября 2019 г., жалоба № 21613/16, §§ 72–74).

208. Однако в случаях, когда лишение свободы подошло к концу, ситуация может быть иной (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джунейт Полат против Турции» (*Cüneyt Polat v. Turkey*) от 13 ноября 2014 г., жалоба № 32211/07, § 49; и упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Паша Байрактар и Айдынкая против Турции» (*Raşa Bayraktar and Aydıncaya v. Turkey*), § 28). В том,

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 8 (примеч. редактора).

что касается лишения свободы, у Европейского Суда уже была возможность рассмотреть множество таких дел (см., в числе прочих источников, Решение Европейского Суда по делу «Колевы против Болгарии» (Kolevi v. Bulgaria) от 4 декабря 2007 г., жалоба № 1108/02; Постановление Европейского Суда по делу «Рахмани и Динева против Болгарии» (Rahmani and Dineva v. Bulgaria) от 10 мая 2012 г., жалоба № 20116/08, § 66; Постановление Европейского Суда по делу «Гаврила Йосифов против Болгарии» (Gavril Yosifov v. Bulgaria) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 74012/01, § 41; и Постановление Европейского Суда по делу «Доленец против Хорватии» (Dolenec v. Croatia) от 26 ноября 2009 г., жалоба № 25282/06, § 184). Прецедентная практика Суда в этой области указывает на то, что, когда заявитель жалуется на заключение его под стражу в нарушение требований внутреннего законодательства, а содержание его под стражей уже закончилось, подача иска о компенсации ущерба, который может привести к признанию предполагаемого нарушения и присуждению компенсации, в принципе является эффективным средством правовой защиты, которым нужно воспользоваться, если его эффективность на практике была убедительно установлена.

209. В этом отношении в упомянутых выше делах Европейский Суд тщательно рассматривал вопрос о том, был ли незаконный или ненадлежащий характер лишения свободы признан на внутригосударственном уровне. Например, в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Рахмани и Динева против Болгарии» (Rahmani and Dineva v. Bulgaria), § 68, отмечено, что болгарские суды прямо признали, что заключение заявителя под стражу нарушало и внутреннее законодательство, и подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. В деле «Колевы против Болгарии» (Kolevi v. Bulgaria) вышестоящий суд установил, что содержание заявителя под стражей было незаконным с самого начала. В деле «Гаврила Йосифов против Болгарии» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Гаврила Йосифов против Болгарии» (Gavril Yosifov v. Bulgaria), § 43) Суд принял во внимание, что по некоторым обвинениям заявитель был оправдан, а значит, получил возможность требовать компенсацию. В деле «Доленец против Хорватии» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Доленец против Хорватии» (Dolenec v. Croatia), § 185) хорватский суд прямо признал, что установленный законом срок содержания заявителя под стражей уже истек и что дальнейшее содержание его под стражей сверх этого срока нарушало внутреннее законодательство.

210. Однако в настоящем деле жалобы заявителя на незаконность предварительного содержания его под стражей изначально были поданы в суды первой инстанции (в мировые суды г. Диярбакыр, в суд по тяжким уголовным преступ-

лениям г. Диярбакыр и в суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары), а впоследствии в Конституционный суд Турции. Ни один из этих судов ни прямо, ни косвенно не признал, что содержание его под стражей имело ненадлежащий или незаконный характер. Его ходатайства об освобождении из-под стражи неоднократно отклонялись. Соответственно, с учетом решений судов Турции, в частности постановления Конституционного суда, который пришел к выводу, что предварительное содержание заявителя под стражей соответствует Конституции, Европейский Суд полагает, что иск о возмещении ущерба, поданный на основании подпункта «а» пункта 1 статьи 141 УПК Турции, был бы обречен на неудачу (см. также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Лютфие Зенгин и другие против Турции» (Lütfiye Zengin and Others v. Turkey), § 65).

211. Власти государства-ответчика ссылались на дело «Паша Байрактар и Айдынкая против Турции» (см. упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Паша Байрактар и Айдынкая против Турции» (Paşa Bayraktar and Aydıncaya v. Turkey)), но в том деле заявители утверждали, что продолжительность содержания их под стражей в отделении полиции превысила максимальный установленный законом срок и что их не доставили к судье «незамедлительно». В конкретных обстоятельствах того дела Европейский Суд пришел к выводу, что заявители должны были подать в турецкие суды иск на основании подпункта «b» пункта 1 статьи 141 УПК Турции, которая дает возможность добиваться компенсации причиненного ущерба каждому, кого не доставили к судье в течение установленного законом допустимого срока содержания под стражей в отделении полиции. Однако заявитель по настоящему делу с такой жалобой не обращался.

212. Говоря о средстве правовой защиты, предусмотренном подпунктом «d» пункта 1 статьи 141 УПК Турции, Европейский Суд отмечает, что его первое ведущее решение по этому поводу (см. упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Демир против Турции» (Demir v. Turkey)) касалось исключительно вопроса о продолжительности предварительного содержания под стражей, которая в том деле составила около семи лет. В том деле заявитель не оспаривал законности заключения его под стражу и не жаловался на отсутствие оснований, которые можно было бы назвать «уместными» и «достаточными» для того, чтобы оправдать первоначальное заключение его под стражу и дальнейшее содержание его под стражей. Далее Суд отмечает: в деле «Лютфие Зенгин и другие против Турции» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Лютфие Зенгин и другие против Турции» (Lütfiye Zengin and Others v. Turkey)) он пришел к выводу, что соответствующая правовая норма предусматривает средство правовой защиты исключительно в связи с чрез-

мерной продолжительностью лишения свободы (также см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «А.Ş. против Турции» (A.Ş. v. Turkey), § 94).

213. В настоящем деле жалоба заявителя касается не просто чрезмерной продолжительности предварительного содержания его под стражей. Со ссылкой на пункт 3 статьи 5 Конвенции он, прежде всего, утверждал, что турецкие суды не привели уместных и достаточных оснований, оправдывающих первоначальное заключение его под стражу и дальнейшее содержание его под стражей. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что формулировка подпункта «d» пункта 1 статьи 141 УПК Турции не предусматривает права на компенсацию в связи с недостаточностью соображений, приведенных в качестве обоснования предварительного содержания под стражей. Кроме того, власти государства-ответчика не предоставили решений турецких судов, которые показывали бы, что в связи с такой жалобой подача иска на основании подпункта «d» пункта 1 статьи 141 УПК Турции приводила к успеху в обстоятельствах, похожих на те, которые сложились в настоящем деле.

214. Поэтому Европейский Суд полагает, что обращение с иском о компенсации ущерба на основании подпунктов «a» и «d» пункта 1 статьи 141 УПК Турции нельзя считать эффективным средством правовой защиты в связи с предполагаемым отсутствием обоснованного подозрения в совершении человеком преступления или предполагаемым отсутствием уместных и достаточных оснований, оправдывающих предварительное содержание под стражей, для целей применения пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции. Таким образом, это возражение о неисчерпании заявителем внутригосударственных средств правовой защиты, заявленное властями государства-ответчика, должно быть отклонено.

Е. Предварительное возражение об отсутствии у заявителя статуса жертвы нарушения Конвенции

1. Представления сторон

(a) Доводы властей государства-ответчика

215. В своих дополнительных замечаниях по делу, поступивших 24 июня 2020 г., власти государства-ответчика утверждали, что в постановлении Конституционного суда Турции от 9 июня 2020 г. (см. выше §§ 120–128) был признан факт нарушения права заявителя на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренного частью седьмой статьи 19 Конституции Турции. Далее они отмечали, что ему присудили соответствующую и достаточную компенсацию. Соответственно, они попросили Европейский Суд отклонить жалобу на осно-

вании того, что заявитель уже не может претендовать на статус жертвы нарушения Конвенции.

(b) Доводы заявителя

216. Заявитель оспаривал довод властей государства-ответчика. Он утверждал, что не перестал быть жертвой нарушения Конвенции, несмотря на постановление Конституционного суда Турции от 9 июня 2020 г.

2. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

217. Европейский Суд напоминает, что устранять негативные последствия нарушения Конвенции должны прежде всего внутригосударственные органы власти и что при оценке того, действительно ли заявителя можно считать жертвой предполагаемого нарушения Конвенции, следует учитывать не только формальную ситуацию на тот момент времени, когда он обратился с жалобой в Европейский Суд, но и все обстоятельства соответствующего дела, в том числе изменения, произошедшие до его рассмотрения Судом (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тэнасе против Республики Молдова» (Tănase v. Moldova), жалоба № 7/08¹, § 105, ECHR 2010).

218. В принципе решений или мер, благоприятных для заявителя, недостаточно для того, чтобы он лишился статуса «жертвы» для целей применения статьи 34 Конвенции, если только власти государства-ответчика не признали, в явной форме или по существу, факта нарушения Конвенции и не компенсировали потом причиненный им ущерб (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скордино против Италии (№ 1)» (Scordino v. Italy (№ 1)), жалоба № 36813/97, §§ 179–180, ECHR 2006-V; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гэфген против Германии» (Gäfgen v. Germany), жалоба № 22978/05², § 115, ECHR 2010; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (Kurić and Others v. Slovenia), жалоба № 26828/06, § 259, ECHR 2012 (извлечения); и Постановление Европейского Суда по делу «Кристя против Республики Молдова» (Cristea v. Republic of Moldova) от 12 февраля 2019 г., жалоба № 35098/12, § 25). Субсидиарный характер предусмотренного Конвенцией защитного механизма не позволяет рассматривать жалобу только при выполнении обоих этих условий (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Руман против Бельгии» (Rooman v. Belgium), § 129).

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 10 (примеч. редактора).

219. Выше Европейский Суд ссылался на свою прецедентную практику, согласно которой для того, чтобы средство правовой защиты, связанное с законностью продолжающегося лишения свободы, было эффективным, оно должно обеспечивать шансы на освобождение из-под стражи (см. выше § 207). Однако в случаях, когда содержание под стражей уже подошло к концу, необходимо установить, была ли у человека возможность воспользоваться средством правовой защиты, которое могло бы привести, во-первых, к признанию незаконности содержания его под стражей, а во-вторых, к присуждению компенсации на основании этого вывода.

220. В настоящем деле предварительное содержание заявителя под стражей для целей настоящей жалобы уже закончилось (период времени, в течение которого он содержался под стражей, подробно рассматривается в этом контексте ниже в §§ 290–297). Поэтому нужно, во-первых, определить, действительно ли внутригосударственные органы власти признали, хотя бы по существу, факт нарушения охраняемого Конвенцией права, а во-вторых, можно ли считать принятые меры по устранению ущерба надлежащими и достаточными (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Ведат Догру против Турции» (*Vedat Doğru v. Turkey*) от 5 апреля 2016 г., жалоба № 2469/10, § 37).

221. По вопросу о «признании» факта нарушения Европейский Суд прежде всего отмечает, что Конституционный суд Турции не установил в деле заявителя нарушений прав, гарантированных пунктами 1 и 4 статьи 5 Конвенции, статьей 10 Конвенции, статьей 18 Конвенции и статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, даже по существу. Поэтому Суд полагает, что на этом основании нельзя ставить под сомнение наличие у заявителя статуса жертвы в связи с его жалобами на нарушение этих статей.

222. Обращаясь далее к жалобе на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что, как заявитель утверждал в ходе рассмотрения дела в Европейском Суде, в решениях турецких судов о первоначальном заключении его под стражу и о продлении срока предварительного содержания его под стражей не содержалось каких-либо мотивов, кроме простого цитирования предусмотренных законом оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. К тому же эти решения были сформулированы в абстрактных, повторяющихся и формальных выражениях. В связи с этим Конституционный суд Турции считал решения о продлении срока содержания заявителя под стражей недостаточно мотивированными. Однако Конституционный суд не установил, что решение о первоначальном избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу противоречило пункту 3 статьи 5 Конвенции или хотя бы соответствующему положению Конституции Турции 1982 года.

Поэтому Европейский Суд приходит к выводу, что Конституционный суд не признал предполагаемого нарушения права, охраняемого пунктом 3 статьи 5 Конвенции. В этом отношении Европейский Суд напоминает свою прецедентную практику, согласно которой требование о том, чтобы судья приво-дил уместные и достаточные основания для заключения человека под стражу в дополнение к сохраняющемуся обоснованному подозрению в совершении этим человеком правонарушения, применяется уже при вынесении самого первого решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, то есть «незамедлительно» после задержания (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. Republic of Moldova*), § 102).

223. Принимая во внимание сказанное выше, заявитель может утверждать, что он является еще и жертвой нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции, несмотря на постановление Конституционного суда Турции от 9 июня 2020 г., поскольку его жалоба в Европейский Суд заключается в том, что решения о его первоначальном заключении под стражу и о продлении срока предварительного содержания его под стражей нарушали Конвенцию с того момента, когда он впервые был лишен свободы.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

A. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

224. С учетом всех сделанных ею выводов Палата Европейского Суда сочла необязательным отдельно рассматривать вопрос о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы на нарушение статьи 10 Конвенции и саму эту жалобу по существу.

B. Представления сторон

1. Доводы заявителя

225. Заявитель жаловался в Европейский Суд на нарушение своего права на свободу выражения мнения, которое гарантируется статьей 10 Конвенции. Он утверждал, что был лишен свободы из-за своих политических выступлений, которые нельзя считать призывом к насилию или разжиганием ненависти. Он настаивал на том, что все предъявленные ему обвинения касаются его высказываний на политические темы, которые нужно рассматривать с точки зрения его права на свободу выражения мнения.

226. Заявитель утверждал, что заключение его под стражу и предъявленные ему обвинения являются вмешательством в осуществление им права

на свободу выражения мнения и что это вмешательство не было предусмотрено законом. В связи с этим он отмечал, что ни конституционная поправка, лишившая его парламентской неприкосновенности, ни основания для его заключения под стражу и возбужденное в отношении него уголовное дело не удовлетворяют требованию «качества закона», как оно определяется в прецедентной практике Европейского Суда. Согласно его утверждениям, он не мог разумно предвидеть, что изменения в Конституцию Турции будут внесены в течение срока его депутатских полномочий. В связи с этим он подчеркнул, что часть первая статьи 83 Конституции предусматривает два вида парламентского иммунитета – освобождение от ответственности и неприкосновенность. Часть первая статьи 83 Конституции касается освобождения депутатов от ответственности, которое означает, что их нельзя привлечь к ответственности за мнения, высказанные в парламенте. Этот вид защиты распространяется и на ситуации, когда депутаты повторяют и распространяют содержание своих мнений не в парламенте, а в других местах. Конституционная поправка не изменила часть первую статьи 83 Конституции. Отметив, что многие из предъявленных ему обвинений касаются политических выступлений, содержание которых охраняется частью первой статьи 83 Конституции, заявитель утверждал, что первоначальное заключение его под стражу и дальнейшее содержание его под стражей нельзя считать предусмотренными законом по смыслу положений статьи 10 Конвенции.

227. Кроме того, заявитель утверждал, что положения Уголовного кодекса Турции и особенно законодательства о борьбе с терроризмом, на основании которых ему предъявили обвинения и заключили его под стражу, не удовлетворяют требованиям «качества закона». Судебные органы сочли его политическую деятельность доказательством того, что он состоит в террористической организации или возглавляет ее, не предоставив каких-либо конкретных доказательств. Они применили соответствующие положения закона весьма широко. Однако такое широкое толкование этих правовых норм не может быть оправдано в отсутствие конкретных доказательств, указывающих на связи с террористической организацией.

228. Далее заявитель утверждал, что предварительное содержание его под стражей не преследовало правомерной цели по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции. Цель первоначального заключения его под стражу и дальнейшего предварительного содержания его под стражей заключалась в том, чтобы наказать его за критические высказывания и подавить инакомыслие, а не противостоять терроризму. Такой подход, по его мнению, оказал сдерживающее воздействие на оппозиционные взгляды и свободу выражения мнения в Турции.

229. Говоря о необходимости вмешательства, о котором идет речь, в демократическом обществе, заявитель утверждал: тот факт, что некоторые группы прибегают к насилию для достижения своих целей, не оправдывает ограничений правомерных требований. Одним из требований, которые он выдвигал чаще всего, являлось прекращение насилия со стороны государства, а человек, критикующий использование государством насилия или применяющиеся им методы борьбы с терроризмом, необязательно занимается пропагандой терроризма. Политическая критика вообще и критика государства в частности должны пользоваться максимально широкой защитой в демократическом обществе. В связи с этим нужно проводить различие между выражением политических взглядов и заявлениями, поощряющими насилие. Что касается конкретно его замечаний, они не содержали призывов к насилию и не разжигали ненависть. Поэтому первоначальное заключение его под стражу и дальнейшее содержание его под стражей нарушали статью 10 Конвенции.

2. Доводы властей государства-ответчика

230. Власти государства-ответчика, прежде всего, утверждали, что заявителя нельзя считать жертвой нарушения статьи 10 Конвенции. Ему не мешали выражать свои мнения, и суды по уголовным делам не привлекали его к ответственности за их выражение. Таким образом, нет доказательств того, что это оказало «сдерживающее воздействие» на желание заявителя выражать свои мнения по вопросам, представляющим интерес для общества. Действительно, заявитель занимался политической деятельностью даже находясь под стражей. Далее, с учетом того, что производство по возбужденному в отношении него уголовному делу еще продолжается, его жалоба на нарушение статьи 10 Конвенции должна быть отклонена, поскольку заявитель не обладает статусом жертвы нарушения Конвенции и не исчерпал внутригосударственных средств правовой защиты.

231. Если Европейский Суд согласится с тем, что в связи с предварительным содержанием заявителя под стражей имело место вмешательство в осуществление им права на свободу выражения мнения, власти государства-ответчика утверждали, что это вмешательство было предусмотрено статьями 100 и 101 УПК Турции и преследовало правомерные цели, которые заключались в борьбе с терроризмом, защите национальной безопасности и общественного порядка.

232. Относительно утверждения заявителя о том, что выступления, в связи с которыми в отношении него было возбуждено уголовное дело, в действительности охватывались частью первой статьи 83 Конституции Турции, власти государства-ответчика утверждали, что он не выдвигал этот довод в турецких судах.

233. По вопросу о необходимости вмешательства в демократическом обществе власти государства-ответчика утверждали, что выступления заявителя, в связи с которыми ему были предъявлены обвинения, нужно рассматривать в том контексте, в котором они имели место. Ссылаясь на нестабильную и порой взрывоопасную ситуацию на юго-востоке Турции, они утверждали, что в спорных выступлениях заявитель призывал, в частности, к самоуправлению. Кроме того, он назвал террористические акты РПК легитимной «войной в порядке самообороны» и актами «сопротивления». Далее заявитель назвал первые террористические акты РПК «государственным переворотом в 1984 году» и «сопротивлением в Шемдинли [и] в Эрхуе». С другой стороны, он критиковал операции сил безопасности, называя их «кровавой резней». Мало того, заявитель упомянул о том, что хочет поставить памятник лидеру террористической организации РПК. Он также призывал людей оккупировать городские районы, выйти на улицы и поддержать тех, кто протестует против нападения ИГИЛ и правящей партии. В связи с этим власти государства-ответчика обращали внимание на силовые демонстрации и вооруженные столкновения, имевшие место в некоторых регионах на юго-востоке Турции. Как показывают эти примеры, у турецких судов были все основания прийти к выводу, что распространяемые заявителем взгляды способны ухудшить ситуацию с безопасностью на юго-востоке Турции, где происходили серьезные столкновения между силами безопасности и террористами РПК, унесшие очень много жизней в этом регионе.

234. Далее власти государства-ответчика утверждали, что с учетом содержания спорных высказываний заявителя настоящее дело касается не вклада в обсуждение политических вопросов, а призывов к насилию и его восхваления со стороны вооруженной террористической организации. В этом контексте нужно считать, что содержание высказываний заявителя и сообщения, размещенные ДПН в Твиттере, способны спровоцировать еще больше насилия, разжигая иррациональную ненависть по отношению к тем, кто несет ответственность за предполагаемую «кровавую резню». Заявитель явно хотел опозорить другую сторону конфликта, используя такие ярлыки, как «фашизм», «сопротивление» и «кровавая резня». Соответствующие заявления можно было истолковать как неявную поддержку терроризма и призывы к насилию. Соответственно, власти государства-ответчика утверждали, что предварительное содержание заявителя под стражей в связи с преступлениями террористической направленности было необходимо в демократическом обществе и что турецкие суды установили существование настоящей общественной потребности оставить его под стражей.

С. Доводы должностных лиц и организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны

1. Комиссар по правам человека

235. По мнению Комиссара по правам человека, содержание заявителя под стражей вписывается в более широкий контекст репрессий в отношении различных групп населения, критикующих политику властей в Турции. Он утверждал, что многие депутаты от ДПН подверглись судебному преследованию и были заключены под стражу по обвинениям в совершении преступлений террористической направленности в связи с правомерным осуществлением права на свободу выражения мнения.

236. Комиссар по правам человека отметил, что в Турции доказательства, которые используются в качестве обоснования заключения под стражу, все чаще сводятся исключительно к высказываниям и действиям, которые явно не имеют насильственного характера и в принципе должны охраняться статьей 10 Конвенции. Турецкие прокуроры и суды систематически пренебрегают проведением надлежащего контекстуального анализа ситуации и фильтрацией соответствующих доказательств с учетом устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда по статье 10 Конвенции.

237. Комиссар по правам человека критически отзывался о лишении парламентской неприкосновенности с выходом за рамки стандартной процедуры, предусмотренной Конституцией Турции. В связи с этим он отметил, что Венецианская комиссия сочла соответствующую поправку злоупотреблением процедурой внесения изменений в Конституцию. В результате уголовному преследованию подверглись практически все депутаты от ДПН и некоторые депутаты от ПСР, а прокуроры возбуждали в отношении них уголовные дела слишком активно, обращая основное внимание на то, что их высказывания являются пропагандой терроризма, разжиганием ненависти или оскорблением президента страны. В связи с этим в преамбуле к конституционной поправке сказано, что ее задачей является отреагировать на возмущение, которое вызвали в обществе заявления некоторых депутатов, выражавших эмоциональную и моральную поддержку терроризму. По мнению Комиссара, в этой ситуации создается впечатление, что уголовное преследование депутатов с самого начала осуществлялось с серьезными нарушениями и было направлено на то, чтобы заставить их отказаться от выражения своей позиции как депутатов.

2. МПС

238. Подчеркивая важность свободы выражения мнения парламентариев, МПС критиковал возбуждение уголовных дел в отношении депутатов от ДПН и заключение некоторых из них под стражу за

осуществление мирной и законной политической деятельности, в частности, в связи с ситуацией на юго-востоке Турции.

3. Неправительственные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны

239. Ссылаясь на устоявшуюся прецедентную практику Европейского Суда о свободе выражения мнения, неправительственные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны, утверждали, что предварительное содержание под стражей оппозиционного политика подлежит защите согласно статье 10 Конвенции. В отличие от широкой свободы усмотрения, которой пользуются государства в области подразумеваемых ограничений, вытекающих из статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции, рамки усмотрения по статье 10 Конвенции являются особенно узкими, поскольку в случае вмешательства в осуществление оппозиционным политиком права на свободу слова под угрозой оказывается самая сущность демократии.

D. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

1. По вопросу о приемлемости этой жалобы для рассмотрения по существу

240. Относительно возражения по поводу неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу в связи с отсутствием у заявителя статуса жертвы нарушения Конвенции (см. выше § 230) Европейский Суд полагает, что оно затрагивает вопросы, тесно связанные с рассмотрением жалобы заявителя по существу. Поэтому он обсудит этот вопрос в ходе рассмотрения дела по существу (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (Mehmet Hasan Altan v. Turkey), § 194; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (Şahin Alpay v. Turkey), § 164).

241. Далее Европейский Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу положений подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой для рассмотрения по существу ни по каким иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

2. По существу жалобы

(а) Свобода выражения мнения депутатами

242. Европейский Суд напоминает: в своей прецедентной практике он последовательно под-

черкивал важность свободы выражения мнения депутатами, поскольку она предполагает высказывания на политические темы *par excellence*¹. В деле «Кастеллс против Испании» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кастеллс против Испании» (Castells v. Spain) от 23 апреля 1992 г., § 42, Series A, № 236), в котором шла речь о привлечении сенатора к уголовной ответственности за оскорбление властей в газетной статье, Суд постановил:

«Свобода выражения мнения важна для каждого, но особенно она важна для избранного представителя народа. Он представляет свой электорат, привлекает внимание к их потребностям и защищает их интересы. Соответственно, вмешательство в осуществление свободы выражения мнения депутатом от оппозиции... требует самого пристального контроля со стороны Европейского Суда».

243. Эти принципы были подтверждены в ряде дел, касающихся свободы выражения мнения депутатов общенационального или регионального уровня (см., в числе прочих источников, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsóny and Others v. Hungary) от 17 мая 2016 г., жалобы №№ 42461/13 и 44357/13², § 137; Постановление Европейского Суда по делу «Джерусалем против Австрии» (Jerusalem v. Austria), жалоба № 26958/95, § 36, ECHR 2001-II; Постановление Европейского Суда по делу «Фере против Бельгии» (Féret v. Belgium) от 16 июля 2009 г., жалоба № 15615/07, § 65; и Постановление Европейского Суда по делу «Отеги Мондрагон против Испании» (Otegi Mondragon v. Spain), жалоба № 2034/07³, § 50, ECHR 2011), а также в ряде дел, касающихся ограничений права на доступ к правосудию в силу принципа парламентской неприкосновенности (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (A. and Others v. United Kingdom)⁴, § 79; Постановление Европейского Суда по делу «Кордова против Италии (№ 1)» (Cordova v. Italy (№ 1)), жалоба № 40877/98, § 59, ECHR 2003-I; Постановление Европейского Суда по делу «Кордова против Италии (№ 2)» (Cordova v. Italy (№ 2)), жалоба № 45649/99, § 60, ECHR 2003-I; Решение Европейского Суда по делу «Золлманны против Соединенного Королевства» (Zollmann v. United Kingdom), жалоба № 62902/00, ECHR 2003-XII; Постановление Европейского Суда по делу «Де Йорио против Италии» (De Jorio

¹ *Par excellence* (франц.) – здесь: в полном смысле этого слова (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (примеч. редактора).

⁴ См.: там же. 2020. № 5 (примеч. редактора).

v. Italy) от 3 июня 2004 г., жалоба № 73936/01, § 52; Постановление Европейского Суда по делу «Патроно, Каскини и Стефанелли против Италии» (Patrono, Cascini and Stefanelli v. Italy) от 20 апреля 2006 г., жалоба № 10180/04, § 61; и Постановление Европейского Суда по делу «С.Г.И.Л. и Кофферати против Италии» (C.G.I.L. and Cofferati v. Italy) от 24 февраля 2009 г., жалоба № 46967/07, § 71).

244. В этом отношении высказывания депутатов, несомненно, пользуются повышенной защитой (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary), § 138). О таком высоком уровне защиты свидетельствует, в частности, принцип парламентской неприкосновенности, когда он защищает парламентскую оппозицию. Европейский Суд придает значение защите парламентского меньшинства от злоупотреблений со стороны большинства (*ibid.*, § 147).

245. Однако свобода обсуждения политических вопросов, вне всякого сомнения, не имеет абсолютного характера (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кастеллс против Испании» (Castells v. Spain), § 46). Европейский Суд уже отмечал, что для недопущения таких форм выражения мнения, как прямые или косвенные призывы к насилию, можно считать необходимым некоторое регулирование (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary), § 140). Для подтверждения того, что свобода выражения мнения остается под защитой, Европейский Суд в этом отношении должен осуществлять более строгий контроль (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пастёрс против Германии» (Pastörs v. Germany) от 3 октября 2019 г., жалоба № 55225/14, § 38).

(b) Имело ли место вмешательство в осуществление этой свободы

246. В настоящем деле согласно конституционной поправке от 20 мая 2016 г. на депутатов, которых затронула эта мера, перестала распространяться конституционная защита, предусмотренная частью второй статьи 83 Конституции Турции, в связи с запросами о лишении неприкосновенности, поступившими в парламент до внесения в Конституцию изменений. Как указано в пояснительной записке к этой конституционной поправке, она была внесена потому, что «в то время, как Турция [вела] самую решительную и активную кампанию по борьбе с терроризмом за всю свою историю, некоторые депутаты до или после избрания [выражали] в своих выступлениях моральную поддержку терроризму» и это вызвало в обществе «негодование» (см. выше § 56). Таким образом,

цель данной конституционной поправки заключалась в ограничении высказываний соответствующих депутатов, в том числе заявителя, на политические темы. После принятия этой поправки прокурор г. Диярбакыр решил соединить 31 уголовное дело в отношении заявителя для расследования в одном производстве. После этого 4 ноября 2016 г. заявитель был задержан. В вынесенном в тот же день решении об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу 2-й мировой суд г. Диярбакыр опирался главным образом на следующие доказательства: сообщения в Твиттере, опубликованные от имени центрального исполнительного комитета ДПН, и события, произошедшие 6–8 октября 2014 г., выступления, в которых заявитель назвал некоторые действия членов РПК, например рытье окопов и строительство баррикад в городах, «сопротивлением», а также его участие в деятельности Конгресса демократического общества (см. выше § 70). Что касается разбирательства, которое началось 11 января 2017 г. (см. выше § 78) и еще продолжается, практически все представленные доказательства связаны с выступлениями заявителя.

247. Принимая во внимание сказанное выше, Европейский Суд считает несомненным, что все эти меры, вместе взятые, – лишение заявителя парламентской неприкосновенности из-за конституционной поправки от 20 мая 2016 г., изначальное заключение его под стражу и последующее содержание его под стражей и уголовное дело, возбужденное в отношении него на основании упомянутых выше доказательств, связанных с его выступлениями на политические темы, – представляли собой вмешательство в осуществление им права на свободу выражения мнения, предусмотренного статьей 10 Конвенции. Поэтому Суд отклоняет возражение об отсутствии у заявителя статуса жертвы нарушения Конвенции, выдвинутое властями государства-ответчика.

248. Такое вмешательство должно быть «предусмотрено законом», преследовать одну или несколько правомерных целей, перечисленных в пункте 2 статьи 10 Конвенции, и быть «необходимо в демократическом обществе» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary), § 121).

(c) Было ли это вмешательство предусмотрено законом

(i) Общие принципы

249. Европейский Суд ссылается на свою установившуюся прецедентную практику, согласно которой обжалуемая по делу мера должна иметь какие-то основания во внутреннем законодательстве,

а также соответствовать принципу верховенства права, который прямо упоминается в Преамбуле Конвенции и присущ всем ее статьям. В частности, принцип верховенства права будет нарушен, если дискреционные полномочия, предоставленные компетентным органам власти, сформулированы так, что дают им неограниченную свободу действий. Следовательно, закон должен определять границы дискреционных полномочий, предоставленных этим органам, и порядок их осуществления достаточно четко, чтобы обеспечить человеку достаточную защиту от произвола (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роман Захаров против Российской Федерации» (Roman Zakharov v. Russia), жалоба № 47143/06¹, §§ 228 и 230, ECHR 2015; Постановление Европейского Суда по делу «Малоун против Соединенного Королевства» (Malone v. United Kingdom) от 2 августа 1984 г., § 67, Series A, № 82; Постановление Европейского Суда по делу «Ольссоны против Швеции (№ 1)» (Olsson v. Sweden (no. 1))² от 24 марта 1988 г., § 61, Series A, № 130; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации» (Navalnyy v. Russia), § 115). В этом отношении вопросы применения и толкования внутреннего законодательства относятся в первую очередь к компетенции властей соответствующей страны, в особенности судов (см., в числе прочих источников, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии» (Waite and Kennedy v. Germany), жалоба № 26083/94, § 54, ECHR 1999-I; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary), § 123). Роль Европейского Суда сводится к тому, чтобы установить, совместимы ли последствия такого толкования с требованиями Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Корбей против Венгрии» (Korbely v. Hungary), жалоба № 9174/02, § 72, ECHR 2008). Выражение «предусмотрено законом», используемое в пункте 2 статьи 10 Конвенции, имеет отношение еще и к качеству закона, о котором идет речь, требуя, чтобы он был доступен тем, кого он касается, и предсказуем с точки зрения последствий своего применения (см., в числе многих других источников, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии» (Rotaru v. Romania), жалоба № 28341/95, § 52, ECHR 2000-V; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (Maestri v. Italy), жалоба № 39748/98,

§ 30, ECHR 2004-I; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «“Чентро Эуропа 7 С.р.л.” и Ди Стефано против Италии» (Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy), жалоба № 38433/09, § 140, ECHR 2012; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы» (Kudrevičius and Others v. Lithuania), жалоба № 37553/05³, § 108, ECHR 2015; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Delfi AS” против Эстонии» (Delfi AS v. Estonia), жалоба № 64569/09⁴, § 120, ECHR 2015).

250. Одним из требований, вытекающих из выражения «предусмотрено законом», является предсказуемость. По мнению Европейского Суда, норму нельзя считать «законом» по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции, если она не сформулирована достаточно четко, чтобы люди могли скорректировать свое поведение. У них должна быть возможность – в случае необходимости обратившись за консультацией к специалисту, – предвидеть в разумной в обстоятельствах дела степени возможные последствия того или иного действия. Эти последствия необязательно должны быть предсказуемы с абсолютной определенностью. Хотя определенность здесь весьма желательна, она может повлечь за собой чрезмерную жесткость, а право не должно отставать от меняющихся обстоятельств. Соответственно, во многих законах неизбежно используются в большей или меньшей степени расплывчатые формулировки, толкование и применение которых зависит от практики (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лендон, Очаковский-Лоран и Жюли против Франции» (London, Otchakovsky-Laurens and July v. France), жалобы №№ 21279/02 и 36448/02, § 41, ECHR 2007-IV; упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «“Чентро Эуропа 7 С.р.л.” и Ди Стефано против Италии» (Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy), § 141; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Delfi AS” против Эстонии» (Delfi AS v. Estonia), § 121). Требование предсказуемости нельзя толковать в том смысле, что все подробные условия и процедуры, определяющие порядок применения закона, должны быть закреплены в тексте самого этого закона; оно может быть выполнено, если вопросы, которые невозможно удовлетворительным образом урегулировать на основании внутреннего законодательства, решаются в актах, имеющих более низкий статус, чем законы. Закон, предусматривающий дискреционные полномочия, сам по

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 6 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11 (примеч. редактора).

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 2 (примеч. редактора).

⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 11 (примеч. редактора).

себе не является несовместимым с требованием предсказуемости при условии, что границы таких дискреционных полномочий и порядок их осуществления определяются достаточно четко с учетом правомерной цели соответствующей меры, чтобы обеспечить человеку достаточную защиту от произвольного вмешательства (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерская партия двухвостой собаки против Венгрии» (Magyar Kétfarkú Kutya Párt v. Hungary) от 20 января 2020 г., жалоба № 201/17¹, § 94).

251. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что ему необязательно высказывать мнение по поводу целесообразности методов, которыми законодатель государства-ответчика решил регулировать ту или иную сферу общественных отношений. Его задача сводится к определению того, соответствовали Конвенции выбранные методы и последствия их применения или нет (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии» (Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary) от 8 ноября 2016 г., жалоба № 18030/11², § 184).

252. Кроме того, Европейский Суд подтверждает, что в делах, инициированных индивидуальной жалобой, поданной согласно статье 34 Конвенции, его задача заключается не в абстрактной проверке положений законодательства государства-ответчика, а в определении того, привело их применение к заявителю к нарушению Конвенции или нет (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерская партия двухвостой собаки против Венгрии» (Magyar Kétfarkú Kutya Párt v. Hungary), § 96).

253. Европейский Суд считает, что некоторые сомнения по поводу пограничных обстоятельств сами по себе не делают применение правовой нормы непредсказуемым. Кроме того, одно лишь то, что правовую норму можно толковать по-разному, не означает, что она не соответствует требованию «предсказуемости». Возложенная на суды задача по разрешению споров заключается именно в том, чтобы рассеивать сомнения, которые могут оставаться в области толкования правовых норм, принимая при этом во внимание изменения в повседневной правоприменительной практике (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Горзелик и другие против Польши» (Gorzeliik and Others v. Poland), жалоба № 44158/98, § 65, ECHR 2004-I). В то же время Суд отдает себе отчет в том, что любая правовая норма когда-нибудь применяется в первый раз (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерская

партия двухвостой собаки против Венгрии» (Magyar Kétfarkú Kutya Párt v. Hungary), § 97).

254. Что касается понятия предсказуемости, его содержание в значительной степени зависит от содержания нормативно-правового акта, о котором идет речь, предполагаемой сферы его применения, а также от количества и статуса лиц, которым он адресован (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «“Чентро Эуропа 7 С.р.л.” и Ди Стефано против Италии» (Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy), § 142; упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Delfi AS” против Эстонии» (Delfi AS v. Estonia), § 122 и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компании “Сатакуннан Марккинапёрсси Ой” и “Сатамедиа Ой” против Финляндии» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland) от 27 июня 2017 г., жалоба № 931/13³, § 144). Тем не менее качество закона предполагает, что внутреннее законодательство должно быть достаточно предсказуемым в своих формулировках, чтобы дать людям достаточно ясное представление о том, в каких обстоятельствах и при каких условиях власти вправе прибегать к мерам, затрагивающим их конвенционные права (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фернандес Мартинес против Испании» (Fernández Martínez v. Spain), жалоба № 56030/07, § 117, ECHR 2014 (извлечения) и Постановление Европейского Суда по делу «Гюлер и Угур против Турции» (Güler and Uğur v. Turkey) от 2 декабря 2014 г., жалоба №№ 31706/10 и 33088/10, § 47).

(ii) Применение изложенных выше принципов в настоящем деле

255. В настоящем деле Европейский Суд прежде всего отмечает: стороны согласны, что на момент заключения заявителя под стражу все правовые нормы, которые применялись в деле, были доступны. Речь идет о Конституции Турции, конституционной поправке, УПК Турции и законодательстве, на основании которого прокурор ходатайствовал о вынесении заявителю обвинительного приговора. По делу не оспаривается, что после принятия конституционной поправки от 20 мая 2016 г. заявитель был заключен под стражу на основании статьи 100 и последующих статей УПК Турции. Вопрос, по поводу которого возник спор и по которому позиции сторон не совпадают, заключается в том, можно ли в данном случае считать конституционную поправку, о которой идет речь, и положения Уголовного кодекса Турции, предусматривающие ответственность за то, что человек состоит в вооруженной террористической организации

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 2 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2017. № 9 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2018. № 2 (примеч. редактора).

и (или) возглавляет ее, удовлетворяющими требованию «качества закона». Поэтому Суд должен установить, можно ли в отношении обеих этих норм считать, что вмешательство в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения было «предусмотрено законом». В частности, Суд рассмотрит вопрос о предсказуемости толкования и применения законодательства Турции в настоящем деле на момент выступлений заявителя, которые привели к его уголовному преследованию.

(1) Парламентская неприкосновенность

256. Европейский Суд напоминает свой вывод о том, что по своим основным характеристикам система парламентской неприкосновенности и вытекающее из нее отступление от обычных правовых норм преследует цель обеспечить представителям народа свободу слова и не допустить при этом, чтобы тенденциозные жалобы могли повлиять на осуществление парламентских функций (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карт против Турции» (Kart v. Turkey), жалоба № 8917/05, § 88, ECHR 2009 (извлечения)).

257. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в большинстве государств – членов Совета Европы депутатам, как предусматривает и статья 83 Конституции Турции 1982 года, обеспечивается два вида парламентского иммунитета – освобождение от ответственности и неприкосновенность (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карт против Турции» (Kart v. Turkey), §§ 42 и 85; упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary), §§ 138–140; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Пастёрс против Германии» (Pastörs v. Germany), § 38).

258. Часть первая статьи 83 Конституции Турции касается освобождения депутатов от ответственности, которое защищает их свободу выражения мнения, поскольку они не могут подвергаться судебному преследованию за то, как они голосуют, за взгляды, которые они высказывают в Национальном собрании, а также за повторение или распространение этих взглядов в других местах, если на заседании, организованном по инициативе президиума, парламент не решит иначе (см. выше § 134).

259. Европейский Суд отмечает, что принцип освобождения депутатов от ответственности имеет абсолютный характер, не признает исключений, не позволяет проводить следственные действия и, как утверждали стороны на слушаниях дела, продолжает защищать депутатов даже по истечении срока их полномочий. Как заявили обе стороны на слушаниях дела, понятно, что повторение выступлений на политические темы вне стен Национального

собрания нельзя считать сводящимся к повторному использованию тех же самых выражений, которые употреблялись в парламенте.

260. Переходная статья 20 Конституции Турции (см. выше § 137), принятая Национальным собранием 20 мая 2016 г., не вносит изменений в часть первую статьи 83 Конституции. Другими словами, в силу принципа освобождения депутатов от ответственности 154 депутата, затронутые конституционной поправкой, продолжают пользоваться правовой защитой, предусмотренной частью первой статьи 83 Конституции. Поэтому, если Национальное собрание не решит иначе, их нельзя привлечь к ответственности в судах по уголовным делам за то, как они голосовали, за заявления, которые они делали на парламентских сессиях, а также за повторение или распространение этих заявлений в других местах.

261. В настоящем деле власти государства-ответчика утверждали, что в спорных выступлениях заявитель отстаивал идеи самоуправления, называл теракты, предположительно совершенные членами РПК, легитимной «войной в порядке самообороны» и актами «сопротивления» и критиковал операции сил безопасности, называя их «кровавой резней». Далее власти государства-ответчика отмечали, что заявитель восхвалял лидера РПК и призывал людей выйти на улицы. Заявитель, в свою очередь, утверждал, что он выступал с аналогичными заявлениями на сессиях Национального собрания, а значит, эти выступления подпадают под защиту части первой статьи 83 Конституции Турции. По этому вопросу Европейский Суд полагает, что в задачи турецких органов власти, и в частности судов, входило прежде всего определение того, охватываются ли выступления, в связи с которыми заявителю были предъявлены обвинения и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, принципом освобождения депутатов от ответственности, предусмотренным частью первой статьи 83 Конституции. В связи с этим Суд напоминает, что у внутригосударственных органов власти есть процессуальная обязанность осуществлять судебный контроль для того, чтобы не допускать злоупотреблений властными полномочиями (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary), §§ 133–136; и другие постановления Европейского Суда, на которые оно ссылается).

262. В настоящем деле власти государства-ответчика отмечали, что при рассмотрении дела в турецких судах заявитель ни разу не утверждал, что выступления, в связи с которыми он подвергся уголовному преследованию, охраняются частью первой статьи 83 Конституции Турции. Однако заявитель, напротив, с самого начала предварительного содержания его под стражей настаивал, что часть первая статьи 83 Конституции запре-

щает лишать его свободы. В этом отношении он подал несколько жалоб, добиваясь освобождения из-под стражи (см., в частности, выше §§ 77 и 80). Далее, 3 апреля 2018 г. он попросил 19-й суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары проанализировать его выступления на парламентских сессиях и сравнить их со спорными выступлениями по содержанию. Для этого он просил также назначить эксперта, чтобы установить, охраняются ли эти выступления согласно части первой статьи 83 Конституции (см. выше § 91). Однако из представленных сторонами документов становится ясно, что такого анализа произведено не было. Принимая решение об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу, 2-й мировой суд г. Диярбакыр просто отметил, что в силу конституционной поправки заявитель лишился парламентской неприкосновенности в связи с совершением соответствующих преступлений. Конституционный суд Турции просто отметил, что конституционная поправка от 20 мая 2016 г. дала возможность удовлетворить запросы о лишении заявителя парламентской неприкосновенности, поступившие в Национальное собрание до принятия этой поправки. Однако ни мировые судьи, принявшие решения о первоначальном заключении заявителя под стражу и о продлении срока содержания его под стражей, ни прокуроры, возбуждавшие в отношении него уголовные дела, ни судьи судов по тяжким уголовным преступлениям, решившие оставить его под стражей, ни, наконец, судьи Конституционного суда не установили, подлежат ли спорные выступления защите в силу принципа освобождения заявителя от ответственности как депутата. Европейский Суд поражен тем, что этот довод заявителя не стал предметом какого-либо анализа.

263. По мнению Европейского Суда, заявитель убедительно утверждал, что по содержанию его выступления, на которые ссылались власти государства-ответчика, аналогичны его выступлениям на сессиях Национального собрания (см., в частности, выше §§ 28, 36, 46, 50, 51, 52 и 54). Однако, несмотря на всю убедительность этого довода и гарантию, закрепленную в части первой статьи 83 Конституции, судебные органы решили заключить его под стражу и подвергли его преследованию главным образом из-за его политических выступлений, не рассмотрев вопрос о том, подлежат ли его выступления защите в силу принципа освобождения депутатов от ответственности.

264. Более того, даже если предположить, что защита, предусмотренная частью первой статьи 83 Конституции Турции, не распространяется на спорные выступления, Европейский Суд считает, что конституционная поправка от 20 мая 2016 г. сама по себе вызывает проблемы с точки зрения предсказуемости. Часть вторая статьи 83 Конституции без учета внесенных изменений предусматри-

вает принцип парламентской неприкосновенности, защищающий избранных представителей от задержания, заключения под стражу и преследования в течение срока их полномочий без согласия Национального собрания. Эта защита имеет лишь временный характер, то есть по истечении срока полномочий депутата его уголовное преследование может продолжиться как обычно (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карт против Турции» (Kart v. Turkey), § 69).

265. Часть вторая статьи 83 Конституции Турции предусматривает всего два исключения из принципа парламентской неприкосновенности: (i) когда депутат застигнут *in flagrante delicto*; и (ii) в случаях, подпадающих под действие статьи 14 Конституции, при условии, что расследование было начато до его избрания. Поскольку в ситуации заявителя ни одно из этих исключений не применяется, в отсутствие конституционной поправки власти Турции должны были бы ходатайствовать о лишении заявителя парламентской неприкосновенности, чтобы иметь возможность возбудить в отношении него уголовное дело.

266. Конституция Турции предусматривает процессуальные гарантии в связи с запросами о лишении депутата неприкосновенности. Согласно части второй статьи 83 Конституции, депутат может быть задержан, допрошен, заключен под стражу или осужден лишь в том случае, если Национальное собрание примет решение лишить его парламентской неприкосновенности. Для этого Национальное собрание должно рассмотреть конкретные обстоятельства дела и положение соответствующего депутата, обеспечив ему тем самым возможность представить в парламенте доводы в свою защиту. Кроме того, согласно статье 85 Конституции, этот или другой депутат может обжаловать решение Национального собрания о лишении неприкосновенности в Конституционный суд Турции в течение семи дней с момента принятия такого решения. Конституционный суд должен вынести решение по такой жалобе в течение 15 дней. Он может отменить решение парламента, если придет к выводу, что оно противоречит Конституции, закону или регламенту Национального собрания.

267. Согласно конституционной поправке, первое предложение части второй статьи 83 Конституции Турции, предусматривающее, что депутат, который обвиняется в совершении преступления до или после избрания, не может быть задержан, допрошен, заключен под стражу или осужден, если парламент не решит иначе, не применяется к затронутым ею депутатам, в том числе к заявителю. Следовательно, в отношении них действуют обычные правовые нормы, и они не имеют привилегированного статуса по сравнению с обычными гражданами. Таким образом, как установил Конституционный суд в постановлении от

3 июня 2016 г. № 2016/117, эти депутаты не вправе обжаловать поправку, вопрос о конституционности которой можно рассмотреть только в порядке, предусмотренном статьей 148 Конституции.

268. Как поясняется в общей преамбуле к конституционной поправке, ее задачей является отреагировать на возмущение, вызванное в обществе заявлениями некоторых депутатов, выражавших эмоциональную и моральную поддержку терроризму, поддержка и помощь, которую фактически оказывали террористам некоторые депутаты, и призывы некоторых депутатов к насилию. Кроме того, в заключении по поводу приостановления действия части второй статьи 83 Конституции Турции Венецианская комиссия отметила, что после принятия этой поправки политические заявления депутатов стали уголовно наказуемыми и депутаты утратили возможность пользоваться конституционными гарантиями, предусмотренными статьями 83 и 85 Конституции. Эта поправка привела к тому, что Национальное собрание уже не должно было проводить анализ положения каждого из затронутых ею депутатов в отдельности, а это отрицательно отразилось на их правах, гарантированных Конституцией. По мнению Европейского Суда, данная поправка создала ситуацию, которую затронутые ею депутаты не могли предвидеть.

269. Кроме того, Европейский Суд полагает (и в этом он вновь солидарен с Венецианской комиссией), что это была точечная и *ad homines* поправка, не имеющая precedентов в конституционной традиции Турции. Данная поправка, как указано в пояснительной записке к ней, направлена против конкретных заявлений депутатов, особенно депутатов от оппозиции. В связи с этим Суд уже приходил к выводу, что законы, направленные против конкретных лиц, противоречат принципу верховенства права (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (Baka v. Hungary) от 23 июня 2016 г., жалоба № 20261/12¹, § 117). После принятия поправки Национальное собрание сохранило режим неприкосновенности, установленный статьями 83 и 85 Конституции, но в то же время сделало из него исключение применительно к некоторым поименованным депутатам, используя общие и объективные формулировки. В этом отношении Суд совершенно согласен с ясным выводом Венецианской комиссии, которая сочла это «злоупотреблением процедурой внесения изменений в Конституцию». По мнению Суда, с учетом парламентской практики и традиций Турции у депутатов не было оснований предполагать, что такая процедура будет начата в течение срока их полномочий, а значит, она ущемляла свободу выражения мнения депутатами Национального собрания.

270. Прецедентная практика Европейского Суда показывает, что требование предсказуемости выполняется, когда из формулировки соответствующей правовой нормы человек, обратившись при необходимости к судебному ее толкованию, может уяснить для себя, за какие действия и бездействие он понесет уголовную ответственность (см., в числе прочих источников, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюлер и Угур против Турции» (Güler and Uğur v. Turkey), § 50; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы» (Kudrevičius and Others v. Lithuania), § 108). В настоящем деле, принимая во внимание формулировки части первой и части второй статьи 83 Конституции Турции и толкование соответствующих норм турецкими судами (или, скорее, отсутствие такового), Суд полагает, что вмешательство в осуществление заявителем свободы выражения мнения не было «предусмотрено законом», поскольку оно не удовлетворяло требованию предсказуемости, так как заявитель, отстаивая политическую точку зрения, мог правомерно ожидать, что он сможет воспользоваться действующими конституционно-правовыми нормами, предусматривающими защиту неприкосновенности в связи с политическими выступлениями и конституционные процессуальные гарантии (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Ликурезос против Греции» (Lykourazos v. Greece), жалоба № 33554/03, §§ 54–56, ECHR 2006-VIII).

(2) Преступления террористической направленности: пункты 1 и 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции

271. 4 ноября 2016 г. прокурор г. Диярбакыр ходатайствовал перед 2-м мировым судом г. Диярбакыр об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу по подозрению в совершении двух преступлений: принадлежность к вооруженной террористической организации, ответственность за которое предусмотрена пунктом 1 статьи 314 Уголовного кодекса Турции, и публичное подстрекательство к совершению преступления, ответственность за которое предусмотрена пунктом 1 статьи 214 Уголовного кодекса Турции.

272. В тот же день 2-й мировой суд г. Диярбакыр прежде всего отметил, приняв во внимание сообщения, размещенные в аккаунте ДПН в Твиттере, и кровопролитные события, произошедшие 6–8 октября 2014 г., что имеются серьезные основания подозревать заявителя в публичном подстрекательстве других лиц к совершению преступления (см. пункт 1 статьи 214 Уголовного кодекса Турции). Далее, с учетом количества выступлений заявителя и того, что в отношении него ведется расследование

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 10 (примеч. редактора).

по нескольким уголовным делам, возбужденным компетентными органами власти в связи с преступлениями террористической направленности (см. выше § 70), мировой судья пришел к выводу о наличии серьезных оснований подозревать заявителя в таком преступлении, как принадлежность к вооруженной террористической организации (пункт 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции). Далее, ввиду характера преступления, которое заключалось в том, что заявитель предположительно создал и возглавил вооруженную террористическую организацию (соответствующее обвинение было предъявлено заявителю только 11 января 2017 г., когда в суд поступило обвинительное заключение), и того, что оно входит в число преступлений, о которых говорится в пункте 3 статьи 100 УПК Турции, мировой судья установил наличие серьезных оснований подозревать заявителя и в этом преступлении (пункт 1 статьи 314 Уголовного кодекса Турции). Соответственно, в решении 2-го мирового суда г. Диярбакыр от 4 ноября 2016 г. отсутствуют четкие указания на то, в связи с каким преступлением (или преступлениями) заявителю была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Эту неопределенность усугубили решения о продлении срока предварительного содержания заявителя под стражей. В решении от 11 ноября 2016 г. 3-й мировой суд г. Диярбакыр отметил, что заявитель содержится под стражей в связи с совершением двух преступлений: принадлежность к террористической организации и публичное подстрекательство к совершению преступления. Однако в решении от 6 декабря 2016 г. 1-й мировой суд г. Диярбакыр отметил, что заявитель содержится под стражей только по подозрению в принадлежности к вооруженной террористической организации.

273. В обвинительном заключении, направленном в суд 11 января 2017 г., прокурор г. Диярбакыр просил назначить заявителю наказание в виде лишения свободы на срок от 43 до 142 лет за совершение преступлений, выразившихся в том, что тот создал или возглавил вооруженную террористическую организацию, занимался пропагандой в интересах террористической организации, публично подстрекал к совершению преступления, восхвалял преступления и преступников, разжигал ненависть и вражду, призывал к несоблюдению требований закона, организовывал незаконные митинги и демонстрации и участвовал в них, а также отказывался повиноваться требованиям сотрудников сил безопасности о разгоне незаконной демонстрации (см. выше § 78). До 2 сентября 2019 г. в конце каждого заседания по делу суды по тяжким уголовным преступлениям принимали решение о продлении срока содержания заявителя под стражей без указания конкретных преступлений, просто ссылаясь на все доказательства его виновности.

274. Как бы то ни было, понятно, что решения о заключении заявителя под стражу и о продле-

нии срока предварительного содержания его под стражей принимались на основании его выступлений в связи с преступлениями террористической направленности, в частности преступлениями, предусмотренными пунктами 1 и 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции (то есть в связи с тем, что он создал или возглавил вооруженную террористическую организацию и состоял в такой организации) (см. выше §§ 143–146).

275. Европейскому Суду известно о сложностях борьбы с терроризмом и разработки уголовного законодательства о противодействии терроризму. Государства-участники в силу необходимости используют достаточно общие выражения, применение которых зависит от того, как их на практике истолкуют судебные органы. В этом отношении, осуществляя толкование соответствующих правовых норм, суды обязаны обеспечивать человеку достаточную защиту от произвола.

276. Недавно Европейский Суд вынес два постановления по жалобам в отношении Турции, в которых пришел к выводу, что критика властей и опубликование информации, которую лидеры страны считают угрозой национальным интересам, не должна приводить к предъявлению обвинений в совершении особо тяжких преступлений, таких как принадлежность к вооруженной террористической организации или содействие ей, попытка свержения власти или конституционного строя или ведение террористической пропаганды. Кроме того, даже если человеку были предъявлены такие серьезные обвинения, предварительное содержание под стражей нужно использовать только как крайнюю меру в исключительных случаях, когда все остальные меры оказались не способны в полной мере гарантировать надлежащее рассмотрение дела (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (*Mehmet Hasan Altan v. Turkey*), § 211; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (*Şahin Alpay v. Turkey*), § 181).

277. Вслед за Венецианской комиссией (см. заключение Венецианской комиссии относительно статей 216, 299, 301 и 314 Уголовного кодекса Турции) Европейский Суд отмечает, что в кодексе отсутствуют определения понятий «вооруженная организация» и «вооруженная группа». Требования, которым должна удовлетворять преступная организация, установлены в практике Высшего кассационного суда Турции: в такой организации должно быть не менее трех членов, между членами группы должна существовать иерархическая связь, у них должен быть общий умысел на совершение преступлений, существование группы должно быть непрерывным во времени, а структура группы, ее численность и оснащение, которым она располагает, должны подходить для совершения задуманных преступлений. Рассматривая

вопрос о «принадлежности к вооруженной организации», Высший кассационный суд принимает во внимание непрерывность, многообразие и интенсивность приписываемых подозреваемому деяний, которые должны указывать на «органическую связь» подозреваемого с организацией и на то, что он действовал сознательно и добровольно в рамках «иерархической структуры» организации (см. выше § 160).

278. В настоящем деле судебные органы Турции, в том числе прокуроры, которые вели следствие по уголовному делу и предъявили заявителю обвинения, мировые судьи, которые принимали решения о первоначальном заключении заявителя под стражу и (или) о продлении срока предварительного содержания его под стражей, судьи судов по тяжким уголовным преступлениям, которые принимали решения о продлении срока предварительного содержания его под стражей, и, наконец, судьи Конституционного суда Турции, широко истолковали преступления, предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции. Высказывания на политические темы, в которых заявитель выражал свое несогласие с некоторыми действиями властей или просто упоминал о том, что он принимал участие в работе Конгресса демократического общества – законной организации, сочли достаточными признаками действий, способных установить существование активной связи между заявителем и вооруженной организацией. По-видимому, турецкие суды не приняли во внимание «непрерывность, многообразие и интенсивность» действий заявителя и не рассмотрели вопрос о том, совершал ли он преступления в рамках иерархической структуры соответствующей террористической организации, как этого требует практика Высшего кассационного суда Турции.

279. В связи с этим Комиссар по правам человека отметил, что в Турции доказательства, которые используются в качестве обоснования заключения под стражу, все чаще сводятся исключительно к высказываниям и действиям, которые явно не имеют насильственного характера и в принципе должны охраняться статьей 10 Конвенции. По его мнению, это указывает на то, что турецкие прокуроры и суды систематически пренебрегают проведением надлежащего контекстуального анализа ситуации и фильтрацией соответствующих доказательств с учетом устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда по статье 10 Конвенции.

280. Кроме того, в упомянутом выше заключении Венецианская комиссия заявила, что турецкие суды в порядке применения статьи 314 Уголовного кодекса Турции часто принимают решения о принадлежности человека к вооруженной организации на основании весьма неубедительных доказательств (см. выше § 160). Настоящее дело, по-видимому, подтверждает справедливость этого замечания. Диапазон действий, которые могли бы оправдать

заключение заявителя под стражу в связи с тяжкими преступлениями, ответственность за которые предусмотрена статьей 314 Уголовного кодекса Турции, настолько широк, что содержание этой статьи в сочетании с ее толкованием турецкими судами не обеспечивает надлежащей защиты от произвольного вмешательства турецких властей. По мнению Европейского Суда, такое широкое толкование уголовно-правовой нормы нельзя оправдать, когда оно приводит к тому, что ставится знак равенства между осуществлением права на свободу выражения мнения и принадлежностью к вооруженной террористической организации, созданием такой организации или руководством ею в отсутствие каких-либо конкретных доказательств такой связи.

(3) Вывод

281. Установив, что случаи вмешательства в осуществление заявителем свободы выражения мнения не соответствовали требованию качества закона, Европейский Суд усматривает в деле нарушение статьи 10 Конвенции, поскольку не был рассмотрен вопрос о применении части первой статьи 83 Конституции Турции в связи с конституционной поправкой, а также в связи с толкованием и применением в деле заявителя правовых норм о преступлениях террористической направленности.

282. В силу этого вывода необязательно рассматривать вопрос о том, преследовало ли вмешательство в каждом из этих случаев одну или несколько правомерных целей, указанных в пункте 2 статьи 10 Конвенции, и было ли оно «необходимо в демократическом обществе».

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1 И 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

283. Во-первых, заявитель ссылаясь на отсутствие доказательств, дающих основания предполагать, что он совершил преступление, и требующих заключить его под стражу. Кроме того, он жаловался в Европейский Суд на то, что в решениях турецких судов о первоначальном заключении его под стражу и о продлении срока содержания его под стражей не содержалось каких-либо мотивов, кроме простого цитирования предусмотренных законом оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. К тому же эти решения были сформулированы в абстрактных, повторяющихся и формальных выражениях. Заявитель утверждал, что по делу было допущено нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции, которая в части, имеющей отношение к настоящему делу, предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом...

/.../

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...

/.../

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

284. Власти государства-ответчика не согласились с доводами заявителя.

А. Период времени, который следует принимать во внимание

1. Представления сторон

(а) Доводы заявителя

285. Заявитель утверждал, что 4 ноября 2016 г. в рамках рассмотрения уголовного дела в суде по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и что содержание его под стражей во время этого разбирательства продолжалось до тех пор, пока 2 сентября 2019 г. суд по тяжким уголовным преступлениям не распорядился его освободить. Согласно представлениям заявителя, решением от 4 декабря 2018 г., которое не подлежало обжалованию, Апелляционный суд г. Стамбула оставил без изменения приговор суда по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула, который, таким образом, вступил в силу, и добавил, что, несмотря на это не подлежащее обжалованию судебное решение, статус заявителя *de jure* не изменился, поэтому лишение его свободы по-прежнему подпадало под действие подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

286. В этом отношении заявитель отмечал, что даже после вступления в силу вынесенного ему судами г. Стамбула обвинительного приговора суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары по-прежнему рассматривал вопрос о продлении срока предварительного содержания его под стражей через регулярные промежутки времени. В частности, решением от 13 декабря 2018 г. этот суд продлил срок предварительного содержания его под стражей ввиду наличия серьезных оснований предполагать, что он совершил вменяющиеся ему

вину преступления. Кроме того, суд счел оставление его под стражей необходимым и соразмерным, а меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, недостаточными. Аналогичные основания приводились во всех последующих решениях вплоть до 2 сентября 2019 г. Далее, на слушаниях дела его называли лицом, «содержащимся под стражей». Эти решения показывают, что, несмотря на вступление в силу обвинительного приговора, вынесенного заявителю судами г. Стамбула, его нынешний статус в связи с обстоятельствами настоящего дела не подпадает под действие подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции, если говорить о периоде времени до 2 сентября 2019 г.

287. Далее заявитель утверждал, что до 2 сентября 2019 г. в тюрьме, в которой он содержался, с ним всегда обращались как с лицом, «содержащимся под стражей». Например, находясь в тюрьме, он общался со своими адвокатами и родственниками в соответствии с положениями закона, применяющимися к лицам, «содержащимся под стражей».

(б) Доводы властей государства-ответчика

288. В своих письменных замечаниях по делу власти государства-ответчика утверждали, что правовой статус заявителя изменился после вынесения решения от 4 декабря 2018 г., которым были оставлены без изменения вынесенный ему обвинительный приговор и назначенное ему наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года восемь месяцев. В этом отношении они отмечали, что исполнение этого наказания началось 7 декабря 2018 г. В связи с этим они подчеркивали, что с 7 декабря 2018 г. заявитель являлся уже не лицом, содержащимся под стражей, а лицом, осужденным за другое преступление, не связанное с настоящей жалобой. Соответственно, с этого момента содержание его под стражей стало подпадать под действие подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

289. На слушании дела 18 сентября 2019 г. власти государства-ответчика отметили, что предварительное содержание заявителя под стражей для целей применения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции закончилось 7 сентября 2018 г., когда суд по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула вынес ему обвинительный приговор за выступление на митинге в г. Стамбуле 17 марта 2013 г.

2. Позиция Европейского Суда

290. Европейский Суд напоминает, что одним из самых распространенных видов лишения свободы в связи с производством по уголовным делам является досудебное содержание под стражей. Оно представляет собой одно из исключений из общего правила, закрепленного в пункте 1 статьи 5

Конвенции, согласно которому каждый имеет право на свободу, и содержится в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Отсчет периода времени, который следует принимать во внимание, начинается с того момента, когда человек задержан (см. Постановление Европейского Суда по делу «Томаси против Франции» (Tomasí v. France) от 27 августа 1992 г., § 83, Series A, № 241-A) или когда в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции» (Letellier v. France) от 26 июня 1991 г., § 34, Series A, № 207), и заканчивается, когда его освобождают из-под стражи и (или) когда ему выносится приговор по предъявленным ему обвинениям, пусть даже только судом первой инстанции (см., в числе прочих источников, Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии» (Wemhoff v. Germany) от 27 июня 1968 г., р. 23, § 9, Series A, № 7; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (Buzadji v. Republic of Moldova), § 85).

291. В настоящем деле заявитель 4 ноября 2016 г. был задержан и заключен под стражу в отделении полиции. В тот же день мировой суд г. Диярбакыр избрал ему меру пресечения в виде заключения под стражу. В рамках рассмотрения уголовного дела сначала в г. Диярбакыр, потом в г. Анкаре компетентные суды по тяжким уголовным преступлениям продолжали продлять срок предварительного содержания его под стражей вплоть до 2 сентября 2019 г. Далее, в приговоре от 7 сентября 2018 г. суд по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула назначил заявителю наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года восемь месяцев за ведение пропаганды в интересах террористической организации, но не распорядился заключить его под стражу. После решения Апелляционного суда г. Стамбула от 4 декабря 2018 г. обвинительный приговор в отношении заявителя вступил в силу, в результате чего 7 декабря 2018 г. он приступил к отбыванию наказания в виде лишения свободы продолжительностью четыре года восемь месяцев. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что с 7 декабря 2018 г. заявитель был лишен свободы в рамках производства по двум другим уголовным делам.

292. Стороны не оспаривают применимости подпункта «с» пункта 1 и пункта 3 статьи 5 Конвенции к периоду времени с 4 ноября 2016 г., когда заявитель в первый раз был заключен под стражу, до 7 сентября 2018 г., когда суд первой инстанции вынес ему обвинительный приговор по другому уголовному делу, или даже до 7 декабря 2018 г., когда он приступил к отбыванию наказания, назначенного ему в рамках производства по этому делу. Однако возникает вопрос о применимости подпункта «с» пункта 1 и пункта 3 статьи 5 Конвенции к периоду времени, начавшемуся

с 7 сентября или 7 декабря 2018 г., поскольку можно утверждать, что лишение заявителя свободы стало подпадать под действие и подпункта «а», и подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

293. В связи с этим, когда предварительное содержание осужденного под стражей началось или продолжилось в рамках производства по другому уголовному делу, Европейский Суд определяет, начал ли он отбывать наказание в виде лишения свободы во время «досудебного содержания под стражей». Например, в деле «Пётр Барановский против Польши» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Пётр Барановский против Польши» (Piotr Baranowski v. Poland) от 2 октября 2007 г., жалоба № 39742/05, §§ 45–46) предварительное содержание заявителя под стражей продолжалось с 18 декабря 2001 г. до 18 декабря 2004 г., когда суд первой инстанции вынес ему обвинительный приговор. Когда он содержался под стражей, ему было назначено наказание в виде лишения свободы по другому уголовному делу. Он отбывал это наказание с 30 июля 2002 г. по 26 января 2004 г. Для целей применения пункта 3 статьи 5 Конвенции Суд пришел к выводу, что он не может принять во внимание период времени с 30 июля 2002 г. по 26 января 2004 г., поскольку в это время предварительное содержание заявителя под стражей совпадало с отбыванием им наказания по приговору суда. Поэтому Суд постановил, что лишение заявителя свободы в соответствующий период времени не подпадает под действие подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

294. Еще в одном деле, «Дервиши против Хорватии» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дервиши против Хорватии» (Dervishi v. Croatia) от 25 сентября 2012 г., жалоба № 67341/10, §§ 124–125), заявитель, которому во время предварительного содержания под стражей был вынесен обвинительный приговор по другому делу, попросил муниципальный суд разрешить ему приступить к отбыванию назначенного ему наказания в виде лишения свободы. Ему не позволили этого сделать, так как в отношении него уже была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Соответственно, Европейский Суд не усмотрел в деле причинно-следственной связи между вынесенным заявителю обвинительным приговором и лишением его свободы и счел, что вынесение приговора не повлияло на предварительное содержание его под стражей.

295. Далее, в деле «Борисенко против Украины» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Борисенко против Украины» (Borisenko v. Ukraine) от 12 января 2012 г., жалоба № 25725/02, §§ 41–42) заявитель был лишен свободы в рамках производства по двум разным уголовным делам. В приговоре от 30 декабря 1999 г. ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года, и предполагалось, что он закончит его отбывать 18 июля 2003 г. Пока он отбывал наказание,

ему предъявили обвинение в рамках производства по другому уголовному делу, и 1 февраля 2001 г. в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. По вопросу о том, применим ли пункт 3 статьи 5 Конвенции к периоду времени с 1 февраля 2001 г. по 18 июля 2003 г., Европейский Суд указал на отсутствие объективных оснований полагать, что в этот период времени заявитель перестал отбывать наказание в виде лишения свободы. Соответственно, Суд пришел к выводу, что в этот период времени содержание заявителя под стражей подпадало под действие подпункта «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

296. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд с учетом принципов, установленных в упомянутом выше деле «Дервиши против Хорватии», прежде всего отмечает отсутствие причинно-следственной связи между вынесением заявителю обвинительного приговора 7 сентября 2018 г. и содержанием его под стражей до 7 декабря 2018 г. Поэтому Суд полагает, что в этот период времени содержание заявителя под стражей по-прежнему подпадало под действие подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако 7 декабря 2018 г. заявитель начал отбывать наказание, назначенное ему по результатам рассмотрения уголовного дела судами г. Стамбула. Соответственно, с учетом упомянутого выше Постановления Европейского Суда по делу «Пётр Барановский против Польши» (Piotr Baranowski v. Poland), несмотря на то что во время разбирательства в суде по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары (до 2 сентября 2019 г.) имело место «досудебное» содержание заявителя под стражей, после 7 декабря 2018 г., когда он начал отбывать наказание, назначенное ему вступившим в силу приговором суда, лишение его свободы стало охватываться не подпунктом «с», а подпунктом «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

297. С учетом сказанного выше отсчет периода времени, который следует принимать во внимание в связи с настоящими жалобами, начинался 4 ноября 2016 г., когда заявитель был задержан, и закончился 7 декабря 2018 г., когда он приступил к отбыванию наказания, назначенного ему вступившим в силу приговором по результатам рассмотрения уголовного дела судами г. Стамбула. Таким образом, предварительное содержание заявителя под стражей продолжалось два года один месяц и три дня.

В. Предполагаемое отсутствие обоснованного подозрения в совершении заявителем преступления (пункт 1 статьи 5 Конвенции)

1. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

298. Сочтя целесообразным прийти к выводу о невозможности утверждать, что заявитель

был задержан и заключен под стражу по «обоснованному подозрению» в совершении преступления по смыслу положений подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Палата Европейского Суда постановила, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции. В своем Постановлении по настоящему делу Палата Суда рассуждала следующим образом:

«168. Европейский Суд отмечает, что в данном случае заявитель был лишен свободы по подозрению в совершении нескольких преступлений, в том числе террористической направленности. В этом отношении Суд отмечает, что, по утверждениям прокурора, заявитель, помимо прочего, упомянул о своем желании поставить памятник лидеру террористической организации... Кроме того, Суд отмечает, что, согласно обвинительному заключению, в выступлении в отделении ПМД в г. Диярбакыр 21 апреля 2013 г. заявитель отметил, что курдский народ в Турции обязан своим существованием вооруженной борьбе, возглавляемой РПК. В связи с этим утверждалось, что заявитель назвал первые теракты РПК “государственным переворотом в 1984 году” и “сопротивлением в Шемдинли [и] в Эрхуе”... Далее прокурор утверждал, что заявитель отвечал за деятельность политического крыла незаконной организации СОК. В связи с этим Суд отмечает, что такие доказательства, как записи разговоров между лидерами РПК и между ними и заявителем, были получены прокурором до задержания заявителя по подозрению в совершении вменяемого ему в вину преступления... Далее Суд отмечает, что с учетом содержания этих разговоров власти Турции, в частности суды первой инстанции и Конституционный суд Турции, сочли возможным прийти к выводу, будто заявитель действовал по указаниям лидеров террористической организации.

169. Европейский Суд отмечает, что многие предъявленные заявителю обвинения касаются непосредственно его свободы выражения мнения и его политических взглядов. Однако в контексте настоящей жалобы в задачи Суда не входит определять, виновен ли заявитель в преступлениях, в совершении которых он обвинялся. Этим должны заниматься турецкие суды. Функция Суда в настоящем деле заключается в рассмотрении вопроса о том, был ли заявитель лишен свободы по обоснованному подозрению в совершении преступления. По этому вопросу, принимая во внимание требования пункта 1 статьи 5 Конвенции об уровне фактических обоснований, требующихся на стадии подозрения, Суд полагает, что в материалах уголовного дела имелось достаточно информации, способной убедить объективного наблюдателя в том, что заявитель мог совершить хотя бы некоторые из тех преступлений, в связи с которыми он подвергся уголовному преследованию».

2. Замечания сторон по делу

(а) Доводы заявителя

299. Заявитель утверждал, что он был заключен под стражу из-за своих политических взглядов. Он указывал на отсутствие фактов или сведений, кото-

рые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что он совершил вменяющиеся ему в вину преступления. Соответственно, содержание его под стражей ни в какой момент времени не оправдывалось наличием обоснованного подозрения.

300. В этом контексте заявитель утверждал, что в решении о первоначальном заключении его под стражу от 4 ноября 2016 г. 2-й мировой суд г. Диярбакыр сослался на девять конкретных оснований, которые указывали на наличие обоснованного подозрения, оправдывающего содержание заявителя под стражей. Шесть из этих оснований касались политических выступлений заявителя как активного депутата Национального собрания и сопредседателя второй по величине оппозиционной политической партии в Турции. Седьмое основание заключалось в его участии в законном публичном собрании. Восьмым основанием стало сообщение в Твиттере, опубликованное ДПН и призывающее к проведению демонстраций против нападений ИГИЛ в Кобани. Последнее основание касалось нескольких ведущихся расследований по возбужденным в отношении заявителя уголовным делам. По мнению заявителя, ни одно из этих оснований не могло привести к появлению обоснованного подозрения в совершении им преступления, а предварительное содержание его под стражей преследовало скрытые цели.

301. Заявитель критиковал постановление Конституционного суда Турции от 21 декабря 2017 г. и Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу за отсутствие тщательного анализа оснований, приведенных 2-м мировым судом г. Диярбакыр. Далее он утверждал, что Конституционный суд по собственной инициативе сослался на новые основания для вывода о наличии обоснованного подозрения в совершении им преступления. «Изобретение» новых оснований для этой цели противоречит основным принципам механизма подачи индивидуальных жалоб в Конституционный суд и подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

302. Тем не менее, если Европейский Суд сочтет допустимым рассмотрение доказательств, не упомянутых в решении 2-го мирового суда г. Диярбакыр, заявитель утверждал, что эти доказательства не могли привести к появлению подозрения, способного оправдать избрание в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. В связи с этим Конституционный суд процитировал его выступление 2012 года, в котором он утверждал, что Абдулле Оджалану будет поставлен памятник. В этом выступлении заявитель хотел сказать, что те, кто добивается мира посредством процесса урегулирования, заслуживают того, чтобы их успехи были отмечены. Следовательно, это выступление имело политический характер и как таковое охранялось статьей 10 Конвенции.

303. Далее, как утверждал заявитель, Конституционный суд установил наличие достаточных доказательств подозревать его в том, что он действовал по указаниям лидеров террористической организации, в связи с содержанием изъятых документов и записей телефонных разговоров. В этом отношении прокурор отметил в обвинительном заключении, что заявитель по указанию РПК передал письмо от некоего İ.E. семье этого человека. Однако, согласно представлениям заявителя, суд первой инстанции установил, что это доказательство было сфабриковано. По поводу записей своих телефонных переговоров заявитель утверждал, что все ходатайства о подтверждении подлинности этих записей были отклонены судом по тяжким уголовным преступлениям и, соответственно, возникли серьезные сомнения в том, действительно ли эти разговоры имели место. В этой ситуации доказательства, о которых идет речь, совершенно не могли оправдывать лишение его свободы.

(b) Доводы властей государства-ответчика

304. Власти государства-ответчика утверждали, что заявитель был заключен под стражу в ходе расследования по уголовному делу, возбужденному в связи с борьбой с терроризмом, в частности с РПК и СОК. Из доказательств, собранных в ходе следствия по его делу и приобщенных к материалам дела, объективно можно было вывести обоснованное подозрение в совершении заявителем преступлений, в которых он обвинялся. На основании убедительных доказательств, собранных в ходе следствия, в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело, рассмотрение которого турецкими судами еще не закончилось. Далее власти государства-ответчика сослались на выводы Конституционного суда Турции и Палаты Европейского Суда, согласно которым можно было сказать, что заявителя задержали и заключили под стражу по «обоснованному подозрению» в совершении преступления.

305. По мнению властей государства-ответчика, задача Европейского Суда заключается в том, чтобы определить, выполняются ли в рассматриваемом им деле условия, предусмотренные подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, в том числе преследование установленной правомерной цели. В этом отношении они указали, что обычно Суд не должен подменять позицию внутрисударственных судов, которые находятся в лучшем положении с точки зрения анализа представленных им доказательств, своей собственной оценкой обстоятельств дела. Вопрос о предварительном содержании заявителя под стражей рассматривался 39 судьями судов первой инстанции и 16 судьями Конституционного суда Турции, и все они пришли к выводу о наличии достаточных оснований, указывающих на существование обоснованного подозрения в совершении

заявителем преступлений, в которых он обвинялся. В связи с этим власти государства-ответчика отмечали, что заявитель никоим образом не показал произвольность или явную необоснованность выводов турецких судов, и, соответственно, утверждали, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

3. Доводы должностных лиц и организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны

(а) Комиссар по правам человека

306. Комиссар по правам человека отметил, что, по утверждениям властей Турции, первоначальное заключение под стражу депутатов от ДПН было вызвано их отказом лично явиться в следственные органы. Однако даже после того, как их силой заставили дать показания прокурору и судье, несколько этих депутатов были задержаны и оставлены под стражей.

307. Комиссар по правам человека выявил более общую проблему, связанную с решениями мировых судей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей. В таких решениях нередко отсутствуют ссылки на убедительные доказательства, указывающие на существование обоснованного подозрения, а содержание под стражей часто обосновывается упоминанием высказываний и действий, которые явно не носят насильственного характера.

(b) Неправительственные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны

308. Неправительственные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны, заявили, что с 15 июля 2016 г., когда произошла попытка военного переворота, под стражу было заключено 1482 члена ДПН, в том числе несколько депутатов. Многие из них были задержаны в связи с выступлениями на политические темы. Подчеркивая важность публичной дискуссии в демократическом обществе, они критиковали использование методов, которые привели к произвольному лишению свободы депутатов от ДПН.

309. Они отмечали, что, как установила Палата Европейского Суда, в материалах уголовного дела имелось достаточно информации, способной убедить объективного наблюдателя в том, что заявитель мог совершить преступление. По их мнению, вывод Палаты Суда снизил требования к «обоснованности» до минимального уровня, открыв тем самым возможность для оправдания произвольного заключения людей под стражу на основании их политических взглядов.

4. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

(а) По вопросу о приемлемости этой жалобы для рассмотрения по существу

310. Европейский Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу положений подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой для рассмотрения по существу ни по каким иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

(b) По существу жалобы

(i) Общие принципы

311. Вначале Европейский Суд напоминает, что статья 5 Конвенции гарантирует право, которое имеет первоочередное значение в «демократическом обществе» по смыслу положений Конвенции, – основополагающее право на свободу и личную неприкосновенность (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии» (Assanidze v. Georgia), жалоба № 71503/01, § 169, ECHR 2004-II). Наряду со статьями 2, 3 и 4 Конвенции статья 5 Конвенции относится к числу важнейших положений, гарантирующих основные права, которые защищают физическую неприкосновенность человека, и в связи с этим имеет огромное значение (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (Buzadji v. Republic of Moldova), § 84). Ее ключевая задача заключается в недопущении произвольного или необоснованного лишения свободы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Республики Молдова и Российской Федерации» (Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia), жалоба № 48787/99, § 461, ECHR 2004-VII).

312. Каждый вправе рассчитывать на защиту этого права, то есть на то, чтобы не быть лишенным свободы и не оставаться под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Викс против Соединенного Королевства» (Weeks v. United Kingdom) от 2 марта 1987 г., § 40, Series A, № 114) иначе как в соответствии с условиями, предусмотренными пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Можно выявить, в частности, три основных направления рассуждений, которые проходят через всю прецедентную практику Европейского Суда: исчерпывающий характер исключений, которые подлежат строгому толкованию и не позволяют приводить широкий спектр обоснований со ссылкой на другие положения Конвенции (в частности, на статьи 8–11 Конвенции); неоднократное подчеркивание законности содержания под стражей и в процессуальном, и в материально-правовом смысле, которая требует неукоснительного соблюдения принципа верховенства права, и важность неза-

медлительности или оперативности необходимых мер судебного контроля (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (Buzadji v. Republic of Moldova), § 84; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S., V. и A. против Дании» (S., V. and A. v. Denmark) от 22 октября 2018 г., жалоба № 35553/12¹ и еще две жалобы, § 73).

313. Когда встает вопрос о «правомерности» заключения под стражу, в том числе вопрос о том, были соблюден «порядок, установленный законом», Конвенция ссылается главным образом на внутригосударственное законодательство и предусматривает обязанность соблюдать его материально-правовые и процессуальные нормы. В первую очередь эта обязанность требует, чтобы задержание или заключение под стражу имело правовые основания во внутреннем законодательстве (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Моорен против Германии» (Mooren v. Germany) от 9 июля 2009 г., жалоба № 11364/03², § 72, и другие постановления Европейского Суда, на которые оно ссылается).

314. Далее Европейский Суд напоминает, что, согласно первому аспекту подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, человек может быть заключен под стражу в рамках производства по уголовному делу только для того, чтобы он предстал перед компетентным правовым органом по обоснованному подозрению в совершении преступления (см. Постановление Европейского Суда по делу «Йечиус против Литвы» (Jėčius v. Lithuania), жалоба № 34578/97, § 50, ECHR 2000-IX; Постановление Европейского Суда по делу «Влох против Польши» (Włoch v. Poland), жалоба № 27785/95³, § 108, ECHR 2000-XI; и Решение Европейского Суда по делу «Пойраз против Турции» (Poğraz v. Turkey) от 17 февраля 2015 г., жалоба № 21235/11, § 53). Важнейшей частью гарантии, закрепленной в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, является «обоснованность» подозрения, по которому осуществляется задержание. Обоснованное подозрение предполагает наличие фактов или сведений, которые убедили бы объективного наблюдателя в том, что человек мог совершить преступление. Однако то, что можно считать обоснованным, зависит от всех обстоятельств дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom) от 30 августа 1990 г., § 32, Series A, № 182; Постановление Европейского Суда по делу «О’Хара против Соединенного Королевства»

(O’Hara v. United Kingdom), жалоба № 37555/97, § 34, ECHR 2001-X; Решение Европейского Суда по делу «Чичек против Турции» (Çiçek v. Turkey) от 3 марта 2015 г., жалоба № 72774/10, § 62; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (Mehmet Hasan Altan v. Turkey), § 124; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (Şahin Alpay v. Turkey), § 103).

315. Кроме того, как отмечал Европейский Суд, подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции не предполагает, что на момент задержания человека следственные органы собрали достаточно доказательств для предъявления ему обвинений. Цель допроса во время содержания под стражей, согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, заключается в том, чтобы оказать помощь следствию по уголовному делу, подтвердив или опровергнув конкретные подозрения, послужившие основанием для задержания. Таким образом, факты, которые привели к появлению подозрения, необязательно должны быть такими же убедительными, как и обстоятельства, необходимые для обоснования вынесения обвинительного приговора или даже предъявления обвинения, которое происходит на следующем этапе производства по уголовному делу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (Murray v. United Kingdom) от 28 октября 1994 г., § 55, Series A, № 300-A; Постановление Европейского Суда по делу «Юксель и другие против Турции» (Yüksel and Others v. Turkey) от 31 мая 2016 г., жалоба № 55835/09 и еще две жалобы, § 52; и Постановление Европейского Суда по делу «Алпарслан Алтан против Турции» (Alparslan Altan v. Turkey) от 16 апреля 2019 г., жалоба № 12778/17, § 127).

316. Задача Европейского Суда заключается в том, чтобы определить, выполняются ли в рассматриваемом им деле условия, предусмотренные подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, в том числе преследовалась ли предписанная им правомерная цель. В этом отношении Суд обычно не должен подменять позицию внутригосударственных судов, которые находятся в лучшем положении с точки зрения анализа представленных им доказательств, своей собственной оценкой обстоятельств дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мерген и другие против Турции» (Mergen and Others v. Turkey) от 31 мая 2016 г., жалоба № 44062/09 и еще четыре жалобы, § 48; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (Mehmet Hasan Altan v. Turkey), § 126).

317. Как правило, проблемы с «обоснованностью» подозрения возникают на уровне фактов. Тогда вопрос заключается в том, опиралось ли задержание и заключение под стражу на достаточные объективные факторы, оправдывающие «обоснованное подозрение» в том, что обстоятельства, о которых идет

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 12 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2020. № 4 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2017. № 10 (примеч. редактора).

речь, действительно имели место (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Влох против Польши» (*Włoch v. Poland*), §§ 108–109). В дополнение к фактической стороне дела существование «обоснованного подозрения» по смыслу положений подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции требует, чтобы были причины отнести используемые факты к одному из разделов законодательства, устанавливающих ответственность за уголовно наказуемые деяния. Так, «обоснованное подозрение» явно не может возникнуть, если деяния или факты, поставленные в вину содержащемуся под стражей лицу, не являлись преступлением на тот момент, когда они имели место (см. Постановление Европейского Суда по делу «Канджов против Болгарии» (*Kandzhov v. Bulgaria*) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 68294/01, § 57; Постановление Европейского Суда по делу «Маммадли против Азербайджана» (*Mammadli v. Azerbaijan*) от 19 апреля 2018 г., жалоба № 47145/14, § 52; Постановление Европейского Суда по делу «Алиев против Азербайджана» (*Aliyev v. Azerbaijan*) от 20 сентября 2018 г., жалобы №№ 68762/14 и 71200/14, § 152; и Постановление Европейского Суда по делу «Кавала против Турции» (*Kavala v. Turkey*) от 10 декабря 2019 г., жалоба № 28749/18, § 128).

318. Кроме того, не должно создаваться впечатления, что сами предполагаемые преступления были связаны с осуществлением заявителем конвенционных прав (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кавала против Турции» (*Kavala v. Turkey*), § 129).

319. При определении «обоснованности» подозрения Европейский Суд последовательно приходил к выводу, что у него должна иметься возможность установить, была ли обеспечена сущность гарантии, предусмотренной подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Соответственно, власти государства-ответчика обязаны предоставить хотя бы какие-то факты или сведения, способные убедить Суд в том, что имелись основания подозревать задержанного в совершении предполагаемого преступления (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (*Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom*), § 34 *in fine*; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «О'Хара против Соединенного Королевства» (*O'Hara v. United Kingdom*), § 35; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (*Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*), § 89; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Алпарслан Алтан против Турции» (*Alparslan Altan v. Turkey*), § 129).

320. Обоснованное подозрение должно существовать на момент задержания и первоначального заключения под стражу, но при продлении срока содержания под стражей необходимо также пока-

зать, что это подозрение сохранялось и оставалось «обоснованным» на протяжении всего периода заключения (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (*Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*), § 90). Далее требование о том, чтобы судья или иное должностное лицо, наделенное судебной властью, приводило уместные и достаточные основания для содержания человека под стражей в дополнение к наличию обоснованного подозрения, применяется уже при вынесении самого первого решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, то есть «незамедлительно» после задержания (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. Republic of Moldova*), § 102; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Алпарслан Алтан против Турции» (*Alparslan Altan v. Turkey*), § 130).

321. В ходе последующего сбора доказательств по конкретному обвинению иногда может усиливаться подозрение в том, что заявитель совершил преступление террористической направленности. Однако это не может являться единственным основанием для подозрения, оправдывающего содержание лица под стражей. В любом случае, последующий сбор таких доказательств не освобождает внутригосударственные органы власти от обязанности предоставить достаточные фактические основания, способные оправдать первоначальное заключение лица под стражу. Иной вывод был бы несовместим с целью статьи 5 Конвенции, которая заключается в том, чтобы не допускать произвольного или необоснованного лишения свободы (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Алпарслан Алтан против Турции» (*Alparslan Altan v. Turkey*), § 139).

(ii) Применение изложенных выше принципов в настоящем деле

322. Рассматривая жалобы на отсутствие обоснованного подозрения в совершении заявителем правонарушения, Европейский Суд должен принимать во внимание все соответствующие обстоятельства, чтобы определить, имелись ли объективные сведения, указывающие на «обоснованность» существующих в отношении заявителя подозрений на момент первоначального заключения его под стражу (*ibid.*, § 133).

323. В упомянутом выше Постановлении по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (*Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom*) (§ 32) Европейский Суд уже пришел к выводу, что ввиду сложностей, связанных с расследованием преступлений террористической направленности и привлечением к ответственности за их совершение, «обоснованность» подо-

зрения, оправдывающего лишение свободы, не всегда можно оценивать по тем же стандартам, которые применяются к обычным преступлениям. Тем не менее, по мнению Суда, требования борьбы с терроризмом не могут оправдывать расширения рамок понятия «обоснованность» таким образом, чтобы оно посягало на сущность гарантии, предусмотренной подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (*ibid.*, § 32). Поэтому задача Суда в настоящем деле заключается в том, чтобы установить, имелось ли на момент первоначального заключения заявителя под стражу достаточно факторов, чтобы убедить объективного наблюдателя в том, что заявитель мог совершить преступления, в которых его обвиняла прокуратура (см. выше § 271). При этом Суд должен установить, являлась ли такая мера оправданной ввиду имеющихся в то время сведений и фактов, которые были вынесены на рассмотрение судебных органов, избравших заявителю эту меру пресечения.

324. 4 ноября 2016 г. прокурор г. Диярбакыр ходатайствовал перед 2-м мировым судом г. Диярбакыр об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с принадлежностью к вооруженной террористической организации и публичным подстрекательством к совершению преступления. В тот же день заявителя доставили во 2-й мировой суд г. Диярбакыр, который избрал ему меру пресечения в виде заключения под стражу. Принимая это решение, мировой судья сначала констатировал, что в силу конституционной поправки заявитель лишился парламентской неприкосновенности в связи с совершением соответствующих преступлений. Затем он отметил, что, когда в октябре 2014 года участились столкновения между ИГИЛ и ПДС в Сирии, лидеры РПК несколько раз призывали людей выйти на улицы. Далее он упомянул о том, что практически одновременно с этим в Твиттере было опубликовано три сообщения от имени центрального исполнительного комитета ДПН, членом и сопредседателем которой был заявитель, в которых людей тоже призывали выйти на улицы. Далее мировой судья отметил, что во время событий 6–8 октября 2014 г. сторонники РПК совершили множество преступлений, в результате которых, в частности, погибло 50 человек, было ранено 678 человек и повреждено 1 113 зданий. По мнению мирового судьи, сообщения, размещенные в аккаунте ДПН в Твиттере, дали серьезные основания предполагать, что заявитель совершил такое преступление, как публичное подстрекательство к совершению преступления, при исполнении своих партийных обязанностей. Затем мировой судья отметил, что в нескольких выступлениях заявитель назвал некоторые действия членов РПК, например рытье окопов и возведение баррикад в городах, актами «сопротивления», а также принимал участие в работе Конгресса демократического

общества. Далее мировой судья обратил внимание на то, что прокуратура ведет расследование по нескольким уголовным делам, возбужденным в отношении заявителя, в том числе по обвинениям в совершении преступлений террористической направленности. По мнению мирового судьи, этих обстоятельств было достаточно для появления серьезных оснований подозревать заявителя в совершении такого преступления, как принадлежность к вооруженной террористической организации. Кроме того, мировой судья отметил, что преступление, заключающееся в создании вооруженной террористической организации и в руководстве ею, в связи с которым заявителя не допрашивали, входит в число преступлений, о которых говорится в пункте 3 статьи 100 УПК Турции. Наконец, приняв во внимание значимость дела и суровость наказаний, предусмотренных законом за соответствующие преступления, мировой судья счел предварительное содержание заявителя под стражей необходимым и соразмерным, а меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, недостаточными.

325. При рассмотрении правомерности предварительного содержания заявителя под стражей Конституционный суд Турции, кратко описав события 6–8 октября 2014 г., счел возможным установить причинно-следственную связь между призывами центрального исполнительного комитета ДПН и соответствующими актами насилия. Кроме того, по поводу «окопных событий» Конституционный суд постановил, что с учетом сделанных заявителем заявлений, мест, где он с ними выступил, и наличием у него статуса сопредседателя ДПН предварительное содержание его под стражей в связи с преступлением террористической направленности нельзя считать обоснованным. Поэтому, сославшись на содержание двух выступлений заявителя 13 ноября 2012 г. и 21 апреля 2013 г., Конституционный суд указал на наличие в рассматриваемом им деле оснований предполагать совершение преступления. Наконец, приняв во внимание документы, изъятые при обыске в доме A.D., и содержание разговоров между предполагаемыми высокопоставленными функционерами РПК и между ними и заявителем, Конституционный суд счел правомерным предположить, что заявитель, возможно, действовал по указаниям лидеров вооруженной террористической организации. Поэтому суд отметил, что этих факторов достаточно для появления серьезных оснований подозревать заявителя в совершении преступления.

326. Рассматривая вопрос о наличии серьезных оснований предполагать, что заявитель совершил преступление, Конституционный суд Турции сослался на ряд доказательств, не упомянутых в решении об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу от 4 ноября

2016 г. В связи с этим Европейский Суд отмечает, в частности, что выступления заявителя 13 ноября 2012 г. и 21 апреля 2013 г. не фигурировали в числе доказательств, которыми 2-й мировой суд г. Диярбакыр подкрепил свое решение о заключении заявителя под стражу. Далее, мировой судья не сослался на телефонные разговоры, упомянутые Конституционным судом, как на основания для избрания заявителю меры пресечения и не принял во внимание документы, изъятые при обыске в доме другого человека. Эти доказательства были переданы в суды только после направления обвинительного заключения 11 января 2017 г., то есть более чем через два месяца после того, как заявитель в первый раз был заключен под стражу. Соответственно, для того чтобы определить, было ли решение о первоначальном заключении заявителя под стражу обоснованным, рассматривать эти доказательства необязательно, потому что они не повлияли на решение 2-го мирового суда г. Диярбакыр от 4 ноября 2016 г. Их можно принять во внимание только при рассмотрении вопроса о том, действительно ли обоснованное подозрение сохранялось или возникло в контексте продления срока предварительного содержания заявителя под стражей.

327. Первоначально 2-й мировой суд г. Диярбакыр обосновал заключение заявителя под стражу ссылкой на сообщения, размещенные в аккаунте ДПН в Твиттере. В этих трех сообщениях ДПН призывала к солидарности с жителями г. Кобани, в отношении которых члены вооруженной террористической организации ИГИЛ начали в то время наступательную операцию. Европейский Суд готов принять во внимание сложности, с которыми столкнулась Турция из-за угрозы терактов, особенно в результате кризиса в Сирии. В октябре 2014 года внутренний конфликт в Сирии стал угрожать национальной безопасности в Турции. Именно в этих непростых обстоятельствах ДПН разместила соответствующие сообщения в Твиттере, призывая людей выйти на улицы. Эти призывы, несомненно, создали непростую ситуацию, особенно на юго-востоке Турции. Действительно, после того как были опубликованы эти призывы, произошло несколько кровопролитных стычек (см. выше §§ 23 и 25). Тем не менее Суд полагает, что эти призывы не вышли за рамки высказываний на политические темы, поскольку в них нельзя усмотреть призыва к насилию. Применение силы, имевшее место 6–8 октября 2014 г., каким бы прискорбным оно ни было, нельзя считать прямым следствием этих сообщений в Твиттере и основанием, оправдывающим заключение заявителя под стражу в связи с соответствующими преступлениями.

328. Далее, 2-й мировой суд г. Диярбакыр сослался на некоторые политические заявления, в которых заявитель выразил свое мнение по поводу событий 6–8 октября 2014 г. и «окопных

событий» или по курдскому вопросу вообще. По содержанию эти выступления заявителя можно расценивать как очень жесткую критику власти. Государство или часть населения могли счесть обидными его мнение по таким вопросам, как «окопные события», и использование им таких понятий, как «сопротивление». Кроме того, эти высказывания могли их оскорбить, шокировать или встревожить. Однако в соответствующих выступлениях заявитель не призывал к использованию насильственных методов, и, конечно же, его высказывания не являлись пропагандой терроризма, восхвалением террористов, очернением пострадавших от теракта, призывом к финансированию террористических организаций или чем-то еще в том же духе (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Явуз и Яйлалы против Турции» (Yavuz and Yaylali v. Turkey) от 17 декабря 2013 г., жалоба № 12606/11, § 51; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюлер и Угур против Турции» (Güler and Uğur v. Turkey), § 52). По мнению Европейского Суда, эти выступления не убедили бы объективного наблюдателя в том, что заявитель мог совершить преступления, за которые он был заключен под стражу, в отсутствие других оснований и доказательств, оправдывающих заключение его под стражу. Понятие «обоснованное подозрение» нельзя трактовать настолько широко, чтобы оно посягало на право заявителя на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

329. В качестве основания для заключения заявителя под стражу использовалось его участие в работе общего съезда Конгресса демократического общества. Однако заявитель утверждал, что этот съезд был законным публичным мероприятием. В связи с этим власти государства-ответчика не представили каких-либо конкретных доказательств, чтобы опровергнуть этот довод. Поэтому Европейский Суд полагает, что участие заявителя в мирном собрании и выступление там с речью тоже не способно убедить объективного наблюдателя в том, что он мог совершить одно из преступлений, о которых идет речь (см. выше § 69). В этом отношении вменяющиеся в вину заявителю действия были связаны с осуществлением им прав, предусмотренных Конвенцией, в частности статья 10 и 11 Конвенции.

330. 2-й мировой суд г. Диярбакыр пришел к выводу, что продолжающиеся расследования по нескольким уголовным делам, возбужденным в отношении заявителя в связи с преступлениями террористической направленности, дали возможность прийти к выводу о наличии серьезных оснований предполагать, что он совершил такое преступление, как принадлежность к вооруженной террористической организации. По мнению Европейского Суда, туманную и общую отсылку к другим ведущимся прокуратурой расследовани-

ям никак нельзя считать достаточным указанием на обоснованность подозрения, с которым, как предполагалось, было связано заключение заявителя под стражу.

331. С учетом сказанного выше Европейский Суд отмечает, что в ходе первоначального разбирательства не было приведено или представлено каких-либо конкретных фактов или сведений, которые привели бы к появлению подозрения, оправдывающего заключение заявителя под стражу. Тем не менее результатом этого разбирательства стало избрание в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. Поэтому Суд полагает, что на момент первоначального заключения заявителя под стражу отсутствовали факты или сведения, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что заявитель совершил предполагаемые преступления.

332. Далее Европейский Суд должен определить, могут ли другие основания, которые принял во внимание Конституционный суд Турции, указывать на существование обоснованного подозрения в совершении заявителем соответствующих преступлений, чтобы оправдывать предварительное содержание заявителя под стражей начиная с 4 ноября 2016 г. При этом Европейский Суд рассмотрит три категории доказательств, которые Конституционный суд обнаружил в обвинительном заключении, а именно: выступления заявителя 13 ноября 2012 г. и 21 апреля 2013 г., документы, изъятые при обыске в доме A.D., и разговоры между предполагаемыми высокопоставленными функционерами РПК и между ними и заявителем.

333. На демонстрации 13 ноября 2012 г. заявитель рассказал, помимо прочего, о намерении поставить памятник Абдулле Оджалану. Какими бы ни были причины этого заявления, Европейский Суд допускает, что многие жители Турции могли счесть его оскорбительным, шокирующим, тревожащим или полемическим. В связи с этим ранее Суд пришел к выводу, что конкретный размах и последствия террористической деятельности РПК, возглавляемой Абдуллой Оджаланом, на юго-востоке Турции, несомненно, привели к появлению «чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аксой против Турции» (*Aksoy v. Turkey*) от 18 декабря 1996 г., § 70, *Reports* 1996-VI). Однако, как утверждал заявитель, эти замечания были сделаны в особом контексте «процесса урегулирования», в ходе которого власти Турции вступили в переговоры с лидерами РПК, в том числе с Абдуллой Оджаланом, стремясь найти долговременное мирное решение курдского вопроса. Как пояснил заявитель, в этих выступлениях он хотел сказать, что те, кто добивается мира посредством процесса урегулирования, заслуживают того, чтобы их успехи были отмечены. Лишь по окончании этого процесса, более чем через четыре года

после соответствующего выступления, судебные органы усмотрели в нем достаточные основания, оправдывающие заключение заявителя под стражу, не попытавшись при этом установить, какие у него при этом были намерения. Соответственно, в отсутствие каких-либо других оснований и доказательств, требующих избрания такой меры пресечения, Суд не убежден в том, что выступление заявителя 13 ноября 2012 г. могло привести к появлению обоснованного подозрения в совершении им соответствующих преступлений.

334. В выступлении 21 апреля 2013 г. заявитель выразил свое мнение по поводу курдского движения. В связи с этим он прежде всего отметил, что это движение рассматривало войну как войну в порядке самообороны. Далее он сказал, что применять оружие неправильно, так как бороться и добиваться успеха можно с помощью методов, не связанных с насилием. Далее он упомянул о том, что без движения РПК в Турции не было бы курдского народа. Высказывания заявителя указывают на то, что, по его мнению, курдский народ в Турции отчасти обязан своим существованием вооруженной борьбе, возглавляемой этой террористической организацией. Это замечание можно считать описанием исторических фактов, имеющих отношение к курдскому вопросу в Турции, в трактовке заявителя. Действительно, в своем выступлении заявитель упомянул о «государственном перевороте в 1984 году» и о «сопротивлении в Шемлинли [и] в Эрхуе», назвав их действиями, которые обеспечили реальное существование курдского народа. Действительно, по мнению прокурора, есть основания утверждать, что заявитель назвал первые теракты РПК «государственным переворотом в 1984 году» и «сопротивлением в Шемлинли [и] в Эрхуе». Однако Европейский Суд полагает, что это выступление можно с таким же успехом поместить в общий контекст «процесса урегулирования», в ходе которого турецкое общество открыто обсуждало истоки курдского вопроса. По мнению Суда, соответствующие высказывания можно считать оценкой заявителем вооруженных столкновений в Турции, а не призывами к насилию или восхвалением терроризма. Если рассматривать их в целом, нельзя прийти к выводу, что они могли способствовать эскалации насилия или усугубить ситуацию с безопасностью в каком-то конкретном регионе Турции.

335. Прокурор г. Диярбакыр обвинил заявителя в том, что тот отвечал за деятельность политического крыла незаконной организации СОК. В связи с этим он сначала представил два документа, изъятые при обыске в доме у другого лица, которые, по мнению прокурора, показывали, что заявитель передал письмо от некоего İ.E. семье этого человека по указанию РПК. Однако, как утверждал заявитель, суд по тяжким уголовным преступлениям установил, что это доказательство было сфабриковано.

вано. Европейский Суд отмечает, что власти государства-ответчика не смогли представить каких-либо доказательств, чтобы опровергнуть этот довод заявителя. С учетом сомнений в подлинности этих документов они, по мнению Суда, не могли бы дать объективному наблюдателю поводов прийти к выводу о существовании обоснованного подозрения, подкрепляющего предъявленные заявителю обвинения.

336. Кроме того, в качестве доказательств выдвинутых обвинений прокурор г. Диярбакыр представил записи перехваченных телефонных разговоров между S.O. and K.Y. и между K.Y. и заявителем (см. выше § 79). По утверждениям прокурора, эти записи показывали, что S.O. дал заявителю указание принять участие в некоторых заседаниях за рубежом, в том числе в Совете Европы. Заявитель оспаривал подлинность этих записей. В связи с этим он утверждал, что суд по тяжким уголовным преступлениям отклонил все ходатайства о подтверждении подлинности этих записей. Если говорить о перехвате телефонных звонков, Европейскому Суду известно, насколько важны такого рода доказательства в борьбе с организованной преступностью. Тем не менее в случаях, когда обвиняемый оспаривает их подлинность, судебные органы обязаны доказать их достоверность (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гегген против Германии» (*Gägen v. Germany*), § 164; и Постановление Европейского Суда по делу «Аллан против Соединенного Королевства» (*Allan v. United Kingdom*), жалоба № 48539/99, § 43, ECHR 2002-IX). Это тем более справедливо, когда на основании таких доказательств суды продляют срок предварительного содержания человека под стражей. В настоящем деле, однако, турецкие суды, по-видимому, не попытались установить достоверность записей, представленных прокурором. Однако даже если предположить, что эти записи заслуживают доверия, Суд полагает, что на основании материалов дела он не может установить, выполнил ли заявитель данные ему «указания». Не может Суд и понять, каким образом участие в мероприятии, организованном в рамках Совета Европы в 2008 году, может являться фактом, обосновывающим соответствующее подозрение и заключение заявителя под стражу несколько лет спустя.

337. Рассматривая дело с точки зрения статьи 10 Конвенции, Европейский Суд уже приходил к выводу, что оно подтверждает склонность турецких судов принимать решения о принадлежности человека к вооруженной организации на основании весьма неубедительных доказательств (см. выше § 280). В связи с этим Суд счел диапазон действий, которые могли бы оправдать заключение заявителя под стражу согласно статье 314 Уголовного кодекса Турции, настолько широким, что содержание этой статьи в сочетании с ее толкованием турец-

кими судами не обеспечило надлежащей защиты от произвольного вмешательства турецких властей. Таким образом, Суд установил, что толкование и применение соответствующих преступлений террористической направленности в настоящем деле было «непредсказуемым». По мнению Суда, это соображение сохраняет силу и применительно к обвинениям, предъявленным заявителю в связи с его выступлениями. Суд считает, что заявления, сделанные заявителем в качестве сопредседателя второй по величине оппозиционной политической партии, нельзя считать достаточным обоснованием разумности подозрения, с которым, как предполагалось, было связано заключение его под стражу.

338. По приведенным выше причинам Европейский Суд полагает, что ни в одном из решений о первоначальном заключении заявителя под стражу и о продлении срока предварительного содержания его под стражей не содержится доказательств, которые могли бы указывать на существование четкой связи между его действиями – главным образом выступлениями на политические темы и участием в некоторых законных собраниях – и преступлениями, за которые он был заключен под стражу.

339. В настоящем деле власти государства-ответчика не показали, что доказательства, предположительно имевшиеся в распоряжении суда по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары, удовлетворяли требованиям «обоснованного подозрения», предусмотренным статьей 5 Конвенции, то есть способны были убедить объективного наблюдателя в том, что заявитель мог совершить преступления, за которые он был заключен под стражу. Речь идет не только о том, что в основе предъявленных заявителю обвинений лежали в основном факты, которые не было оснований считать уголовно наказуемыми деяниями согласно турецкому законодательству, но и о том, что они касались главным образом осуществления им своих конвенционных прав (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кавала против Турции» (*Kavala v. Turkey*), § 157).

340. Поэтому Европейский Суд приходит к выводу, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием обоснованного подозрения в совершении заявителем правонарушения.

С. Жалоба на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции

341. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что продолжительность предварительного содержания его под стражей была чрезмерной и что в судебных решениях о заключении его под стражу и о продлении срока содержания его под стражей не содержалось каких-либо мотивов, кроме простого цитирования предусмотренных законом оснований для избрания меры пресечения в виде

заклучения под стражу. К тому же эти решения были сформулированы в абстрактных, повторяющихся и формальных выражениях. В связи с этим заявитель утверждал, что по делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, который предусматривает следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом “с” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

342. Власти государства-ответчика не согласились с этим доводом.

1. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

343. Отметив наличие конкретных доказательств, дающих серьезные основания подозревать заявителя в совершении преступления, Палата Европейского Суда отметила, что существующие в отношении заявителя подозрения могли оправдывать первоначальное заключение его под стражу. Она отметила, что наличие таких доказательств является условием *sine qua non* правомерности заключения под стражу, но само по себе не является достаточным его обоснованием. Поэтому она рассмотрела вопрос о существовании в деле заявителя других уместных и достаточных оснований, которые могли бы оправдать заключение его под стражу. С учетом соображений, приведенных турецкими судами, Палата Суда установила, что судебные органы продляли срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые нельзя считать «достаточными» для того, чтобы оправдать его продолжительность, и пришла к выводу, что по делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

2. Представления сторон

(а) Доводы заявителя

344. Заявитель утверждал, что первоначальное заключение его под стражу нарушало пункт 3 статьи 5 Конвенции. Он отмечал, что в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда внутригосударственные суды должны приводить уместные и достаточные основания для заключения под стражу с момента самого первого решения об избрании данной меры пресечения. В этом отношении он отмечал, что турецкие суды рассматривали вопрос о содержании его под стражей более 60 раз и каждый раз, вплоть до 2 сентября 2019 г., продляли срок содержания его под стражей. Однако в этих решениях не содержалось каких-либо мотивов, кроме простого цитирования предусмотренных

законом оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. К тому же эти решения были сформулированы в абстрактных, повторяющихся и формальных выражениях.

345. По поводу утверждения о том, что он может скрыться, заявитель отметил, что с 11 ноября 2016 г. по 24 января 2017 г. мировые суды г. Диярбакыр рассматривали вопрос о содержании его под стражей девять раз и ни разу при этом не подкрепляли необходимость оставления его под стражей ссылкой на опасность того, что он может скрыться. Об этом основании впервые упомянул 1 марта 2017 г. (примерно через четыре месяца после того, как заявитель в первый раз был заключен под стражу) суд по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр, который счел его неявку в следственные органы достаточным указанием на опасность того, что он может скрыться. Однако заявитель утверждал, что его позиция была политической реакцией на возбуждение уголовных дел по политическим мотивам. Кроме того, турецкие суды ни разу не приняли во внимание, что он несколько раз выезжал за рубеж и всегда возвращался в родную страну, не показывая ни малейшего намерения скрыться. Поэтому его неявку в прокуратуру нельзя считать доказательством опасности того, что он может скрыться.

346. Далее заявитель утверждал, что примерно в 60 решениях о заключении его под стражу и о продлении срока предварительного содержания его под стражей практически не приводилось доводов, подтверждающих опасность фальсификации доказательств. Действительно, предъявленные ему обвинения были во многом связаны с его публичными выступлениями в качестве политического лидера. В связи с этим у него не было возможности фальсифицировать доказательства.

347. В дополнение к этому заявитель утверждал, что ни в одном из решений, вынесенных турецкими судами, не пояснялось, почему недостаточно было избрать ему меру пресечения, не связанную с заключением под стражу.

(b) Доводы властей государства-ответчика

348. Власти государства-ответчика утверждали, что турецкие суды, то есть мировые суды г. Диярбакыр, суды по тяжким уголовным преступлениям г. Диярбакыр и г. Анкары и Конституционный суд Турции, выполнили свое обязательство привести уместные и достаточные основания, оправдывающие предварительное заключение заявителя под стражу. В частности, они установили опасность того, что заявитель может скрыться. В связи с этим власти государства-ответчика отметили, что несколько депутатов от ДПН, лишенных неприкосновенности и находящихся под следствием, сбежало за рубеж. В этом отношении, а также ввиду того, что потенциально заявитель мог быть приговорен к лишению свободы (на срок от 43

до 142 лет), у турецких судов были основания прийти к выводу, что он может скрыться. Так, заявитель отказался от явки в следственные органы несмотря на повестки, направленные компетентными прокурорами. Кроме того, с самого начала следствия заявитель пытался помешать расследованию, в частности, путем отказа от дачи показаний, а также замедлить производство по уголовному делу. Далее, при продлении срока предварительного содержания заявителя под стражей турецкие суды приняли во внимание степень тяжести преступлений, в совершении которых он обвинялся.

349. Власти государства-ответчика утверждали, что предварительное содержание заявителя под стражей началось 4 ноября 2016 г., а закончилось либо 4 сентября 2018 г., когда суд первой инстанции вынес ему обвинительный приговор, либо 7 декабря 2018 г., когда он приступил к отбыванию наказания в виде лишения свободы сроком на четыре года восемь месяцев. Правомерность продления срока содержания обвиняемого под стражей нужно определять индивидуально с учетом специфики каждого конкретного дела. В случае заявителя судебные органы проявили особое тщание при ведении дела, не допускали бездействия или задержек. В частности, прокурор направил обвинительное заключение примерно через три месяца после задержания заявителя, а первое слушание состоялось 7 декабря 2017 г., через 13 месяцев после того, как заявителю была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Задержки в разбирательстве, которые привели к увеличению продолжительности лишения заявителя свободы, были вызваны передачей дела на рассмотрение другого суда по соображениям безопасности, процессуальными сложностями, связанными с соединением нескольких уголовных дел для расследования в одном производстве, ходатайствами заявителя о продлении срока представления доводов в свою защиту, его ходатайствами об отводе судей и его отказом от дачи показаний. С учетом сложности дела, в рамках которого 31 отдельное уголовное дело в отношении заявителя было объединено для расследования в одном производстве, продолжительность предварительного содержания заявителя под стражей не представляется властям государства-ответчика необоснованной в контексте большого судебного разбирательства, связанного с терроризмом.

3. Доводы должностных лиц и организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны

(а) Комиссар по правам человека

350. Комиссар по правам человека отметил, что первоначально турецкие власти, принимая решение о заключении депутатов от ДПН под стражу, ссылались на их отказ от личной явки в следствен-

ные органы. Даже после того, как их силой заставили дать показания прокурору, несколько депутатов, в том числе заявитель, были заключены под стражу. Основания, приведенные турецкими судами для того, чтобы оправдать заключение этих депутатов под стражу, нельзя считать «уместными» или «достаточными».

(b) МПС

351. МПС заявил, что, согласно практике Европейского Суда и Конституционного суда Турции, обоснованного подозрения в совершении человеком правонарушения недостаточно для того, чтобы оправдать заключение его под стражу. Требуется еще и дополнительная мотивировка по таким основаниям, как опасность того, что обвиняемый может скрыться, фальсифицировать доказательства, оказать давление в связи с судебным разбирательством или совершить еще одно правонарушение. Имея дело с депутатами, турецкие суды должны сначала испробовать меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, которые обеспечили бы участие подследственных в рассмотрении уголовного дела.

4. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

(а) По вопросу о приемлемости этой жалобы для рассмотрения по существу

352. Европейский Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу положений подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой для рассмотрения по существу ни по каким иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

(b) По существу жалобы

353. Европейский Суд ссылается на общие принципы по вопросу об основаниях для заключения под стражу согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции, сформулированные в делах «Бузаджи против Республики Молдова» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. Republic of Moldova*), §§ 87–91) и «Мерабишвили против Грузии» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*) от 28 ноября 2017 г., жалоба № 72508/13¹, §§ 222–225).

354. В настоящем деле Европейский Суд уже пришел к выводу, что в ходе содержания заявителя

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 10 (примеч. редактора).

под стражей турецкие суды ни разу не сослались на какие-либо конкретные факты или сведения, которые могли бы привести к появлению подозрения, оправдывающего заключение заявителя под стражу (см. выше §§ 338 и 339). Следовательно, обоснованное подозрение в совершении им правонарушения отсутствовало.

355. Европейский Суд напоминает, что сохраняющееся обоснованное подозрение в совершении задержанным правонарушения является условием *sine qua non* правомерности продления срока содержания его под стражей (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (Merabishvili v. Georgia), § 222, и другие постановления Европейского Суда, на которые оно ссылается). В отсутствие такого подозрения Суд полагает, что по делу было допущено нарушение еще и пункта 3 статьи 5 Конвенции.

356. В этих обстоятельствах необязательно устанавливать, сослались ли компетентные органы власти Турции на уместные и достаточные основания, оправдывающие заключение заявителя под стражу, и проявили ли они «особое тщание» при рассмотрении дела.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

357. Заявитель настаивал, что разбирательство по жалобе, которую он подал в Конституционный суд Турции, оспаривая законность предварительного содержания его под стражей, не соответствовало требованиям Конвенции, так как Конституционный суд не выполнил требования «безотлагательности». В связи с этим заявитель утверждал, что по делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, который предусматривает следующее:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

358. Власти государства-ответчика не согласились с доводами заявителя.

A. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

359. Отметив, что срок, который следует принять во внимание, составляет 13 месяцев четыре дня, Палата Европейского Суда постановила, что в обычных обстоятельствах этот срок нельзя назвать «безотлагательным», однако в конкретной ситуации, сложившейся в настоящем деле, нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции допущено не было. Делая этот вывод, она отметила, что жало-

ба, поданная заявителем в Конституционный суд Турции, была сложной и одной из первой в ряду дел, которые поднимают комплексные вопросы заключения под стражу депутата, лишённого парламентской неприкосновенности. Кроме того, Палата Суда приняла во внимание исключительную загруженность Конституционного суда после того, как в июле 2016 года в стране было введено чрезвычайное положение (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (Mehmet Hasan Altan v. Turkey), § 165, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (Şahin Alpay v. Turkey), § 137).

B. Представления сторон

1. Доводы заявителя

360. Заявитель утверждал, что разбирательство в Конституционном суде Турции, которое продолжалось 13 месяцев четыре дня, привело к нарушению права на безотлагательное рассмотрение правомерности заключения под стражу для целей применения пункта 4 статьи 5 Конвенции. Сначала он отметил, что на первый взгляд может показаться, будто в производстве Конституционного суда находится много дел, но Конституционный суд направил 72 134 жалобы в комиссию по проверке мер, принятых в связи с чрезвычайным положением, не рассмотрев их по существу. Соответственно, по состоянию на 17 ноября 2016 г., когда он обратился с жалобой, в производстве Конституционного суда находилось всего 64 630 жалоб, и эту цифру нельзя считать слишком большой.

361. Далее заявитель утверждал, что раньше, в 2013 и в 2014 году, Конституционный суд Турции рассматривал жалобы на содержание депутатов под стражей быстрее.

362. Наконец, заявитель отмечал, что Конституционный суд Турции придает срочным делам приоритетное значение, однако в его деле он не стал осуществлять безотлагательный судебный контроль, хотя оно и относилось к этой категории.

2. Доводы властей государства-ответчика

363. Власти государства-ответчика сослались на прецедентную практику Европейского Суда, согласно которой в ситуации, когда решение о первоначальном заключении под стражу было принято по результатам разбирательства, обеспечивающего надлежащие процессуальные гарантии, а правовая система страны предусматривает возможность обжалования такого решения, Европейский Суд терпимо относится к тому, что судебный контроль в суде второй инстанции и в конституционном суде занимает больше времени.

364. В настоящем деле власти государства-ответчика отмечали, что в течение 13 месяцев четырех дней, когда дело заявителя находилось на рассмотрении в Конституционном суде Турции, вопрос о предварительном содержании его под стражей рассматривался турецкими судами 23 раза. Ссылаясь на статистические данные о загруженности Конституционного суда, власти государства-ответчика заявили, что с 15 июля 2016 г., когда в Турции произошла попытка военного переворота, количество жалоб в Конституционный суд резко увеличилось. Кроме того, 24 000 жалоб из их числа имеют приоритетное значение, как и дело заявителя. К тому же поданная заявителем жалоба поднимала сложные правовые вопросы. Поэтому установить нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции невозможно, хотя срок продолжительностью в 13 месяцев четыре дня, может быть, и не кажется коротким.

С. Комиссар по правам человека

365. Комиссар по правам человека утверждал, что Конституционный суд Турции рассматривает жалобы содержащихся под стражей депутатов неоправданно долго.

D. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

1. По вопросу о приемлемости этой жалобы для рассмотрения по существу

366. В делах «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (Mehmet Hasan Altan v. Turkey), § 159) и «Шахин Алпай против Турции» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (Şahin Alpay v. Turkey), § 131) Европейский Суд уже установил, что пункт 4 статьи 5 Конвенции применим к разбирательству в Конституционном суде Турции.

367. Далее Европейский Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу положений подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. А также Суд отмечает, что она не является неприемлемой для рассмотрения по существу ни по каким иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

2. По существу жалобы

368. Вначале Европейский Суд напоминает соответствующие принципы, установленные в его прецедентной практике по поводу требования «безотлагательности», которое содержится в пункте 4 статьи 5 Конвенции. Эти требования изложе-

ны, *inter alia*, в делах «Ильнзеер против Германии» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильнзеер против Германии» (Inseher v. Germany) от 4 декабря 2018 г., жалобы №№ 10211/12 и 27505/14¹, §§ 251–256; и «Кавала против Турции» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кавала против Турции» (Kavala v. Turkey), §§ 176–184). Кроме того, Суд ссылается на выводы, к которым он пришел в делах «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (Mehmet Hasan Altan v. Turkey), §§ 161–167; и «Шахин Алпай против Турции» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (Şahin Alpay v. Turkey), §§ 133–139) по вопросу о продолжительности рассмотрения дел в Конституционном суде Турции после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г.

369. Европейский Суд ссылается на следующие выводы, сделанные в Постановлении Палаты Суда по настоящему делу:

«214. Далее [Европейский Суд] отмечает: в [делах “Мехмет Хасан Алтан против Турции” и “Шахин Алпай против Турции”] он установил, что в правовой системе Турции у любого содержащегося под стражей лица есть возможность ходатайствовать об освобождении на любой стадии производства по делу и подать жалобу, если это ходатайство было оставлено без удовлетворения. Кроме того, Суд отмечает, что вопрос об оставлении подозреваемого под стражей автоматически рассматривается через регулярные промежутки времени, не превышающие 30 дней... Поэтому Суд счел допустимым, что разбирательство в Конституционном суде Турции может занять больше времени. Однако в делах “Мехмет Хасан Алтан против Турции” и “Шахин Алпай против Турции”... сроки рассмотрения дела в Конституционном суде, которые нужно было принять во внимание, составляли 14 месяцев три дня и 16 месяцев три дня соответственно. Учитывая сложность жалоб и загруженность Конституционного суда после введения чрезвычайного положения, Суд счел это исключительной ситуацией. Соответственно, хотя в обычных обстоятельствах рассмотрение дела в Конституционном суде в течение 14 месяцев трех дней и 16 месяцев трех дней нельзя назвать “безотлагательным”, в конкретной ситуации, сложившейся в этих делах, Суд пришел к выводу, что нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции допущено не было.

215. Европейский Суд полагает, что эти выводы актуальны и в контексте настоящего дела. В связи с этим он отмечает, что жалоба, поданная заявителем в Конституционный суд Турции, была сложной и одной из первых в ряду дел, которые поднимают комплексные вопросы предварительного заключения под стражу депутата, лишённого парламентской неприкосновенности. Кроме того, Суд считает

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 1 (примеч. редактора).

необходимым принять во внимание исключительную загруженность Конституционного суда после того, как в июле 2016 года в стране было введено чрезвычайное положение... В настоящем деле Суд обращает внимание на то, что заявитель обратился в Конституционный суд с индивидуальной жалобой 17 ноября 2016 г., а окончательное постановление было вынесено этим судом 21 декабря 2017 г. Суд отмечает, что период времени, который следует принять во внимание, составляет, таким образом, 13 месяцев четыре дня.

216. С учетом сказанного выше, хотя в обычных обстоятельствах рассмотрение дела в Конституционном суде Турции в течение 13 месяцев четырех дней нельзя назвать «безотлагательным», в конкретной ситуации, сложившейся в настоящем деле, Европейский Суд полагает, что нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции допущено не было».

370. Большая Палата Европейского Суда присоединяется к рассуждениям Палаты Суда и к сделанному ею выводу. Поэтому Большая Палата Суда полагает, что по делу отсутствовало нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

371. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что предварительное содержание его под стражей нарушало статью 3 Протокола № 1 к Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти».

372. Власти государства-ответчика не согласились с этим доводом.

А. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

373. Палата Европейского Суда отметила, что заявитель, будучи депутатом, в течение одного года семи месяцев 20 дней не мог принимать участие в работе Национального собрания. Сославшись на свой вывод о нарушении пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что турецкие суды не привели достаточных оснований для продления срока предварительного содержания его под стражей, Палата Суда установила, что они уделили недостаточно внимания тому, что заявитель был не только депутатом, но и одним из лидеров оппозиционной политической партии и при осуществлении им парламентских функций ему требовалось обеспечивать высокий уровень защиты. Поэтому Палата Суда пришла к выводу, что по делу было допущено нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции.

В. Представления сторон

1. Доводы заявителя

374. Заявитель утверждал, что заключение его под стражу преследовало политические цели и нарушало статью 3 Протокола № 1 к Конвенции. Он отмечал, что право на свободные выборы не только охраняет право быть избранным в парламент, но и охватывает право заниматься политической деятельностью в качестве депутата. Однако право баллотироваться на парламентских выборах в качестве кандидата стало бы иллюзорным, если бы человека можно было произвольно лишить его в любой момент. В частности, с 4 ноября 2016 г., с момента заключения его под стражу, он не мог участвовать в работе Национального собрания из-за того, что был лишен свободы.

2. Доводы властей государства-ответчика

375. В качестве основного довода власти государства-ответчика утверждали, что заявитель не может претендовать на статус жертвы нарушения статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Эта статья гарантирует человеку право баллотироваться на выборах, а в случае избрания заседать в парламенте. В связи с этим они отмечали, что, пока заявитель был депутатом, он мог сохранять за собой статус парламентария, получал в этом качестве заработную плату и имел возможность пользоваться всеми правами депутата, которые не требовали его физического присутствия в Национальном собрании. В этом отношении власти государства-ответчика обращали внимание на то, что он мог, например, направлять письменные вопросы в Кабинет министров Турции и 17 апреля 2018 г. действительно направил туда вопрос. Таким образом, он мог продолжать выполнять важную функцию контроля за деятельностью органов исполнительной власти. То, что осуществление заявителем депутатских прав осложнилось или вообще стало невозможным, нужно считать непредумышленным следствием заключения его под стражу, а не вмешательством в осуществление им права заседать в парламенте.

376. По существу этой жалобы власти государства-ответчика отметили, что в случае, если Европейский Суд установит вмешательство в осуществление заявителем прав, предусмотренных статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, нужно прийти к выводу, что это вмешательство было оправданным. Права, закрепленные в статье 3 Протокола № 1 к Конвенции, не являются абсолютными. В частности, эта статья не запрещает преследовать депутатов в уголовном порядке и заключать их под стражу. Кроме того, власти государства-ответчика напомнили свой довод о том, что предварительное заключение заявителя под стражу не было произволом. Как раз наоборот, с 17 ноября 2016 г. по 21 декабря 2017 г. вопрос о содержании его под

стражей рассматривался в общей сложности 23 раза в рамках разбирательства, обеспечивающего должные судебные гарантии недопущения произвола. Содержание заявителя под стражей имело под собой юридические основания и преследовало правомерную цель, которая заключалась в недопущении того, чтобы заявитель скрылся. Следовательно, оно было соразмерным с учетом характера предположительно совершенных им преступлений. В связи с этим власти государства-ответчика отмечали, что турецкие суды, в том числе Конституционный суд Турции, сочли предварительное содержание заявителя под стражей необходимым, после того как уравнивали его интересы, охраняющиеся статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, с интересами надлежащего отправления правосудия. Сопоставив эти интересы, турецкие суды сделали вывод, что меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, представляются недостаточными.

С. Доводы должностных лиц и организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны

1. Комиссар по правам человека

377. Комиссар по правам человека подчеркнул ключевую роль, которую играют парламентарии в демократических государствах. Заключение под стражу депутатов от оппозиции оказало существенное негативное воздействие на право на свободные выборы, охраняющееся статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции.

2. МПС

378. МПС отметило, что заключение заявителя под стражу лишило его возможности полноценно исполнять свои обязанности депутата.

3. Неправительственные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны

379. Неправительственные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны, утверждали, что заключение под стражу депутатов от оппозиции за критику властей представляет собой необоснованное вмешательство в осуществление прав, предусмотренных статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции.

D. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

1. По вопросу о приемлемости этой жалобы для рассмотрения по существу

380. По поводу возражения властей государства-ответчика о неприемлемости жалобы для

рассмотрения по существу в связи с отсутствием у заявителя статуса жертвы нарушения Конвенции Европейский Суд полагает, что оно затрагивает вопросы, тесно связанные с рассмотрением жалобы заявителя по существу. Поэтому он обсудит этот вопрос в контексте рассмотрения дела по существу.

381. Далее Европейский Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу положений подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой для рассмотрения по существу ни по каким иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

2. По существу жалобы

(а) Общие принципы

382. Европейский Суд напоминает, что демократия является основополагающим элементом «европейского правопорядка» и что права, гарантированные статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, играют первостепенную роль в установлении и поддержании основ эффективной и настоящей демократии, основанной на принципе верховенства права (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary), § 141; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мюжеманганго против Бельгии» (Mugemangango v. Belgium) от 10 июля 2020 г., жалоба № 310/15¹, § 67).

383. Ранее в делах «Матьё-Моэн и Клерфайт против Бельгии» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Матьё-Моэн и Клерфайт против Бельгии» (Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium) от 2 марта 1987 г., § 47, Series A, № 113); и «Лингенс против Австрии» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии» (Lingens v. Austria) от 8 июля 1986 г., §§ 41 и 42, Series A, № 103) Европейский Суд пришел к выводу, что свободные выборы и свобода выражения мнения, в частности свободное обсуждение политических вопросов, составляют основу любой демократии (см. также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тэнасе против Республики Молдова» (Tănase v. Moldova), § 154). Таким образом, Конвенция устанавливает тесную связь между эффективной политической демократией и эффективной работой парламента. Соответственно, эффективное функционирование парламента, вне всякого сомнения, является ценностью, имеющей ключевое значение для демократического общества (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 13 (примеч. редактора).

Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary), § 141).

384. В делах, касающихся свободы выражения мнения, Европейский Суд отмечал:

«Свобода выражения мнения важна для каждого, но особенно она важна для избранного представителя народа. Он представляет своих избирателей, привлекает внимание к их потребностям и защищает их интересы. Соответственно, вмешательство в осуществление свободы выражения мнения депутатом от оппозиции... требует самого пристального контроля со стороны Европейского Суда» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кастеллс против Испании» (Castells v. Spain), § 42).

Как Европейский Суд уже отмечал (см. выше § 243), впоследствии он много раз подтверждал эти принципы. Несмотря на то что свобода выражения мнения представителей народа не имеет абсолютного характера, защита сделанных ими заявлений имеет особую важность, особенно если они находятся в оппозиции. В связи с этим, однако, Суд допускает существование ограничений, направленных, в частности, на предотвращение прямых или косвенных призывов к насилию. При этом Суд всегда будет осуществлять строгий контроль, чтобы удостовериться в обеспечении свободы выражения мнения.

385. Статья 3 Протокола № 1 к Конвенции отличается от других статей Конвенции и Протоколов к ней, которые гарантируют права человека, так как она закрепляет не какое-то конкретное право или свободу, а обязательство Высоких Договаривающихся Сторон проводить выборы в условиях, обеспечивающих свободное волеизъявление народа. Тем не менее, приняв во внимание подготовительные материалы по статье 3 Протокола № 1 к Конвенции и особенности ее толкования в контексте Конвенции в целом, Европейский Суд установил, что эта статья гарантирует и субъективные права, в том числе право избирать и право баллотироваться на выборах (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (Ždanoka v. Latvia), жалоба № 58278/00, § 102, ECHR 2006-IV).

386. Европейский Суд подтверждает, что объект и цель Конвенции требуют толковать и применять ее положения таким образом, чтобы их требования были не теоретическими или иллюзорными, а практически осуществимыми и эффективными (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Гросару против Румынии» (Grosaru v. Romania), жалоба № 78039/01¹, § 47, ECHR 2010, и другие постановления Европейского Суда, на которые оно ссылается). Однако права, гарантированные статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, которые неотделимы от идеи истинно демократиче-

ского государства, стали бы просто иллюзорными, если бы избранных представителей или их избирателей можно было произвольно лишить их в любой момент (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ликуресос против Греции» (Lykourazos v. Greece), § 56). Далее Суд напоминает, что, как он последовательно отмечал, статья 3 Протокола № 1 к Конвенции гарантирует человеку право баллотироваться на выборах, а в случае избрания – право участвовать в работе парламента (см. Постановление Европейского Суда по делу «Садак и другие против Турции (№ 2)» (Sadak and Others v. Turkey (no. 2)), жалоба № 25144/94 и еще восемь жалоб, § 33, ECHR 2002-I; Постановление Европейского Суда по делу «Ильджак против Турции» (İlıcak v. Turkey) от 5 апреля 2007 г., жалоба № 15394/02, § 30; Постановление Европейского Суда по делу «Сылай против Турции» (Sılay v. Turkey) от 29 ноября 2007 г., жалоба № 26733/02, § 27; Постановление Европейского Суда по делу «Кавакчы против Турции» (Kavakçı v. Turkey) от 5 апреля 2007 г., жалоба № 71907/01, § 41; Постановление Европейского Суда по делу «Собаджы против Турции» (Sobacı v. Turkey) от 29 ноября 2007 г., жалоба № 26733/02, § 26; и Постановление Европейского Суда по делу «Риза и другие против Болгарии» (Rıza and Others v. Bulgaria) от 13 октября 2015 г., жалобы №№ 48555/10 и 48377/10, § 141). В связи с этим Суд отмечает, что ключевую роль в обеспечении данной гарантии играет принцип парламентской неприкосновенности, который признается в большинстве государств-участников, в том числе и в Турции.

387. Далее Европейский Суд напоминает, что права, закрепленные в статье 3 Протокола № 1 к Конвенции, не являются абсолютными (см. Постановление Европейского Суда по делу «Эчеберрия и другие против Испании» (Etcheberria and Others v. Spain) от 30 июня 2009 г., жалоба № 35579/03 и еще три жалобы, § 48). Здесь возможны «подразумеваемые ограничения», и в этой сфере государства-участники пользуются широкой свободой усмотрения (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Матьё-Моэн и Клерфайт против Бельгии» (Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium), § 52; Постановление Европейского Суда по делу «Подколзина против Латвии» (Podkolzina v. Latvia), жалоба № 46726/99, § 33, ECHR 2002-II; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Садак и другие против Турции (№ 2)», § 31; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кавакчы против Турции» (Kavakçı v. Turkey), § 40). Однако окончательное решение по вопросу о том, были ли соблюдены требования статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции или нет, принимает Европейский Суд. Он должен удостовериться, что ограничения, связанные с осуществлением

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 11 (примеч. редактора).

прав, предусмотренных статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, не затрагивают эти права настолько, чтобы посягать на самую их суть и лишить их эффективности, что они вводятся для достижения правомерной цели и что использованные средства ее достижения не были несоразмерными (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Матьё-Моэн и Клерфайт против Бельгии» (*Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium*), § 52).

388. Понятие «подразумеваемые ограничения» означает, что традиционные критерии «необходимости» или «настоятельной общественной потребности», которыми пользуется Европейский Суд при рассмотрении жалоб на нарушения статей 8–11 Конвенции, в делах, касающихся статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции, не применяются. Вместо этого Суд сначала определяет, имеются ли признаки произвольного обращения или отсутствия соразмерности. Далее он устанавливает, повлияло ли ограничение на свободу волеизъявления народа (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Матьё-Моэн и Клерфайт против Бельгии» (*Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium*), § 52; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (*Ždanoka v. Latvia*), § 115).

389. Если говорить о лишении свободы депутатов, у Европейского Суда еще не было возможности рассмотреть жалобу на нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции в связи с тем, что предварительное содержание избранного депутата под стражей повлияло на осуществление им парламентских функций. В этом отношении статья 3 Протокола № 1 к Конвенции не запрещает избирать депутату или кандидату в депутаты на парламентских выборах меру пресечения, связанную с лишением свободы. Другими словами, избрание такой меры пресечения не приводит автоматически к нарушению этой статьи. Тем не менее с учетом того, какое значение имеет право на свободу и личную неприкосновенность депутата в демократическом обществе, внутригосударственные суды при осуществлении своих дискреционных полномочий должны показать, что, принимая решение о первоначальном заключении такого человека под стражу и (или) о продлении срока предварительного содержания его под стражей, они уравнивали соответствующие интересы, в частности интересы этого человека, охраняющиеся статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, и интерес общества в лишении этого человека свободы, когда оно требуется в рамках производства по уголовному делу. При сопоставлении этих интересов важно, имеют ли предъявленные обвинения политическую подоплеку (см. Постановление Европейского Суда по делу «Успаских против Литвы» (*Uspaskich v. Lithuania*) от 20 декабря 2016 г., жалоба № 14737/08, § 94). В таких случаях

задача Суда заключается в том, чтобы проверить решения внутригосударственных судов на предмет их соответствия требованиям Конвенции, не ставя себя на место компетентных органов власти государства-ответчика.

(b) Применение изложенных выше принципов в настоящем деле

390. Заявитель по настоящему делу считает заключение его под стражу политической мерой, которая на самом деле была направлена на то, чтобы лишить его возможности участвовать в работе парламента. С учетом того, как повлияло содержание его под стражей на эффективное осуществление им парламентских функций, Европейский Суд должен сначала определить, имело ли место вмешательство в осуществление заявителем прав, предусмотренных статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции.

391. В связи с этим Европейский Суд не может согласиться с доводом властей государства-ответчика, которые утверждали, что жалобу на нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции нужно признать неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с отсутствием у заявителя статуса жертвы нарушения Конвенции. Как отметила Палата Суда, право на свободные выборы не сводится просто к возможности принимать участие в парламентских выборах; помимо этого, в случае избрания человек вправе участвовать в работе парламента. В настоящем деле заявитель с 4 ноября 2016 г. по 24 июня 2018 г. не мог участвовать в заседаниях Национального собрания из-за того, что он содержался под стражей. Другими словами, ему не давали принимать участие в деятельности парламента в течение одного года семи месяцев 20 дней. Несмотря на то что он сохранил за собой место депутата и мог задавать вопросы в письменном виде, Суд согласен с тем, что предварительное содержание заявителя под стражей представляет собой вмешательство в осуществление им прав, предусмотренных статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции. Поэтому Суд отклоняет возражение властей государства-ответчика.

392. Европейский Суд напоминает, что права, предусмотренные статьей 10 Конвенции и статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, являются взаимосвязанными и усиливают друг друга (см. Постановление Европейского Суда по делу «Боуман против Соединенного Королевства» (*Bowman v. United Kingdom*) от 19 февраля 1998 г., § 42, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I). Эта взаимозависимость проявляется особенно ярко, когда речь идет об избранных демократическим путем представителях, которые содержатся под стражей за выражение своих политических взглядов. Депутаты представляют своих избирателей, а значит, их свобода выражения мнения требует повы-

шенной защиты. С учетом того, какое значение он придает свободе выражения мнения депутатов, особенно депутатов от оппозиционных политических партий, согласно требованиям плюрализма, толерантности и благожелательного отношения к самым разным суждениям и взглядам, Суд полагает, что в случаях, когда содержание депутата под стражей нельзя считать совместимым с требованиями статьи 10 Конвенции, оно нарушает еще и статью 3 Протокола № 1 к Конвенции.

393. Кроме того, Европейский Суд приходил к выводу, что заключение человека под стражу представляет собой настолько серьезное вмешательство в осуществление основных прав, что оно является оправданным лишь в том случае, если рассматривались другие, менее суровые меры и они были признаны недостаточными для защиты частного или публичного интереса, который может требовать содержания человека под стражей (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (Stanev v. Bulgaria), жалоба № 36760/06¹, § 143, ECHR 2012). Действительно, предварительное содержание под стражей – это временная мера, и продолжительность ее применения должна быть минимальной. Эти соображения *a fortiori* относятся и к содержанию под стражей депутата. В демократическом государстве парламент – это важнейшее место обсуждения политических вопросов, которое опосредует осуществление парламентских функций (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кордова против Италии (№ 1)» (Cordova v. Italy (no. 1)), § 59). В течение срока своих полномочий депутаты представляют свой электорат, привлекают внимание к его потребностям и защищают их интересы.

394. В настоящем деле Европейский Суд ссылается на свои сделанные выше выводы о нарушении статьи 10 Конвенции и пункта 1 статьи 5 Конвенции. Рассматривая дело с точки зрения статьи 10 Конвенции, он уже установил, что вмешательство в осуществление заявителем свободы выражения мнения в виде заключения его под стражу за выражение политических взглядов не было «предусмотрено законом», поскольку не соответствовало требованию предсказуемости. В частности, как выяснил Европейский Суд, турецкие суды не выяснили, подпадают ли спорные выступления под защиту в силу принципа освобождения заявителя от ответственности как депутата, закрепленного в части первой статьи 83 Конституции Турции. Кроме того, Суд не усмотрел в деле обоснованного подозрения заявителя в совершении правонарушения, наличия которого требует пункт 1 статьи 5 Конвенции. Эти выводы остаются актуаль-

ными и для целей применения статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Действительно, Суд напоминает, что парламентская неприкосновенность – это привилегия, которой наделяются не отдельные депутаты, а парламент как институт в целях обеспечения его беспрепятственного функционирования (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карт против Турции» (Kart v. Turkey), § 53). В этом отношении, если государство предусматривает парламентский иммунитет от уголовного преследования и от лишения свободы, суды обязаны сначала убедиться в том, что депутат не вправе пользоваться парламентской неприкосновенностью в связи с действиями, в которых он обвиняется. Однако в настоящем деле, несмотря на то что заявитель просил суд по тяжким уголовным преступлениям установить, охраняются ли спорные выступления частью первой статьи 83 Конституции Турции, турецкие суды не стали рассматривать этот вопрос, не выполнив тем самым своих процессуальных обязательств по статье 3 Протокола № 1 к Конвенции (см. выше §§ 70, 77, 80 и 91).

395. Кроме того, когда депутата лишают свободы, от судебных органов, избравших ему эту меру пресечения, требуется показать, что они уравнили противоречащие друг другу интересы. При этом они обязаны защищать свободу выражения этим депутатом политических взглядов. В частности, они должны гарантировать, что предполагаемое правонарушение не связано напрямую с его политической деятельностью. В связи с этим правовые системы государств-участников должны обеспечивать средство правовой защиты, посредством которого заключенный под стражу депутат может эффективно обжаловать избрание этой меры и добиться рассмотрения своих жалоб по существу. В настоящем деле, однако, власти государства-ответчика не смогли показать, что турецкие суды, в компетенцию которых входило рассмотрение вопроса о содержании заявителя под стражей, принимая решения по данному вопросу, уравнили эти интересы с точки зрения статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Европейский Суд отмечает, что Конституционный суд Турции не рассмотрел вопрос о том, были ли преступления, в совершении которых обвинялся заявитель, непосредственно связаны с его политической деятельностью. В постановлении от 21 декабря 2017 г. он отклонил жалобу заявителя на то, что ввиду наличия у него статуса депутата заключение его под стражу нарушило его право на свободные выборы, признав эту жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу. В недавно вынесенном постановлении от 9 июня 2020 г. он установил, что нижестоящие суды не рассмотрели утверждений заявителя о неправомерности оставления его под стражей с учетом наличия у него статуса депутата, сопредседателя политической партии и кандидата на президент-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 6 (примеч. редактора).

ских выборах. С точки зрения Конституционного суда, этот вывод имел отношение только к жалобе заявителя на чрезмерную продолжительность предварительного содержания его под стражей. Европейский Суд приходит к выводу, что судебные органы не приняли эффективно во внимание, что заявитель не только депутат, но и один из лидеров политической оппозиции в Турции и осуществление им парламентских функций требует высокого уровня защиты.

396. Далее, как указано в особом мнении судьи Конституционного суда Турции, оставшегося в меньшинстве, которое прилагается к постановлению от 21 декабря 2017 г., суды первой инстанции не пояснили, почему в конкретных обстоятельствах дела заявителя избрания ему меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, было бы недостаточно. Кроме того, власти государства-ответчика не смогли показать, что турецкие суды действительно рассмотрели вопрос о применении предусмотренных законодательством Турции мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. В действительности турецкие суды систематически приходили к выводу о том, что эти меры являются недостаточными, не приводя при этом каких-либо конкретных оснований, учитывающих особенности дела заявителя.

397. С учетом всех изложенных выше соображений Европейский Суд приходит к выводу: несмотря на то что в течение всего срока своих полномочий заявитель сохранял за собой статус депутата, фактическое отсутствие у него возможности принимать участие в работе Национального собрания в связи с предварительным содержанием его под стражей представляет собой необоснованное вмешательство в свободное волеизъявление народа и в осуществление им самим права быть избранным и заседать в парламенте. Поэтому Суд считает, что заключение заявителя под стражу было несовместимо с самой сутью его права быть избранным и заседать в парламенте, предусмотренного статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции.

398. Следовательно, по делу было допущено нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

399. Ссылаясь на статью 18 Конвенции, заявитель утверждал, что он содержался под стражей за критические высказывания в адрес политических властей. В связи с этим он отмечал, что цель предварительного содержания его под стражей заключалась в том, чтобы заставить его замолчать.

400. Власти государства-ответчика не согласились с доводом заявителя. Они утверждали, что статья 18 Конвенции не играет самостоятельной роли и может применяться только во взаимосвязи с другими положениями Конвенции. По их мнению,

жалобу заявителя нужно рассматривать только с точки зрения пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции.

401. Европейский Суд отмечает: в этом отношении заявитель утверждал, что предварительное содержание его под стражей преследовало скрытую цель заставить его замолчать в связи с ролью, которую он играет в политической жизни Турции. Он считает это основополагающим аспектом дела, суть которого не обсуждалась при рассмотрении различных его жалоб, о которых говорилось выше (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации», § 164; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кавала против Турции» (Kavala v. Turkey), § 198). Поэтому Суд рассмотрит этот аспект отдельно.

402. Власти государства-ответчика не были официально уведомлены о жалобе заявителя на нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи со статьей 10 Конвенции, и, следовательно, перед сторонами не ставилось в связи с этим конкретных вопросов. Поэтому Европейский Суд полагает, что жалобу заявителя на нарушение статьи 18 Конвенции можно рассматривать только во взаимосвязи со статьей 5 Конвенции, поскольку коммуницирована была именно эта жалоба. Статья 18 Конвенции предусматривает следующее:

«Ограничения, допускаемые в... Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

A. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

403. С учетом своего вывода о том, что предварительное содержание заявителя под стражей на всех этапах соответствовало требованиям подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Палата Европейского Суда рассмотрела вопрос, подтверждают ли представленные ей доказательства вне всякого разумного сомнения, что основная цель оставления заявителя под стражей заключалась в том, чтобы убрать его с политической сцены. Для этого Палата Суда сослалась на свои рассуждения относительно пункта 3 статьи 5 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции, а также на социально-политический контекст событий, происходивших в Турции в последние годы, о которых рассказали стороны, должностные лица и организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны. По результатам этого контекстуального анализа она пришла к выводу, что оставление заявителя под стражей преследовало и политические цели. При этом она приняла во внимание, в частности, роль заявителя в политической жизни страны, напряженную политическую ситуацию в Турции, выступления, направленные против

заявителя и его политической партии, в том числе выступления президента Турции, период содержания заявителя под стражей (совпадающий по времени с важным конституционным референдумом и с президентскими выборами) и предполагаемое возникновение системной тенденции «затыкать рот» несогласным. Далее Палата Суда установила, что эта политическая цель имела преобладающее значение. Палата Суда рассуждала следующим образом:

«270. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что производство по нескольким возбужденным в отношении заявителя уголовным делам продолжается уже не первый год, но до конца “процесса урегулирования” не было принято значимых мер для того, чтобы начать процедуру лишения заявителя парламентской неприкосновенности. В связи с этим Суд обращает внимание: несмотря на то что расследование в отношении заявителя не было начато в ответ на выступления президента Турции, оно как минимум ускорилось после этих выступлений, в которых президент Турции заявил, что “депутатам от этой партии [ДПН] придется за это расплачиваться”... 16 марта 2016 г. президент обвинил депутатов от ДПН, включая заявителя, в том, что они допустили гибель 52 человек.

271. Таким образом, хотя Европейский Суд и не может согласиться с доводом заявителя о том, что все правовые механизмы государства-ответчика с самого начала использовались ненадлежащим образом и что всё это время судебные органы действовали недобросовестно, грубо пренебрегая требованиями Конвенции... из докладов и заключений международных наблюдателей, в частности из замечаний Комиссара по правам человека, следует, что из-за напряженной политической обстановки в Турции в последние годы сложились условия, способные повлиять на определенные решения турецких судов, особенно во время чрезвычайного положения. В этой ситуации эксперты сходятся во мнении, что судебные органы слишком сурово отреагировали на поступки заявителя, если учесть, что он является одним из лидеров оппозиции, равно как на поступки других депутатов и избранных мэров от ДПН, а также на выражение оппозиционных взглядов вообще. В связи с этим Суд отмечает, что власти государства-ответчика не выдвинули серьезных доводов, способных убедить его в том, что эти утверждения, возможно, являются необоснованными.

272. Кроме того, Европейский Суд напоминает: с учетом того, что Конвенция направлена на сохранение и развитие идеалов и ценностей демократического общества, руководствующегося принципом верховенства права, он, для того чтобы определить, какая цель имеет преобладающее значение в том или ином случае, должен принимать во внимание еще и такие факторы, как характер и степень предосудительности предполагаемой скрытой цели... В связи с этим Суд отмечает, что заявитель не считает себя единственной жертвой нарушения. По его утверждениям, его держали под стражей в основном потому, что он является одним из лидеров политической оппозиции. По мнению Суда, в такой ситуации мож-

но сказать, что опасность угрожала не только правам и свободам заявителя как частного лица, но и всему демократическому правопорядку. Суд полагает, что такого рода скрытая цель, несомненно, представляет серьезную проблему для демократии.

273. Принимая во внимание сказанное выше и, в частности, то, что власти Турции неоднократно продляли срок содержания заявителя под стражей по недостаточно убедительным основаниям, ограничиваясь просто формальным перечислением предусмотренных законом оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, Европейский Суд считает установленным вне всякого разумного сомнения, что продление срока содержания заявителя под стражей, особенно в период проведения двух важнейших кампаний – перед референдумом и перед президентскими выборами, преследовало преобладающую скрытую цель подавить плюрализм и ограничить свободу обсуждения политических вопросов, которая составляет самую суть понятия демократического общества...».

В. Представления сторон

1. Доводы заявителя

404. Заявитель утверждал, что первоначальное заключение его под стражу и продление срока предварительного содержания его под стражей в связи с политическими взглядами, которые он выражал в качестве депутата и сопредседателя второй по величине оппозиционной политической партии Турции, преследовали скрытую цель наказать его и заставить замолчать. По его мнению, на самом деле его заключили под стражу в связи с тем, что он жестко критиковал политику правительства и президента Турции. В связи с этим на митинге, состоявшемся 7 марта 2015 г., за несколько месяцев до выборов 7 июня 2015 г., президент Турции заявил: «[Д]айте мне 400 депутатов, и все проблемы будут решены мирным путем». Заявитель воспринял это высказывание как призыв президента к изменению конституционного строя страны. В ответ заявитель 18 марта 2015 г. выступил на заседании парламентской фракции своей политической партии с короткой речью, в которой отметил: «Уважаемый Реджеп Тайип Эрдоган, мы не станем избирать вас президентом, мы не станем избирать вас президентом, мы не станем избирать вас президентом». По утверждениям заявителя, эта речь быстро разошлась на цитаты и повлияла на общий политический климат в преддверии выборов в июне 2015 года, стала ключевым лозунгом ДПН и поставила партию и его самого в прямую оппозицию президенту. В этом отношении заявитель отмечал, что репрессии в отношении членов его партии стали заметнее, в частности, после того, как он заявил, что он никогда не поддержит президентскую республику, во главе которой стоит Р.Т. Эрдоган.

405. Далее заявитель отмечал, что многие существенные реформы, в частности переход от парламентской республики к президентской, были проведены, когда он сам – сопредседатель второй по величине оппозиционной политической партии, представленной в Национальном собрании, – содержался под стражей в связи со своими политическими высказываниями. По мнению заявителя, содержание его под стражей преследовало еще и цель не дать ему заниматься политической деятельностью, чтобы он не смог вести кампанию против установления нового конституционного строя.

406. Заявитель утверждал, что после лишения парламентской неприкосновенности компетентные органы прокуратуры возбудили уголовные дела в отношении 55 из 59 депутатов от ДПН. Кроме того, 4 ноября 2016 г. несколько депутатов от его политической партии было задержано в разных городах, и все они были заключены под стражу в отделениях полиции. Кроме того, в настоящее время ведется расследование по нескольким возбужденным в отношении него уголовным делам, причем все эти дела связаны с его политической деятельностью. Однако в отношении депутатов от ПСР и ПНД не возбудили ни одного уголовного дела, хотя они тоже были лишены парламентской неприкосновенности. По окончании «процесса урегулирования» уголовные дела, которые, по мнению заявителя, имели политический характер, стали возбуждаться все чаще. В связи с этим заявитель отмечал, что с 2007 по 2014 год в отношении него было возбуждено 48 уголовных дел, а с 2014 года до лишения его парламентской неприкосновенности в отношении него возбудили еще 48 уголовных дел. Количество этих дел нужно рассматривать с учетом того, сколько дел было возбуждено в отношении других депутатов от его политической партии. В связи с этим, согласно статистическим данным, предоставленным Министерством юстиции Турции, по состоянию на 15 декабря 2015 г. в парламент поступило в общей сложности 330 отчетов о расследовании, в том числе 182 отчета, касающихся депутатов от ДПН. После выступления президента Турции 2 января 2016 г. (см. выше § 49) количество поступивших в Национальное собрание отчетов о расследовании в отношении депутатов от ДПН увеличилось почти в три раза, в результате чего по состоянию на 20 мая 2016 г., когда была принята конституционная поправка, в парламенте находилось 510 отчетов о расследовании, касающихся депутатов от ДПН. Таким образом, после выступлений президента, открыто направленных против депутатов от ДПН, которых тот назвал пособниками террористов, количество возбужденных уголовных дел увеличилось.

407. Заявитель утверждал, что все решения о первоначальном заключении его под стражу и о продлении срока предварительного содержания

его под стражей преследовали скрытую цель. Даже решение от 2 сентября 2019 г. об освобождении его из-под стражи нужно считать политическим, поскольку оно было вынесено всего за несколько дней до заседания Европейского Суда по настоящему делу 18 сентября 2019 г. Аналогичным образом, в связи с этим заявитель отмечал, что 21 сентября 2019 г., через день после повторного заключения его под стражу, президент Турции заявил в своем выступлении, что сопредседателей ДПН нельзя отпускать на свободу. Это явно показывает, что власти распорядились заключить заявителя под стражу для того, чтобы убрать его с политической сцены.

2. Доводы властей государства-ответчика

408. Власти государства-ответчика напомнили свою позицию, согласно которой отдельно рассматривать жалобу заявителя на нарушение статьи 18 Конвенции нет необходимости. В связи с этим они отмечали, что во многих случаях, когда в отношении какой-то статьи Конвенции стороны выдвигали те же доводы, что и те, которые рассматривались с точки зрения другой статьи Конвенции, Европейский Суд считал необязательным отдельно рассматривать вторую жалобу.

409. Согласно представлениям властей государства-ответчика, хотя предварительное содержание заявителя под стражей имело место на фоне неприязненных политических отношений между ДПН и правящей партией, его утверждения нельзя считать достаточным доказательством того, что оставление его под стражей преследовало цель лишить его возможности принимать участие в политической жизни страны, а не обеспечить нормальный ход расследования по возбужденному в отношении него уголовному делу.

410. Власти государства-ответчика напомнили свой довод о том, что жалобу на нарушение статьи 5 Конвенции следует признать неприемлемой для рассмотрения по существу. Однако они отметили, что в случае, если она будет признана приемлемой для рассмотрения по существу, в настоящем деле нужно прийти к выводу об отсутствии нарушения статьи 18 Конвенции. В связи с этим они утверждали, что конвенционная система защиты основных прав и свобод исходит из презумпции добросовестности властей Высоких Договаривающихся Сторон и что планка, по достижении которой может произойти нарушение статьи 18 Конвенции, очень высока. Заявитель был заключен под стражу в рамках расследования по уголовному делу, возбужденному в контексте борьбы с терроризмом, и содержание его под стражей было направлено исключительно на обеспечение нормального хода расследования по возбужденному в отношении него уголовному делу и не преследовало какой-то другой преобладающей скрытой цели. Соответственно,

продляя срок содержания заявителя под стражей, турецкие суды не ставили перед собой задачи подовать плюрализм и ограничить свободу обсуждения политических вопросов. В связи с этим власти государства-ответчика подчеркивали, что Конвенция не гарантирует права не подвергаться уголовному преследованию.

411. Власти государства-ответчика отмечали, что, по мнению Палаты Европейского Суда, с учетом роли, которую играет заявитель в политической жизни Турции, напряженной политической обстановки в стране с 2014 года и выступлений его политических оппонентов, в том числе президента Турции, у объективного наблюдателя вполне могли возникнуть подозрения, что заключение его под стражу имело политическую подоплеку. Отметив, что, как указала Палата Суда, она придает политической обстановке в стране «существенное значение», хотя само по себе это и не является достаточным доказательством, власти государства-ответчика утверждали, что на самом деле Палата Суда исходила исключительно из политической ситуации. Подход Палаты Суда несовместим с принципами, сформулированными в деле «Мерабишвили против Грузии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*)), в котором Суд установил, что «факторы, вытекающие из более широкого политического контекста, в котором в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело, не являются в этом отношении достаточным доказательством».

412. По мнению властей государства-ответчика, хотя возбуждение уголовного дела в отношении ряда депутатов от ДПН в ноябре 2016 года, возможно, и указывало на цель заставить лидеров этой партии замолчать, расследование может отражать еще и намерение отдать под суд депутатов, предположительно связанных с террористической организацией, которых ранее нельзя было привлечь к ответственности, так как они пользовались парламентской неприкосновенностью. Вопреки утверждениям заявителя, власти государства-ответчика отмечали, что после лишения парламентской неприкосновенности уголовному преследованию подверглись не только депутаты от ДПН, но и пять депутатов от ПСР, девять депутатов от НРП и один депутат от ПНД.

413. Власти государства-ответчика ссылались на позицию Палаты Европейского Суда, по мнению которой одно лишь то, что политиков подвергают уголовному преследованию или заключают их под стражу, даже если это происходит во время предвыборной кампании или конституционного референдума, не указывает автоматически на то, что при этом преследовалась цель ограничить обсуждение политических вопросов. Вполне естественно, что у заявителя могли возникнуть подозрения по поводу действительных причин оставления его под

стражей с учетом его роли в политической жизни страны. Однако этих подозрений недостаточно для того, чтобы Суд постановил, что все судебные механизмы с самого начала использовались ненадлежащим образом и что турецкие суды постоянно действовали недобросовестно, грубо пренебрегая требованиями Конвенции. Это также относится к заявлениям президента Турции и лидеров правящей партии в отношении заявителя. Эти заявления нельзя считать доказательством существования скрытой цели, лежащей в основе судебного решения, если не установлено, что суды не пользовались достаточной независимостью от органов исполнительной власти. Однако в настоящем деле не было представлено доказательств, способных подтвердить такого рода утверждения. Не подтверждаются они и Постановлением Палаты Суда по настоящему делу, в котором просто говорится, что из-за напряженной политической обстановки в Турции в последние годы сложились условия, способные повлиять на турецкие суды. Кроме того, власти государства-ответчика не согласны с выводом Палаты Суда по этому вопросу. По их мнению, утверждение о том, что судебные органы отреагировали на поступки заявителя слишком сурово, едва ли можно назвать обоснованным. Напротив, в ноябре 2017 года и в январе 2018 года заявителю были вынесены оправдательные приговоры по трем уголовным делам, возбужденным в отношении него за разжигание ненависти и вражды в связи с оскорблениями правительства, президента и министра внутренних дел. Кроме того, решением от 11 июля 2018 г. суд в г. Диярбакыр присудил заявителю компенсацию согласно статье 141 УПК Турции, придя к выводу, что суды не рассмотрели по собственной инициативе вопрос о законности содержания его под стражей с 31 июля по 3 октября 2017 г. Кроме того, из 15 депутатов от ДПН, которые были заключены под стражу в ноябре 2016 года, остаются в заключении лишь восемь человек.

414. Далее власти государства-ответчика отмечали, что девять разных органов прокуратуры составили в отношении заявителя 93 отчета о расследовании, которые были направлены в Национальное собрание для лишения его парламентской неприкосновенности. Больше половины этих отчетов было передано в парламент до того, как лидеры правящей партии якобы начали нападать в своих выступлениях на своих политических оппонентов в июле 2015 года. Кроме того, большая часть расследований проводилась прокурорами, которые после попытки государственного переворота 15 июля 2016 г. были уволены по подозрению в принадлежности к террористической организации, членстве в такой организации или связях с ней.

415. Власти государства-ответчика оспаривали довод заявителя о том, что в основе решения

о повторном заключении его под стражу 20 сентября 2019 г. лежали события, ставшие поводом для уголовного преследования, о котором идет речь в настоящем деле, уточняя, что во второй раз заявитель был лишен свободы в связи с другими преступлениями. По их мнению, предмет расследования, которое началось 11 сентября 2017 г., был шире предмета расследования, в рамках которого заявителя заключили под стражу 20 сентября 2019 г. В связи с этим власти государства-ответчика отмечали, что уголовное преследование, являющееся предметом настоящей жалобы, касается не только событий 6–8 октября 2014 г., но и действий и происшествий, о которых говорится в нескольких других отчетах о расследовании.

416. Далее власти государства-ответчика отмечали: и Конституционный суд Турции, и Палата Европейского Суда пришли к выводу, что заявитель, можно сказать, был задержан и заключен под стражу по «обоснованному подозрению» в совершении преступления. По их мнению, по делу не было допущено процессуальных нарушений, а суды не применяли положений закона произвольно.

417. Соответственно, власти государства-ответчика утверждали: всех этих факторов недостаточно для подтверждения того, что положение заявителя превысило высокий пороговый уровень, необходимый для применения статьи 18 Конвенции.

С. Доводы должностных лиц и организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны

1. Комиссар по правам человека

418. Ссылаясь на выводы ряда международных органов, в том числе Венецианской комиссии, Комиссар по правам человека утверждал, что защита права на свободу выражения мнения в настоящее время осложняется явным ослаблением независимости и беспристрастности судебной власти в Турции. В связи с этим он отмечал, что во многих случаях уголовное преследование привело к неоправданным ограничениям свободы выражения мнения и права на свободу и личную неприкосновенность не только депутатов, но и мэров, ученых, журналистов и правозащитников, критикующих политику властей, в частности в связи с ситуацией на юго-востоке Турции. Законы и уголовное преследование используются сейчас для того, чтобы заставить замолчать несогласных.

2. Неправительственные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны

419. Неправительственные организации, вступившие в производство по делу в качестве третьей стороны, утверждали, что после попытки военного

переворота 15 июля 2016 г. власти воспользовались возникшими из-за нее правомерными опасениями для того, чтобы удвоить и без того активные посягательства на права человека и, в частности, для того, чтобы заключить несогласных под стражу.

Д. Позиция Большой Палаты Европейского Суда

1. Приемлемость жалобы для рассмотрения по существу

420. Европейский Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу положений подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой для рассмотрения по существу ни по каким иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой для рассмотрения по существу.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

421. Общие принципы, касающиеся толкования и применения статьи 18 Конвенции, были сформулированы в деле «Мерабишвили против Грузии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*), § 287–317) и впоследствии подтверждены в деле «Навальный против Российской Федерации» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации» (*Navalnyy v. Russia*), §§ 164–165). Европейский Суд полагает, что особое значение для целей рассмотрения им настоящей жалобы имеет следующий фрагмент Постановления по делу «Мерабишвили против Грузии»:

«287. Как и статья 14 Конвенции, статья 18 Конвенции не играет самостоятельной роли... Она может применяться только во взаимосвязи с той статьей Конвенции или Протоколов к ней, где устанавливаются права и свободы, которые Высокие Договаривающиеся Стороны обязались обеспечивать тем, кто находится под их юрисдикцией, или определяются условия, при которых эти права и свободы могут быть ограничены... Данное правило вытекает, с одной стороны, из формулировки статьи 18 Конвенции, которая дополняет такие положения, как, например, второе предложение пункта 1 статьи 5 Конвенции и пункты 2 статей 8–11 Конвенции, допускающие ограничение этих прав и свобод, а с другой стороны, из того, что оно располагается в конце раздела I Конвенции, где содержатся статьи, устанавливающие эти права и свободы и определяющие условия, при которых они могут быть ограничены.

288. Однако статья 18 Конвенции не предназначена только для того, чтобы уточнить сферу применения этих ограничительных норм. Она прямо запрещает Высоким Договаривающимся Сторонам ограничивать права и свободы, закрепленные в Конвенции, в целях, не предусмотренных самой Конвенцией, и в этом смысле она является автономной... Поэтому, как и статья 14 Конвенции, она может быть нарушена даже при отсутствии нарушения статьи, во взаимосвязи с которой она применяется...

/.../

290. Далее, из формулировки статьи 18 Конвенции следует, что нарушение может иметь место только в том случае, если Конвенция допускает ограничение соответствующего права или свободы.

291. Один лишь тот факт, что ограничение охраняемого Конвенцией права или свободы не отвечает всем требованиям положения, допускающего такое ограничение, необязательно дает основания предполагать нарушение статьи 18 Конвенции. Отдельное рассмотрение жалобы с точки зрения этой статьи Конвенции оправдано лишь в том случае, если утверждение о том, что ограничение было введено в целях, не предусмотренных Конвенцией, представляется основополагающим аспектом дела...».

422. По вопросу о правилах доказывания для целей рассмотрения им дела с точки зрения статьи 18 Конвенции Европейский Суд постановил, опять же в деле «Мерабишвили против Грузии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*)), что применению подлежит обычный стандарт доказывания:

«309. Внимательное изучение Постановлений, приведенных в..., с учетом изложенных выше пояснений показывает, что на самом деле имел в виду Европейский Суд, когда говорил о более строгом стандарте доказывания согласно статье 18 Конвенции: по его мнению, цель, предусмотренная Конвенцией, неизменно служит завесой для какой-то скрытой цели. Но если между этими двумя моментами проведено четкое различие, то вопросы доказывания сводятся просто к тому, каким образом можно установить, преследовалась ли скрытая цель и имела ли она преобладающее значение.

310. При этом Европейский Суд считает, что он может и должен придерживаться своего обычного подхода к вопросам доказывания, а не каких-то особых правил...

311. Первый аспект этого подхода, который впервые был сформулирован в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*)... а позднее подтвержден в упомянутых выше Постановлениях Европейского Суда по делам «Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*)... и «Грузия против Российской Федерации (I)» (*Georgia v. Russia (I)*)... заключается в том, что, по общему правилу, бремя доказывания не несет ни та, ни другая сторона, потому что Европейский Суд изучает предоставленные ему материалы независимо от того, откуда они

поступили, и при необходимости может получить материалы по собственной инициативе. Еще в Постановлении по делу «Артико против Италии» (*Artico v. Italy*)... Европейский Суд отметил, что в этом заключается общая позиция не только по межгосударственным спорам, но и по делам, вытекающим из индивидуальных жалоб. С тех пор он стал исходить из такого понимания бремени доказывания в некоторых конкретных ситуациях. В ряде случаев он признавал невозможным строгое применение принципа *affirmanti incumbit probatio*¹, согласно которому бремя доказывания того или иного утверждения лежит на той стороне, которая его выдвигает, особенно когда это оправдано конкретными сложностями, с которыми сталкиваются заявители при сборе доказательств...

312. Действительно, хотя Европейский Суд опирается на доказательства, представленные самими сторонами, он нередко по собственной инициативе просит заявителей или власти государств-ответчиков предоставить материалы, которые могут подтвердить или опровергнуть утверждения, выдвинутые при рассмотрении того или иного дела. Если власти государства-ответчика не прислушаются к этой просьбе, Суд не может заставить их предоставить дополнительные материалы, но вправе, если они должным образом не объяснят свое нежелание или отказ предоставить эти материалы, сделать соответствующие выводы... Кроме того, Суд может совместить эти выводы с контекстуальными факторами. Пункт 1 правила 44С Регламента Суда предоставляет ему значительную свободу действий в этом отношении.

313. Право Европейского Суда делать выводы из поведения властей государства-ответчика при рассмотрении дела особенно уместно в ситуациях, когда информацией, способной подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя, располагают лишь власти государства-ответчика, например, когда речь идет о лицах, которых власти заключили под стражу... Это право может приобретать особое значение, когда выдвигаются утверждения о наличии скрытой цели.

314. Второй аспект подхода Европейского Суда заключается в том, что он использует стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения». Однако этот стандарт не всегда совпадает со стандартом доказывания, который применяется в правовых системах отдельных государств. Во-первых, такие доказательства могут являться следствием одновременного существования достаточно серьезных, ясных и согласующихся между собой умозаключений либо аналогичных никем не опровергнутых предположений об обстоятельствах дела. Во-вторых, степень убедительности доказательств, необходимая для того, чтобы прийти к тому или иному выводу, по своей сути связана с особенностями обстоятельств дела, характером выдвинутого утверждения и конвенционным правом, о котором идет речь в деле. Суд последовательно подчеркивал эти моменты...

315. Третий аспект подхода Европейского Суда, сформулированный еще в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу

¹ *Affirmanti incumbit probatio* (лат.) – бремя доказывания лежит на том, кто утверждает (примеч. редактора).

«Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom)... заключается в том, что Суд вправе свободно оценивать не только допустимость и важность каждого представленного ему доказательства, но и его доказательную ценность. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (Nachova and Others v. Bulgaria)... Суд разъяснил этот момент более подробно, отметив, что при оценке доказательств он не обязан следовать готовым шаблонам и делает выводы, подтверждающиеся свободной оценкой всех доказательств, в том числе выводы, которые могут вытекать из обстоятельств дела и из представлений сторон. Кроме того, Суд отметил, что он с пониманием относится к сложностям, с которыми потенциально могут столкнуться стороны при сборе доказательств. Суд последовательно придерживается этой позиции, применяя ее при рассмотрении жалоб на нарушение различных статей Конвенции...

316. Таким образом, при рассмотрении жалоб на нарушение статьи 18 Конвенции у Европейского Суда нет оснований ограничиваться прямыми доказательствами или применять к такого рода утверждениям особый стандарт доказывания.

317. Необходимо, однако, подчеркнуть, что косвенные доказательства в данном контексте означают информацию о первичных фактах, контекстуальных фактах или цепочках событий, на основании которых можно сделать выводы о первичных фактах... Нередко принимаются во внимание доклады или заявления международных наблюдателей, неправительственных организаций или средств массовой информации, а также решения внутригосударственных или международных судов, в частности, для выяснения обстоятельств дела или подтверждения сделанных Европейским Судом выводов...».

(b) Применение изложенных выше принципов в настоящем деле

423. В настоящем деле Европейский Суд напоминает, что, согласно сделанным им выводам, в основе заключения заявителя под стражу не лежало «обоснованное подозрение» по смыслу положений подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. выше §§ 338 и 339). По мнению Суда, вывод о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции сам по себе нельзя считать достаточным основанием для того, чтобы констатировать еще и нарушение статьи 18 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации» (Navalnyy v. Russia), § 166). Суду остается определить, можно ли в отсутствие обоснованного подозрения установить наличие скрытой цели с точки зрения статьи 18 Конвенции.

424. Согласно основной жалобе заявителя, он подвергся преследованию и лишился свободы именно из-за того, что он находится в оппозиции действующей власти в Турции. По его мнению, первоначальное заключение его под стражу и продление срока предварительного содер-

жания его под стражей было направлено на то, чтобы заставить его замолчать. В связи с этим Европейский Суд, принимая во внимание меморандум Комиссара по правам человека по результатам посещения им Турции в 2016 году, заключение Венецианской комиссии по поводу конституционных поправок, доклад организации «Эмнести Интернешнл» и замечания организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, отмечает: с учетом того, что заявитель является одним из знаковых лидеров политической оппозиции в Турции, а также напряженной политической обстановки в стране с 2014 года и выступлений политических оппонентов заявителя, в том числе президента Турции, у объективного наблюдателя вполне могли возникнуть подозрения, что первоначальное заключение заявителя под стражу и продление сроков предварительного содержания его под стражей имело политическую подоплеку. Однако, как Суд установил ранее, одно лишь то, что политиков подвергают уголовному преследованию или заключают их под стражу, даже если это происходит во время предвыборной кампании или референдума, не указывает автоматически на то, что при этом преследовалась цель ограничить обсуждение политических вопросов (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (Merabishvili v. Georgia), § 323).

425. С учетом того, как заявитель сформулировал свою жалобу, от Европейского Суда требуется установить, не заключалась ли в действительности основная цель решений турецких судов о первоначальном заключении его под стражу и о продлении срока предварительного содержания его под стражей, которые нарушали статью 5 Конвенции, в том, чтобы убрать его с политической сцены в Турции и заставить замолчать как одного из лидеров политической оппозиции.

426. В этом отношении Европейский Суд сначала отмечает, что еще до 2014 года прокуроры направили в Национальное собрание несколько отчетов о расследовании, касающихся заявителя. Однако в связи с этим не принималось каких-либо мер до окончания «процесса урегулирования» и до выборов 7 июня 2015 г., по результатам которых правящая партия впервые с 2002 года не получила большинства мест в Национальном собрании во многом благодаря успеху ДПН. Действительно, до начала неприязненных политических отношений между ДПН, с одной стороны, и президентом и правящей партией, с другой стороны, заявителю не угрожало лишение свободы. Однако после окончания «процесса урегулирования» и выступлений президента, который, например, 28 июля 2015 г. сказал, что «лидерам этой партии [ДПН] придется за это расплачиваться», количество возбужденных в отношении заявителя уголовных дел возросло, а расследование по ним ускорилося.

427. Из-за принятия конституционной поправки 20 мая 2016 г. парламентской неприкосновенности лишились 154 депутата. В результате ДПН, у которой в то время было 59 мест в парламенте, оказалась в ситуации, когда 55 депутатов от этой политической партии утратили парламентскую неприкосновенность, которой они пользовались в силу части второй статьи 83 Конституции Турции. Более того, 14 депутатов от политической партии заявителя, в том числе оба ее сопредседателя, были заключены под стражу. Европейский Суд отмечает: вопреки утверждениям заявителя, власти государства-ответчика отмечали, что уголовному преследованию подверглись не только депутаты от ДПН: после лишения парламентской неприкосновенности к уголовной ответственности были привлечены пять депутатов от ПСР, девять депутатов от НРП и один депутат от ПНД. На слушании дела 18 сентября 2019 г. по этому спорному пункту сторонам был задан отдельный вопрос. Власти государства-ответчика, повторив свой довод, не смогли показать, что депутаты от блока правящих партий (ПСР и ПНД) тоже подвергались уголовному преследованию и (или) были лишены свободы. Соответственно, в отсутствие подтверждающих доказательств Суд не может придать значение этому доводу властей государства-ответчика. Поэтому он считает установленным, что после возбуждения в отношении них уголовных дел только депутаты от оппозиционных политических партий (НРП и ДПН) были заключены под стражу и (или) привлечены к уголовной ответственности. Иначе говоря, в действительности конституционная поправка от 20 мая 2016 г. затронула только депутатов Национального собрания от оппозиционных политических партий.

428. Кроме того, под стражу были заключены многие ведущие деятели ДПН и избранные мэры из этой политической партии. Несмотря на то что Европейский Суд не может ознакомиться с материалами уголовных дел в отношении этих лиц, он отмечает, что, согласно различным докладам и заключениям международных наблюдателей, основная причина, по которой они были лишены свободы, заключается в их политических выступлениях. В этих обстоятельствах Суд придает важное значение замечаниям должностных лиц и организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны, в частности Комиссара по правам человека, который отметил, что внутреннее законодательство все чаще используется для того, чтобы заставить замолчать несогласных. Поэтому Суд полагает, что решения о первоначальном заключении заявителя под стражу и о продлении срока содержания его под стражей не являются единичным случаем. Напротив, они, по-видимому, следуют определенному шаблону.

429. Помимо этого, еще одним фактором, который следует учитывать при рассмотрении жалобы на нарушение статьи 18 Конвенции, является период первоначального заключения заявителя под стражу и дальнейшего содержания его под стражей. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что заявитель был лишен свободы, в частности, в течение двух важнейших кампаний – перед референдумом 16 апреля 2017 г. и перед президентскими выборами 24 июня 2018 г.

430. В этом отношении Европейский Суд прежде всего отмечает, что заявитель выразил категорическое неприятие модели президентской республики, которую в то время предложил президент Р. Эрдоган, и что у лидеров ПСР и ДПН возникли существенные разногласия по этому поводу. Однако в то время, когда в турецком обществе шло обсуждение, наверное, одной из самых масштабных конституционных реформ с момента провозглашения Турецкой Республики в 1923 году, заявитель в нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции, статьи 10 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции содержался под стражей. Как ранее отмечал Суд, свободные выборы и свобода выражения мнения, в частности свободное обсуждение политических вопросов, составляют основу любой демократии (см. выше § 383). Это относится и к конституционному референдуму. По мнению Суда, предварительное содержание заявителя под стражей, вне всякого сомнения, помешало ему полноценно участвовать в кампании против того, чтобы Турция стала президентской республикой.

431. На президентских выборах 24 июня 2018 г. баллотировалось шесть кандидатов, в том числе заявитель, который содержался под стражей. Таким образом, он вынужден был вести свою предвыборную кампанию из тюрьмы, находясь в более сложных условиях, чем остальные кандидаты. По-видимому, политические оппоненты заявителя воспользовались тем, что он был лишен свободы.

432. Кроме того, Европейский Суд обращает внимание на обстоятельства повторного заключения заявителя под стражу (см. выше §§ 114 и 118). В связи с этим Суд отмечает, что 2 сентября 2019 г. суд по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары распорядился освободить его из-под стражи. Несмотря на это решение, заявителя оставили под стражей, так как суд по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула вынес ему обвинительный приговор по другому делу. 20 сентября 2019 г. 26-й суд по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула решил, что срок содержания заявителя под стражей по делу, которое рассматривалось в суде по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары, нужно вычесть из окончательного срока назначенного ему наказания. В результате этого решения заявитель получил бы право на условно-досрочное освобождение. Однако позднее в тот же

день, несмотря на уголовное дело, которое рассматривалось судом по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары, прокуратура г. Анкары ходатайствовала перед мировым судом г. Анкары о повторном избрании заявителю и сопредседателю его политической партии меры пресечения в виде заключения под стражу по другому уголовному делу, возбужденному в 2014 году в связи с событиями 6–8 октября 2014 г. Также 20 сентября 2019 г. мировой суд г. Анкары удовлетворил ходатайство прокурора и распорядился заключить заявителя и второго бывшего сопредседателя ДПН под стражу. На следующий день президент Турции сделал заявление для прессы, в котором он обвинил заявителя в «убийстве» 53 человек. Он также сказал, что не бросит это дело и что обоих сопредседателей нельзя «отпускать на свободу» (см. выше § 118). Соответственно, несмотря на то что 31 октября 2019 г. суд по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула решил приостановить исполнение назначенного заявителю наказания в виде лишения свободы сроком на четыре года и восемь месяцев, его оставили под стражей, на этот раз в связи с повторным избранием ему меры пресечения в виде заключения под стражу.

433. В этих обстоятельствах лежащей на поверхности целью повторного заключения заявителя под стражу было расследование событий 6–8 октября 2014 г. Однако, несмотря на то что предполагаемые преступления квалифицировались по-другому, это расследование отчасти касалось фактов, лежавших в основе уголовного дела, которое рассматривалось в суде по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары и в связи с которым заявитель уже содержался под стражей (см. выше § 70). Принимая во внимание эти аспекты совместно с тесными временными связями между освобождением заявителя из-под стражи по решению суда по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары 2 сентября 2019 г. (см. выше § 114) и по решению суда по тяжким уголовным преступлениям г. Стамбула от 20 сентября 2019 г. (см. выше § 115), его немедленным повторным заключением под стражу в тот же день (см. выше § 117) и выступлением президента сразу же после этого (см. выше § 118), Европейский Суд полагает, что власти Турции, по-видимому, испытывали особый интерес не к подозрениям в причастности заявителя к преступлению, предположительно совершенному 6–8 октября 2014 г., примерно за пять лет до этого, а к тому, чтобы оставить его под стражей, не дав ему тем самым возможности заниматься политической деятельностью.

434. Кроме того, при рассмотрении Европейским Судом жалобы на нарушение статьи 18 Конвенции имеют значение выводы Венецианской комиссии о независимости судебной системы Турции, в частности Высшего совета судей и прокуроров (далее – Высший совет). В заключении

№ 875/2017 по поводу конституционных поправок, принятом на ее 110-м пленарном заседании (см. выше § 162), Венецианская комиссия отметила, что, согласно новой конституционной системе, президент получит право назначить шесть из 13 членов Высшего совета, а остальные семь членов будут назначаться Национальным собранием. В связи с этим она отметила, что законопроект о конституционных поправках предусматривает проведение выборов в Высший совет в течение 30 дней с момента вступления этих поправок в силу. Венецианская комиссия выразила мнение, что предложенный новый порядок формирования Высшего совета «крайне проблематичен». Она указала на то, что, согласно новой конституционной системе, президент не будет нейтральной ветвью власти, а начнет принимать участие в партийной политике. Далее, с учетом шансов на то, что президентская партия получит большую часть мест в парламенте (а при системе одновременных выборов это практически гарантировано), Венецианская комиссия пришла к выводу, что порядок формирования Высшего совета стал бы серьезной угрозой независимости судебной власти, так как он является основным органом самоуправления, который следит за назначением, продвижением по службе, переводом, привлечением к дисциплинарной ответственности и освобождением от должности судей и прокуроров. Она отметила: «Таким образом, получить контроль над [Высшим советом] значит получить контроль над судьями и прокурорами, особенно в стране, где освобождение судей от должности стало происходить достаточно часто и где переводы судей являются общепринятой практикой». Из докладов и заключений международных наблюдателей, в частности из замечаний Комиссара по правам человека, следует, что из-за напряженной политической обстановки в Турции в последние годы сложились условия, способные повлиять на определенные решения турецких судов, особенно во время чрезвычайного положения, когда были освобождены от должности сотни судей, и особенно в связи с уголовным преследованием несогласных.

435. Власти государства-ответчика, со своей стороны, отмечали, что в ноябре 2017 года и в январе 2018 года заявителю были вынесены оправдательные приговоры по трем возбужденным в отношении него уголовным делам. Далее они указали на то, что решением от 11 июля 2018 г. суд г. Диярбакир присудил заявителю компенсацию, согласно статье 141 УПК Турции, в связи с тем, что турецкие суды не рассмотрели по собственной инициативе вопрос о законности содержания его под стражей. Наконец, они утверждали, что из 15 депутатов от ДПН, которые были заключены под стражу в ноябре 2016 года, остаются в заключении лишь восемь человек. По мнению Европейского Суда, факты, изложенные властями

государства-ответчика, могут указывать на то, что все правовые механизмы государства-ответчика не использовались систематически ненадлежащим образом и что судебные органы не действовали постоянно недобросовестно, грубо пренебрегая требованиями Конвенции, во всех делах, касающихся несогласных (см., *mutatis mutandis*, Решение Европейского Суда по делу «Нэстасе против Румынии» (*Năstase v. Romania*) от 18 ноября 2014 г., жалоба № 80563/12, § 109). Однако Суд не понимает, как эти факты могли бы повлиять на его решение по вопросу о предварительном содержании заявителя под стражей в обстоятельствах настоящего дела.

436. В настоящем деле эксперты сошлись во мнении, что судебные органы слишком сурово отреагировали на поступки заявителя как одного из лидеров оппозиции, на поступки других депутатов и избранных мэров от ДПН, а также на выражение оппозиционных взглядов вообще. Первоначальное заключение заявителя под стражу и дальнейшее содержание его под стражей не только лишило тысячи избирателей представительства в Национальном собрании, но и оказало опасное воздействие на всё население Турции, существенно ограничив круг вопросов, подлежащих свободному демократическому обсуждению. Эти факторы позволяют Европейскому Суду прийти к выводу, что цели предварительного содержания заявителя под стражей, на которые ссылались власти государства-ответчика, служили лишь завесой для какой-то скрытой политической цели, а это, несомненно, представляет серьезную угрозу демократии (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чеботарь против Республики Молдова» (*Cebotari v. Moldova*) от 13 ноября 2007 г., жалоба № 35615/06, §§ 52–53; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (*Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*), § 143; Постановление Европейского Суда по делу «Расул Джафаров против Азербайджана» (*Rasul Jafarov v. Azerbaijan*) от 17 марта 2016 г., жалоба № 69981/14, § 162; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мамедали против Азербайджана» (*Mammadli v. Azerbaijan*), § 104).

437. Принимая во внимание сказанное выше, Европейский Суд считает установленным вне всякого разумного сомнения, что содержание заявителя под стражей, особенно во время двух важнейших кампаний, связанных с референдумом и президентскими выборами, преследовало скрытую цель подавить плюрализм и ограничить свободу обсуждения политических вопросов, которая составляет самую суть понятия демократического общества.

438. Поэтому Европейский Суд приходит к выводу, что по делу было допущено нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи со статьей 5 Конвенции.

VIII. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЕЙ 41 И 46 КОНВЕНЦИИ

А. Статья 46 Конвенции

439. Заявитель просил, чтобы Европейский Суд распорядился освободить его из-под стражи. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 46 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету Министров, который осуществляет надзор за его исполнением...»

440. Европейский Суд ссылается на изменения, связанные с повторным избранием в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу 20 сентября 2019 г. (см. выше §§ 114–118). В связи с этим он уже пришел к выводу, что с учетом различных фактических обстоятельств и их тесной взаимосвязи по времени и по сути, вместе взятых, главный интерес властей Турции, когда они принимали решения о первоначальном заключении заявителя под стражу и о продлении срока предварительного содержания его под стражей, по-видимому, заключался не в расследовании подозрений в причастности заявителя к преступлению, предположительно совершенному в 2014 году (см. выше §§ 426–433). По мнению Суда, основная цель судебных органов заключалась в том, чтобы лишить заявителя свободы, несмотря на решение суда по тяжким уголовным преступлениям г. Анкары освободить его из-под стражи (см. выше § 93). Власти государства-ответчика утверждали, что преступления, в связи с которыми заявитель был заключен под стражу 20 сентября 2019 г. (их описание приведено выше в §§ 116 и 117), отличаются от преступлений, составляющих предмет настоящей жалобы, потому что эта жалоба касается не только событий 6–8 октября 2014 г., но и «действий и происшествий», о которых говорится в нескольких других отчетах о расследовании (см. выше § 415). Таким образом, согласно доводам самих же властей государства-ответчика, решение об избрании в отношении заявителя меры пресечения от 20 сентября 2019 г. тоже имеет отношение к событиям 6–8 октября 2014 г., хотя оно и сформулировано более узко, чем обвинения, по которым заявитель в первый раз был заключен под стражу. Однако, возбуждая новые уголовные дела на основании фактов, которые ранее были сочтены недостаточным основанием для заключения под стражу, по-другому квалифицировав соответствующие преступления, власти получили возможность обойти право на свободу.

441. Поэтому в настоящем деле Европейский Суд не может закрывать глаза на то, что заявитель был

заключен под стражу на основании новой юридической квалификации «действий и происшествий», связанных с периодом времени с 6 по 8 октября 2014 г. Турецкие суды уже упоминали об этом в числе оснований для лишения заявителя свободы, о котором идет речь в настоящей жалобе и которое закончилось 2 сентября 2019 г. С учетом сделанных им выводов, в частности вывода о нарушении статьи 18 Конвенции во взаимосвязи со статьей 5 Конвенции, Суд подчеркивает, что меры по исполнению его Постановления, затрагивающие положение заявителя, которые обязаны теперь принять власти государства-ответчика под контролем Комитета Министров Совета Европы, должны соответствовать выводам, сделанным в этом Постановлении, и его духу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) (по вопросу о нарушении обязательств, вытекающих из пункта 1 статьи 46 Конвенции) от 29 мая 2019 г., жалоба № 15172/13¹, § 182).

442. В случаях, когда характер установленного нарушения Конвенции не оставляет реального выбора мер, которые требуются для его устранения, Европейский Суд может решить указать какую-то конкретную меру индивидуального характера, как он это делал в делах «Ассанидзе против Грузии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии» (Assanidze v. Georgia), §§ 202–203), «Илашку и другие против Республики Молдова и Российской Федерации» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Республики Молдова и Российской Федерации» (Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia), § 490), «Алексян против Российской Федерации» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Алексян против Российской Федерации» (Aleksanyan v. Russia) от 22 декабря 2008 г., жалоба № 46468/06², §§ 239–240), «Фатуллаев против Азербайджана» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фатуллаев против Азербайджана» (Fatullayev v. Azerbaijan) от 22 апреля 2010 г., жалоба № 40984/07, §§ 176–177), «Дель Рио Прада против Испании» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дель Рио Прада против Испании» (Del Río Prada v. Spain), жалоба № 42750/09, §§ 138–139, ECHR 2013), «Шахин Алпай против Турции» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (Şahin Alpay v. Turkey), §§ 194–195) и «Кавала против Турции» (упомянутое выше Постановление Европейского Суда по

делу «Кавала против Турции» (Kavala v. Turkey), § 240). Применительно к заявителю по настоящему делу дальнейшее содержание его под стражей по основаниям, связанным с теми же событиями, приведет к тому, что продолжат нарушаться и его права, и обязанность властей государства-ответчика исполнить Постановление Европейского Суда, предусмотренная пунктом 1 статьи 46 Конвенции. Соответственно, Суд полагает, что власти государства-ответчика должны принять все необходимые меры для обеспечения немедленного освобождения заявителя из-под стражи.

В. Статья 41 Конвенции

443. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

1. Причиненный заявителю ущерб

444. При рассмотрении дела в Палате Европейского Суда заявитель просил присудить ему сумму в размере 11 350 евро в качестве возмещения материального ущерба и сумму в размере 250 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Палата Суда присудила ему сумму в размере 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

445. При рассмотрении дела в Большой Палате Европейского Суда заявитель, отметив, что он адвокат и что содержание под стражей лишило его возможности работать, прежде всего просил присудить ему сумму в размере 16 020 евро в качестве возмещения неполученного дохода. Кроме того, он просил присудить ему сумму в размере 5 946 евро в качестве возмещения предполагаемого материального ущерба, соответствующую стоимости авиабилетов, которые приобрели его жена (15 471 турецкая лира 47 курушей (около 2 350 евро)), две его дочери (4 133 турецкие лиры 85 курушей (около 600 евро) и 3 749 турецких лир 26 курушей (около 500 евро) соответственно) и его адвокаты (16 637 турецких лир (около 2 500 евро)), чтобы навещать его в тюрьме в г. Эдирне. В подтверждение своих требований он представил чеки за авиабилеты. Кроме того, он просил присудить ему сумму в размере 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

446. Власти государства-ответчика утверждают, что требуемые суммы являются чрезмерными и не соответствуют прецедентной практике Европейского Суда.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 5 (примеч. редактора).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 1 (примеч. редактора).

447. Говоря сначала о материальном ущербе, Европейский Суд полагает, что доказывать существование связи между этим ущербом и предполагаемыми нарушениями Конвенции должны заявители. Для этого они должны представить документы в подтверждение своих требований. В этом отношении необходимо установить наличие четкой причинно-следственной связи между предположительно причиненным ущербом и выявленным в деле нарушением Конвенции. Суд отмечает, что гипотетической связи здесь недостаточно (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации» (Bykov v. Russia) от 10 марта 2009 г., жалоба № 4378/02¹, § 110; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компании “Сатакуннан Марккинапёрсси Ой” и “Сатамедиа Ой” против Финляндии» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland), § 219).

448. В настоящем деле выводы о нарушении Конвенции были сделаны главным образом в результате первоначального заключения заявителя под стражу и дальнейшего содержания его под стражей. В связи с этим Европейский Суд приходит к выводу, что расходы родственников заявителя на посещение его в тюрьме, несомненно, причинили ему материальный ущерб. Поэтому Суд полагает, что заявителю следует присудить сумму в размере 3 500 евро, соответствующую стоимости авиабилетов, приобретенных его женой и двумя дочерьми. Однако Суд, исходя из представленных ему материалов, не усматривает причинно-следственной связи между выявленными в деле нарушениями Конвенции и предположительно понесенным заявителем материальным ущербом. Поэтому Суд отклоняет эти требования.

449. По поводу морального вреда Европейский Суд считает, что множественные и серьезные нарушения Конвенции, которые он установил выше, несомненно, причинили заявителю существенный вред. Соответственно, производя оценку обстоятельств дела на основе принципа справедливости и принимая во внимание размер компенсации, присужденной турецкими судами (см. выше § 127), Суд считает целесообразным присудить заявителю сумму в размере 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

2. Понесенные заявителем судебные издержки и расходы

450. При рассмотрении дела в Палате Европейского Суда заявитель просил присудить ему сумму в размере 40 000 евро в качестве возмещения судебных издержек и расходов. Палата Суда

присудила ему в связи с этим сумму в размере 15 000 евро.

451. При рассмотрении дела в Большой Палате Европейского Суда заявитель просил присудить ему сумму в размере 25 800 евро в качестве возмещения издержек и расходов на покрытие расходов его представителей в связи с рассмотрением дела в Европейском Суде. В подтверждение своих требований он представил копию заключенного с ними договора и расчет того, сколько времени заняла у каждого из них работа над делом: 30 часов у М. Карамана, 45 часов у Б. Моу, 36 часов у К. Алтыпармака, 35 часов у Р. Демира, 36 часов у Б. Чалы и 40 часов у Демирташ Гёкальп. Он отметил, что стоимость работы Б. Чалы и К. Алтыпармака составляет 150 евро в час, а остальных его представителей – 100 евро в час. Кроме того, заявитель просил присудить ему сумму в размере 40 332 турецких лир (около 6 100 евро) в качестве возмещения расходов на перевод документов, представив соответствующие счета.

452. Власти государства-ответчика не согласились с тем, что эти расходы были необходимы и не превышали разумных пределов.

453. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и расходов лишь постольку, поскольку было доказано, что они были фактически понесены, необходимы и не превышали разумных пределов. В настоящем деле, принимая во внимание свою прецедентную практику и документы, которыми он располагает, Суд считает разумным присудить требуемые суммы в полном объеме.

3. Процентная ставка при просрочке платежей

454. Европейский Суд считает целесообразным установить ставку пени за просроченный платеж компенсации на уровне предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

На основании вышеизложенного Европейский Суд:

1) *отклонил* предварительное возражение властей государства-ответчика, заявленное со ссылкой на подпункт «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции (принято единогласно);

2) *отклонил* предварительное возражение властей государства-ответчика относительно того, что заявитель не обратился в Конституционный суд Турции с индивидуальной жалобой (принято единогласно);

3) *отклонил* предварительное возражение властей государства-ответчика относительно неисчерпания заявителем внутригосударственных

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6 (примеч. редактора).

средств правовой защиты в связи с жалобами на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, статьи 18 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции (принято единогласно);

4) *отклонил* предварительное возражение властей государства-ответчика относительно того, что заявитель не подал иск о компенсации ущерба (принято единогласно);

5) *отклонил* предварительное возражение властей государства-ответчика об отсутствии у заявителя статуса жертвы нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции (принято большинством голосов);

6) *отклонил* предварительное возражение властей государства-ответчика об отсутствии у заявителя статуса жертвы нарушения статьи 10 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции (принято единогласно);

7) *объявил* жалобу заявителя приемлемой для рассмотрения по существу (принято единогласно);

8) *постановил*, что по делу имело место нарушение статьи 10 Конвенции (принято 16 голосами «за» при одном голосе «против»);

9) *постановил*, что по делу имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции (принято 15 голосами «за» при двух голосах «против»);

10) *постановил*, что по делу имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции (принято 16 голосами «за» при одном голосе «против»);

11) *постановил*, что по делу отсутствовало нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции (принято 16 голосами «за» при одном голосе «против»);

12) *постановил*, что по делу было допущено нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции (принято единогласно);

13) *постановил*, что по делу было допущено нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи со статьями 5 Конвенции (принято 16 голосами «за» и одним голосом «против»);

14) *постановил*, что власти государства-ответчика должны принять все необходимые меры для обеспечения немедленного освобождения заявителя из-под стражи (принято 15 голосами «за» при двух голосах «против»);

15) *постановил*:

(а) что власти государства-ответчика в течение трех месяцев обязаны выплатить заявителю следующие суммы с переводом этих сумм в денежные единицы государства-ответчика по курсу обмена валюты на день выплаты:

(i) 3 500 (три тысячи пятьсот) евро плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с указанной суммы, в качестве возмещения материального ущерба;

(ii) 25 000 (двадцать пять тысяч) евро плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с указанной суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(iii) 31 900 (тридцать одна тысяча девятьсот) евро плюс любые налоги, которые заявитель, воз-

можно, должен будет уплатить с этой суммы, в качестве возмещения судебных издержек и расходов;

(b) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка плюс три процентных пункта (принято 16 голосами «за» при одном голосе «против»);

16) *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации (принято единогласно).

Совершено на английском и французском языках, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 22 декабря 2020 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ	Ксения ТУРКОВИЧ
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой Палаты	Большой Палаты
Европейского Суда	Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению приобщаются следующие особые мнения¹ судей:

(а) частично совпадающее, частично особое мнение судьи К. Войтычека;

(b) частично особое мнение судьи Л. Чантурии;

(с) частично особое мнение судьи С. Юксель, к которому присоединился судья П. Пачолаи;

(d) частично совпадающее, частично особое мнение судьи С. Юксель.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ К. ВОЙТЫЧЕКА

1. При всем уважении я не согласен с мнением своих коллег, считающих, что в настоящем деле не было допущено нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции. Кроме того, у меня есть сомнения в правильности формулировки параграфа 14 резолютивной части Постановления, а также некоторых пунктов мотивировочной его части.

2. В параграфе 167 мотивировочной части Постановления выражена следующая позиция:

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда по правам человека, каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к Постановлению Европейского Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства судей, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением (*concurring opinion*) называют мнение, которое совпадает с мнением большинства судей по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования. Особым мнением (*dissenting opinion*) называют мнение, которое расходится с мнением большинства судей по существу дела (*примеч. редактора*).

«Европейский Суд напоминает, что содержание и круг вопросов, подлежащих рассмотрению Большой Палатой Суда в рамках переданного ей дела, определяются решением Палаты Суда по вопросу о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Муртазалиева против Российской Федерации” (*Murtazaliyeva v. Russia*) от 18 декабря 2018 г., жалоба № 36658/05, § 88). Поэтому Большая Палата Суда не может рассматривать жалобы, которые были признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу».

Следовательно, в результате Большая Палата Европейского Суда не может рассматривать жалобы, которые были признаны неприемлемыми, но может признать неприемлемыми жалобы, которые были признаны приемлемыми и рассмотрены Палатой Суда.

Я признаю, что изложенная выше точка зрения отражает устоявшуюся практику Большой Палаты Европейского Суда (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Дулими и компания “Монтана Менеджмент Инк.” против Швейцарии» (*Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland*) от 21 июня 2016 г., жалоба № 5809/08¹, § 78; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (*Neulinger and Shuruk v. Switzerland*), жалоба № 41615/07², § 88, ECHR 2010; и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёч против Турции» (*Göç v. Turkey*), жалоба № 36590/97, §§ 36–37, ECHR 2002-V), однако я не убежден, что эта практика соответствует требованиям Конвенции. Здесь важно не забывать о том, как сформулирована соответствующая статья Конвенции (курсив мой):

Статья 43

Передача дела в Большую Палату

«1. В течение трех месяцев с даты вынесения Палатой постановления в исключительных случаях возможно обращение любой из сторон в деле о передаче *его* на рассмотрение Большой Палаты.

2. Коллегия в составе пяти членов Большой Палаты принимает обращение, если *дело* поднимает серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений настоящей Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера.

3. Если Коллегия принимает обращение, то Большая Палата выносит по *делу* свое постановление».

При толковании этой статьи Конвенции Европейский Суд правильно отметил следующее (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда

по делу «К. и Т. против Финляндии» (*K. and T. v. Finland*), жалоба № 25702/94, § 140, ECHR 2001-VII):

«Прежде всего Европейский Суд отмечает, что во всех трех пунктах статьи 43 Конвенции для описания вопроса, который выносится на рассмотрение Большой Палаты Суда, употребляется термин “дело” (*the case* по-английски, *l'affaire* по-французски). Так, пункт 3 статьи 43 Конвенции предусматривает, что “Большая Палата выносит *по делу*” – а это подразумевает всё дело, а не просто “серьезный вопрос”, о котором говорится в пункте 2 статьи 43 Конвенции, – “свое постановление”. Из формулировки статьи 43 Конвенции четко следует, что если возникает “серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений... Конвенции или Протоколов к ней, или другой серьезный вопрос общего характера” (пункт 2 статьи 43 Конвенции), то он представляет собой лишь предварительное условие для удовлетворения обращения стороны, вследствие чего всё “дело” заново рассматривается Большой Палатой Суда, которая выносит по нему новое постановление (пункт 3 статьи 43 Конвенции). Тот же термин “дело” (*the case* по-английски, *l'affaire* по-французски), который используется еще и в пункте 2 статьи 44 Конвенции, определяет условия, при соблюдении которых постановлений Палаты Суда становятся окончательными. Если обращение стороны о передаче дела в Большую Палату Суда, согласно статье 43 Конвенции, удовлетворено, то статья 44 Конвенции может только означать, что постановление Палаты Суда отменяется целиком, чтобы вместо него было вынесено новое постановление Большой Палаты Суда, о котором говорится в пункте 3 статьи 43 Конвенции. Таким образом, “дело”, переданное в Большую Палату Суда, неизбежно включает в себя все аспекты жалобы, ранее рассмотренные Палатой Суда в ее Постановлении, а не только “серьезный вопрос”, на основании которого дело было передано в Большую Палату Суда. В общем, основания для передачи в Большую Палату Суда лишь части вопросов, которые затрагивает настоящее дело, отсутствуют».

В том же Постановлении (*ibid.*, § 141) Европейский Суд дополнительно заявил следующее:

«Для большей ясности Европейский Суд отмечает также, что под “делом”, переданным в Большую Палату Суда, понимается жалоба в том виде, в котором Суд признал ее приемлемой для рассмотрения по существу (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу “Ирландия против Соединенного Королевства” (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., Series A, № 25, с. 63, § 157). Однако это не означает, что Большая Палата Суда не может при необходимости обсудить вопросы приемлемости жалобы для рассмотрения по существу так же, как это происходит при обычном производстве в Палате Суда, предусмотренном, например, пунктом 4 статьи 35 Конвенции (в конце абзаца) (этот пункт наделяет Европейский Суд правом отклонять “любую переданную ему жалобу, которую [он] сочтет неприемлемой... на любой стадии разбирательства”), в случае, когда было решено совместить обсуждение вопроса о приемлемости жалобы с рассмотрением дела по существу или

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 11 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2021. № 4 (примеч. редактора).

в случае, если этот вопрос как-то иначе связан со стадией рассмотрения дела по существу».

С приведенным выше пояснением трудно согласиться. Основной довод, который здесь используется, – это практика рассмотрения дел Европейской Комиссией и Европейским Судом до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции в 1998 году. Между тем эта реформа полностью изменила всю систему защиты прав человека.

На мой взгляд, обращение, поданное стороной согласно статье 43 Конвенции, касается дела. Впоследствии Большая Палата Европейского Суда выносит постановление *по делу*. Термин «дело» касается всего дела, а не только той части жалобы, которая была признана приемлемой. Круг вопросов, которые могут затрагиваться в таком обращении, не ограничивается. Более того, «серьезный вопрос, касающийся толкования или применения положений Конвенции» или «серьезный вопрос общего характера» может возникнуть и в контексте жалоб, признанных неприемлемыми. Поэтому принятие обращения, поданного согласно статье 43 Конвенции, должно означать, что постановление Палаты Суда отменяется целиком, а не только в той части, в которой дело рассматривается по существу. Нет оснований делить постановление Палаты Суда на две части, из которых одна является неприкасаемой, а другая подлежит отмене.

Статья 19 Конвенции, в которой определяется задача Европейского Суда («обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по... Конвенции и Протоколам к ней»), будет соблюдаться лучше, если Большая Палата Суда согласится рассматривать жалобы, которые были признаны неприемлемыми Палатой Суда.

Кроме того, позицию Палаты Европейского Суда можно считать нарушением принципа, согласно которому все стороны должны обладать равными правами. Властям государства-ответчика, когда они ходатайствуют о передаче дела в Большую Палату Суда, не угрожает опасность того, что жалобы, признанные неприемлемыми, будут рассмотрены по существу, тогда как заявителю угрожает опасность того, что Большая Палата Суда может признать неприемлемыми жалобы, которые были признаны неприемлемыми Палатой Суда.

Далее, важно отметить положения Конвенции и Регламента Европейского Суда, определяющие, с какого момента постановления или решения Суда становятся окончательными. Во-первых, в статье 44 Конвенции весьма определенно установлен момент, когда «постановления» (то есть решения по вопросу о приемлемости жалоб и постановления по существу дела) становятся окончательными. Во-вторых, когда в Регламенте Суда определяются условия, при соблюдении которых решение или постановление должно стать окончательным, это делается явным образом. В частности, примени-

тельно к производству в составе судьи, рассматривающего дела единолично, и в Комитете в пункте 1 правила 52А и в первом предложении пункта 4 правила 53 Регламента Суда говорится, что решения, вынесенные в порядке статьи 27 Конвенции, а также решения и постановления, вынесенные в порядке статьи 28 Конвенции, являются окончательными. Применительно к производству в Палате Суда в первом и во втором предложениях пункта 3 правила 54 Регламента Суда прямо предусмотрено следующее:

«На основании подпункта “b” пункта 2 настоящего правила Председатель Секции, действуя как судья, выносящий решения единолично, вправе сразу же объявить часть жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу или исключить часть жалобы из списка подлежащих рассмотрению в Суде дел. Решение является окончательным».

В том, что касается постановлений Палаты Европейского Суда, аналогичных положений не предусмотрено. Это еще один довод в пользу того, что в случае, если дело передается в Большую Палату Суда, постановление Палаты Суда в той части, в которой некоторые пункты жалобы признаются неприемлемыми, не должно становиться окончательным.

Таким образом, и буквальное, и системное, и телеологическое толкование говорят об одном и том же – о том, что круг вопросов, подлежащих рассмотрению Большой Палатой Европейского Суда, не должен сводиться к жалобам, которые были признаны приемлемыми Палатой Суда.

3. В рассуждениях по настоящему делу подчеркивается, что заявитель является депутатом (см. §§ 242–245 Постановления). Вне всякого сомнения, парламент нужно защищать путем наделения его членов парламентскими иммунитетами и другими привилегиями, так как депутаты от оппозиции могут подвергаться нападкам властей намного чаще, чем другие люди, а их выступления могут относиться к категории официальных выступлений, которые не охраняются ни основными конституционными правами, ни правами, гарантированными Конвенцией (см. мое совпадающее мнение, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Макрадули против Македонии» (*Makraduli v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 19 июля 2018 г., жалобы №№ 64659/11 и 24133/13).

В то же время парламентские иммунитеты и другие привилегии не являются субъективными правами. Они во всех случаях защищают не личные интересы парламентариев, а интересы общества. Они охраняют человека при осуществлении парламентских функций, а не при достижении личных целей. Поэтому хозяином иммунитета неприкосновенности является орган законодательной власти, который может лишить его – в установленном зако-

ном порядке, – когда сочтет нужным. Как объясняет А. Эсмейн в своем классическом учебнике:

“Les immunités parlementaires, dont nous abordons l'étude, ont l'apparence de véritables faveurs accordées aux membres du Parlement; mais, en réalité, elles n'ont point ce caractère. Elles n'existent que dans l'intérêt de l'Assemblée elle-même, à laquelle appartiennent ceux qui en profitent, et dans l'intérêt de la nation que représente cette Assemblée. Elles ont pour but d'assurer l'indépendance et le libre fonctionnement de l'Assemblée; elles sont établies dans l'intérêt public, non dans un intérêt particulier” («Парламентские иммунитеты, являющиеся предметом нашего исследования, приобретают форму неких одолжений депутатам, однако на самом деле они не имеют такого характера. Они существуют только в интересах самого парламента, в состав которого входят те, кто ими пользуется, и в интересах народа, представителем которого является этот парламента. Их цель заключается в том, чтобы обеспечивать независимость и беспрепятственную работу парламента; они вводятся в интересах общества, а не какого-то отдельного человека») (A. Esmein. *Éléments de droit constitutionnel français et comparé*. Librairie de la société du Recueil Sirey. Париж, 1914 г., 6-е изд., с. 953).

Более того, ограничения, касающиеся содержания «неофициальных» выступлений, должны быть одинаковыми для всех. Поэтому очень важно подчеркнуть, что, не будь заявитель депутатом, результат рассмотрения настоящего дела остался бы точно таким же. То, что сейчас он уже не депутат, не влияет на его статус субъекта конвенционных прав.

Попутно я отмечаю, что в § 384 Постановления Большая Палата Европейского Суда поддержала следующую позицию, сформулированную в более ранней прецедентной практике (курсив мой):

«Свобода выражения мнения важна для каждого, но особенно она важна для избранного представителя народа. Он представляет своих избирателей, привлекает внимание к их потребностям и защищает их интересы...» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Кастеллс против Испании» (*Castells v. Spain*), § 42)).

Такое восприятие парламентских функций вызывает очень много проблем. В статье 80 Конституции Турции говорится прямо противоположное:

«Депутаты Великого национального собрания Турции представляют не просто свои собственные избирательные округа или регионы, а нацию в целом».

Еще важнее, что согласно европейской конституционной традиции депутаты представляют нацию или народ, а не своих избирателей. А. Эсмейн обобщает эту традицию следующим образом:

“Les représentants ne tiennent pas leurs pouvoirs, en droit, du collège électoral qui les a élus, mais de la nation tout, entière. Ils participent, en effet, à l'exercice

de la souveraineté. Or, celle-ci «appartient à la nation, aucune section du peuple ni aucun individu ne peut s'en attribuer l'exercice», ni encore moins le déléguer. Cette vérité a été traduite dans la Constitution de 1791 par une formule heureuse, répétée depuis lors par bien des Constitutions: «Les représentants nommés dans les départements ne seront pas représentants d'un département particulier, mais de la nation entière, et il ne pourra leur être donné aucun mandat». Il résulte de là que le député élu ne saurait être considéré comme le mandataire de ses électeurs” («С точки зрения права представители получают свои полномочия не от избирательного корпуса, который их избрал, а от народа в целом. На самом деле они принимают участие в осуществлении суверенитета. И этот суверенитет “принадлежит народу; на его осуществление не может претендовать ни какая-то группа людей, ни какой-то один человек”, не говоря уже о том, чтобы его делегировать. Эта истина отражена в Конституции [Франции] 1791 года, где используется удачная формулировка, не раз повторенная впоследствии в других конституциях: “Представители, избранные в департаментах (*départements*), суть представители не отдельного департамента (*département*), а всего народа; им не может быть дано никакого наказа”. Следовательно, избранного депутата нельзя считать проводником интересов своих избирателей» (*op. cit.*, с. 307).

Из этого следует, что суть парламентских функций заключается в том, чтобы представлять народ или нацию, а не в том, чтобы свободно осуществлять права человека для достижения личных целей или отстаивать личные интересы, которые лежат в основе этих прав.

4. Однако я согласен с тем, что в настоящем деле применяется статья 10 Конвенции, так как, на мой взгляд, выступления заявителя не относятся к категории официальных выступлений (см. мои особые мнения, прилагающиеся к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (*Baka v. Hungary*) от 23 июня 2016 г., жалоба № 20261/12; и к Постановлению Европейского Суда по делу «Саньи против Венгрии» (*Szanyi v. Hungary*) от 8 ноября 2016 г., жалоба № 35493/13¹).

Кроме того, я в общих чертах согласен с аргументацией, приведенной в §§ 271–280 мотивировочной части Постановления, хотя я согласен и с теми, кто считает, что вывод о нарушении статьи 10 Конвенции из-за недостаточного качества турецкого законодательства, который Европейский Суд сделал, не дожидаясь окончания рассмотрения уголовного дела заявителя турецкими судами, не лишен некоторых проблем. В то же время у меня есть серьезные сомнения в правильности подхода, изложенного в §§ 256–270 Постановления.

5. Говоря об освобождении парламентариев от ответственности, большинство судей в § 261 Постановления отметило следующее:

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 1 (примеч. редактора).

«Заявитель, в свою очередь, утверждал, что он выступал с аналогичными заявлениями на сессиях Национального собрания, а значит, эти выступления подпадают под защиту части первой статьи 83 Конституции Турции. По этому вопросу Европейский Суд полагает, что в задачи турецких органов власти, и в частности судов, входило прежде всего определение того, охватываются ли выступления, в связи с которыми заявителю были предъявлены обвинения и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, принципом освобождения депутатов от ответственности, предусмотренным частью первой статьи 83 Конституции. В связи с этим Суд напоминает, что у внутригосударственных органов власти есть процессуальная обязанность осуществлять судебный контроль для того, чтобы не допускать злоупотреблений властными полномочиями (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Карачонь и другие против Венгрии” (Karácsony and Others v. Hungary), §§ 133–136, и другие постановления Европейского Суда, на которые оно ссылается)».

Я отмечаю, что соответствующие требования заявителя, адресованные как в турецкие суды, так и в Европейский Суд, являются недостаточно обоснованными. В частности, заявитель не подкрепил свои утверждения дословными цитатами из своих прежних выступлений в ходе работы Национального собрания. При рассмотрении дела турецкими судами он неопределенно ссылался на свои «выступления в 2008–2016 годах» (см. § 91 Постановления). Поэтому сложно согласиться с тем, что власти государства-ответчика не рассмотрели должным образом этот вопрос.

6. В настоящем деле вмешательство в осуществление заявителем свободы выражения мнения приняло форму уголовного преследования. Само лишение парламентской неприкосновенности как таковое не является вмешательством в осуществление депутатом свободы слова. Однако, поскольку оно позволяет возбудить в отношении депутата уголовное дело, оно тесно связано с обжалуемым по делу вмешательством и может считаться его неотъемлемой частью.

В настоящем деле поднимаются важные вопросы соотношения *pouvoir constituant* (учредительной власти) и Конвенции. В защиту переходной статьи 20 Конституции Турции можно сказать, что хозяином иммунитета неприкосновенности в любом случае является орган законодательной власти. Тем не менее я согласен с тем, что эту статью, временно приостановившую применение конституционно-правовой нормы в контексте настоящего дела, сложно совместить с требованиями верховенства права, которые стоят выше закона и выше позитивного права. Я присоединяюсь к критическим оценкам, которые вызвала такая позиция. В то же время, на мой взгляд, если попытаться отделить спорные конституционные реформы от вмешательства в целом и отдельно рассмотреть вопрос об их соответствии требованиям пункта 2 статьи 10 Конвенции, как если бы они

сами представляли собой «изолированное» и самостоятельное вмешательство в осуществление свободы слова, это приведет к проблемам. Еще важнее, что можно усомниться в характере и в объеме правомерных ожиданий, которые Европейский Суд вывел из Конституции Турции для целей такого анализа, а также в примененных для этого методах.

В § 269 Постановления большинство судей высказало следующую точку зрения:

«По мнению [Европейского] Суда, с учетом парламентской практики и традиций Турции у депутатов не было оснований предполагать, что такая процедура будет начата в течение срока их полномочий, а значит, она ущемляла свободу выражения мнения депутатами Национального собрания».

Мысль о том, что спорные реформы отступали от парламентской практики и традиций Турции, не производит впечатления необоснованной, однако приведенное выше категоричное утверждение заходит намного дальше и требует серьезного обоснования. Чтобы сделать столь решительное заявление о конституционной системе Турции, необходимо было бы сначала подробно рассмотреть парламентскую практику и традиции этой страны, начиная с их правового статуса и содержания. Я не уверен, что парламентская практика и традиции Турции могут быть источником охраняемых законом ожиданий, поскольку эта практика и традиции не пересекаются с неписаными правовыми принципами, которые признаются источником права. Поэтому необходимо было тщательно рассмотреть все писаные и неписаные конституционные ограничения, связанные с осуществлением *pouvoir constituant* (учредительной власти) в Турции, которые признаются в правовой системе страны. Согласно принятому подходу парламентская практика и традиции становятся источником конституционного права Турции.

Далее, в § 270 Постановления большинство судей отметило (курсив мой):

«Прецедентная практика Европейского Суда показывает, что требование предсказуемости выполняется, когда из формулировки соответствующей правовой нормы человек, обратившись при необходимости к судебному ее толкованию, может уяснить для себя, за какие действия и бездействие он понесет уголовную ответственность (см., в числе прочих источников, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу “Гюлер и Угур против Турции” (Güler and Uğur v. Turkey), § 50; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Кудревичюс и другие против Литвы” (Kudrevičius and Others v. Lithuania), § 108). В настоящем деле, принимая во внимание формулировки части первой и части второй статьи 83 Конституции Турции и толкование соответствующих норм турецкими судами (или, скорее, отсутствие такового), Суд полагает, что вмешательство в осуществление заявителем свободы выражения мнения не было “предусмотрено законом”, поскольку оно не удов-

летворяло требованию предсказуемости, так как заявитель, отстаивая политическую точку зрения, мог правомерно ожидать, что он сможет воспользоваться действующими конституционно-правовыми нормами, предусматривающими защиту неприкосновенности в связи с политическими выступлениями и конституционные процессуальные гарантии (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Ликурезос против Греции» (*Lykourezos v. Greece*), жалоба № 33554/03, §§ 54–56, ECHR 2006-VIII).

Эта часть рассуждений вызывает следующие сомнения. Во-первых, здесь очень правильно утверждается, что, согласно прецедентной практике Европейского Суда, требование предсказуемости выполняется, когда из формулировки соответствующей правовой нормы человек, обратившись при необходимости к судебному ее толкованию, может уяснить для себя, за какие действия и бездействие он понесет уголовную ответственность. То, за какие действия и бездействие он понесет уголовную ответственность, зависит от положений материального, а не процессуального права и, конечно же, не от объема процессуальных иммунитетов. Принятие переходной статьи 20 Конституции Турции не повлияло на вопрос о том, за какие действия и бездействие заявитель понесет уголовную ответственность.

Во-вторых, я в связи с этим отмечаю, что парламентская неприкосновенность действует на уровне процессуального права. Она заключается в особых процессуальных гарантиях, а точнее, в требовании получать разрешение на задержание или допрос депутата, заключение его под стражу или привлечение его к суду. Я не убежден в том, что эти процессуальные нормы могут быть источником правомерных материально-правовых ожиданий и что на основании этих норм можно запланировать, как осуществлять свободу выражения мнения. В этом отношении я обращаю внимание на то, что, согласно прецедентной практике по статье 7 Конвенции, процессуальные нормы имеют значение и подпадают под действие этой статьи постольку, поскольку они влияют на суровость наказания (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоппола против Италии (№ 2)» (*Scoppola v. Italy* (№ 2)) от 17 сентября 2009 г., жалоба № 10249/03, §§ 110–113; Постановление Европейского Суда по делу «Коэм и другие против Бельгии» (*Coëme and Others v. Belgium*), жалоба № 32492/96 и еще четыре жалобы, § 149, ECHR 2000-VII; и Решение Европейского Суда по делу «Превити против Италии» (*Previti v. Italy*) от 12 февраля 2013 г., жалоба № 1845/08, §§ 79–85).

В-третьих, я не убежден, что у заявителя могли быть правомерные ожидания, связанные с использованием действующей конституционно-правовой базы. Отправной точкой здесь является предположение, согласно которому *pouvoir constituant* (учредительная власть) суверенна и может вносить изменения в конституцию в любое время.

Поправки, внесенные в конституцию с соблюдением принципа верховенства права, редко соответствуют требованию предсказуемости. Конституция не может служить основой для ожидания неизменности конституционного строя – она может быть только основой для правомерного ожидания того, что не будут приняты неконституционные поправки. Эти два ожидания не тождественны.

В-четвертых, в основе правомерных ожиданий частных лиц лежат главным образом правовые нормы, охраняющие частные интересы. Правовые нормы, охраняющие интересы общества, должны постоянно подвергаться оценке и переоценке и могут быть изменены для повышения качества защиты этих интересов. Лица, которые в своих ожиданиях исходят из норм, охраняющих интересы общества, должны эту особенность учитывать. Таким образом, легитимность ожиданий частных лиц, в основе которых лежат правовые нормы, охраняющие интересы общества, неизбежно слабее, чем легитимность ожиданий частных лиц, в основе которых лежат правовые нормы, охраняющие частные интересы. Это относится, в частности, к нормам о процессуальном парламентском иммунитете, целью которого, как пояснялось выше, является защита функционирования парламента и конституционной демократии в целом, а не достижение личных целей или защита других частных интересов депутатов. Поэтому те, кто в своих частных ожиданиях исходит из процессуальных парламентских иммунитетов, всегда должны учитывать возможность изменения соответствующих правовых норм.

В-пятых, согласно давней и устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, толкование положений внутреннего законодательства должно осуществляться властями соответствующей страны (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Джангы против Турции» (*Cangi v. Turkey*) от 29 января 2019 г., жалоба № 24973/15, § 42). Этот принцип относится к определению правомерных ожиданий, охраняющихся внутренним законодательством и вытекающих непосредственно из правовых норм *общего характера* (в отличие от ожиданий, вытекающих из конкретных действий или из действий или бездействия в каком-то конкретном случае). Определение существования такого рода ожиданий требует толкования внутреннего законодательства, влекущего за собой серьезные последствия. Поэтому Суд должен воздерживаться от самостоятельных выводов по данному вопросу.

В завершение этой части своего отдельного мнения я хотел бы отметить, что принятый подход очень глубоко вторгается в область толкования и применения внутреннего законодательства и ставит перед правовыми нормами, охраняющими интересы общества, новую *teleos* (цель), во многом перенаправляя их на защиту частных интересов. Это приводит к тому, что парламентские иммуни-

теты становятся ориентированы главным образом на частные интересы и на права человека.

Кроме того, если я правильно понимаю ход рассуждений большинства судей, подразумеваемое утверждение, из которого исходил Европейский Суд, заключается в том, что неблагоприятные изменения процессуальных норм о привлечении к ответственности за действия, охватываемые конвенционными правами, сами по себе являются вмешательством в осуществление этих прав и это вмешательство должно соответствовать требованию предсказуемости. Данный вопрос заслуживает намного более глубокого рассмотрения в мотивировочной части.

Однако важная проблема, связанная со статьей 10 Конвенции, заключается в пунктах 1 и 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции. Неясная формулировка этих положений является достаточным основанием для того, чтобы установить нарушение статьи 10 Конвенции. Конечно, спорные конституционные реформы являются важным фактором, на фоне которого разворачивались события в настоящем деле (особенно с точки зрения статьи 18 Конвенции), но их негативная оценка не является ни достаточным, ни необходимым основанием для вывода о нарушении статьи 10 Конвенции.

7. В §§ 369 и 370 Постановления Большая Палата Европейского Суда поддержала следующую позицию Палаты Суда:

«...[Европейский] Суд считает необходимым принять во внимание исключительную загруженность Конституционного суда [Турции] после того, как в июле 2016 года в стране было введено чрезвычайное положение...

С учетом сказанного выше, хотя в обычных обстоятельствах рассмотрение дела в Конституционном суде Турции в течение 13 месяцев четырех дней нельзя назвать “безотлагательным”, в конкретной ситуации, сложившейся в настоящем деле, Европейский Суд полагает, что нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции допущено не было».

Я согласен с тем, что исключительную загруженность Конституционного суда Турции после введения в стране чрезвычайного положения в июле 2016 года необходимо принимать во внимание, однако, на мой взгляд, продолжительность рассмотрения дела в Конституционном суде, составившая 13 месяцев четыре дня, несовместима с требованиями Конвенции. Власти Турции должны были отреагировать незамедлительно, приняв законодательство, которое обеспечило бы безотлагательный контроль законности и обоснованности решений по вопросам, связанным с содержанием под стражей. Например, они могли бы наделить обычные суды правом рассматривать жалобы на эти решения.

Кроме того, Большая Палата Европейского Суда отметила следующее (см. § 366 Постановления):

«В делах “Мехмет Хасан Алтан против Турции” (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу “Мехмет Хасан Алтан против Турции” (Mehmet Hasan Altan v. Turkey), § 159) и “Шахин Алпай против Турции” (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу “Шахин Алпай против Турции” (Şahin Alpay v. Turkey), § 131) Европейский Суд уже установил, что пункт 4 статьи 5 Конвенции применим к разбирательству в Конституционном суде Турции».

Точнее было бы сказать, что пункт 4 статьи 5 Конвенции применим к такой ситуации, как та, в которой оказался заявитель, когда внутригосударственный суд избирает кому-то меру пресечения в виде заключения под стражу. Власти должны обеспечить гарантии, предусмотренные этим положением Конвенции, предоставив возможность обращаться в Конституционный суд Турции или в другие суды. Следовательно, поскольку средство правовой защиты, предусмотренное турецким законодательством, заключается в обращении в Конституционный суд, он должен соответствовать требованию безотлагательности, закрепленному в пункте 4 статьи 5 Конвенции.

8. В пункте 14 резолютивной части Постановления Европейский Суд пришел к выводу, что власти государства-ответчика должны принять все необходимые меры для обеспечения немедленного освобождения заявителя из-под стражи. Пункт 14 резолютивной части Постановления нужно трактовать с учетом §§ 440–442 мотивировочной его части, в особенности следующего важного заявления, сделанного в § 442:

«Применительно к заявителю по настоящему делу дальнейшее содержание его под стражей по основаниям, связанным с теми же событиями, приведет к тому, что продолжат нарушаться и его права, и обязанность властей государства-ответчика исполнить Постановление Европейского Суда, предусмотренная пунктом 1 статьи 46 Конвенции».

В этом параграфе мотивировочной части Постановления поясняется, что, таким образом, пункт 14 резолютивной части косвенно предусматривает оговорку о неизменности обстоятельств (*rebus sic stantibus*)¹: обязательство властей государства-ответчика принять все необходимые меры для обеспечения немедленного освобождения заявителя из-под стражи не является абсолютным, так как нельзя исключить появление новых исключительных оснований, которые могут оправдать содержание заявителя под стражей. С одной стороны, власти Турции не могут обойти Постановление, попытавшись предъявить заявителю новые обоснованные обвинения. С другой стороны, при толковании настоящего Постановления нельзя прийти

¹ Оговорка о неизменности обстоятельств (*rebus sic stantibus*) – в международном праве условие о том, что договоренность остается в силе, если не изменятся обстоятельства, при которых она была достигнута (примеч. редактора).

к выводу, что оно наделяет заявителя иммунитетом от уголовного преследования, даже если имеются совершенно оправданные основания для возбуждения в отношении него уголовного дела и заключения его под стражу. Таким образом, Постановление не исключает возможности заключения заявителя под стражу при наличии достаточных оснований – должным образом подкрепленных и обоснованных властями, – связанных с какими-то другими событиями.

Принимая во внимание проблемы, к которым привели два Постановления Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (İlgar Mammadov v. Azerbaijan) от 22 мая 2014 г., жалоба № 15172/13, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (İlgar Mammadov v. Azerbaijan) (по вопросу о нарушении обязательств, вытекающих из пункта 1 статьи 46 Конвенции) от 29 мая 2019 г., жалоба № 15172/13 с прилагающимися к нему совпадающими мнениями), Европейский Суд справедливо счел, что он должен указать определенные меры, которые нужно принять для исполнения настоящего Постановления. Я голосовал за пункт 14 резолютивной части, несмотря на то что у меня есть сомнения в правильности его формулировки, а также в правильности некоторых рассуждений, содержащихся в параграфах 440–442 Постановления.

Во-первых, во избежание споров о толковании пункта 14 резолютивной части Постановления было бы, на мой взгляд, желательно включить в него оговорку о неизменности обстоятельств. Таким образом некоторые важные вопросы, связанные с толкованием, можно было бы прояснить в самой формулировке резолютивной части.

Во-вторых, оговорка о неизменности обстоятельств сама по себе является, на мой взгляд, совершенно обоснованной, но в то же время недостаточно точной. Возникает вопрос, какими критериями определяются соответствующие «события», о которых говорится в § 442 Постановления. Кроме того, и это еще важнее, дальнейшее содержание заявителя под стражей по основаниям, связанным с теми же событиями, приведет не только к тому, что продолжают нарушаться его права, но и к тому, что явно необоснованное предварительное содержание под стражей по основаниям, имеющим отношение к другим событиям, тоже повлечет за собой такое нарушение Конвенции.

В-третьих, поскольку вопрос о том, продолжается ли содержание заявителя под стражей в нарушение настоящего Постановления, может поднимать сложные фактические и юридические проблемы, он должен быть рассмотрен с соблюдением всех процессуальных гарантий независимым и беспристрастным органом, в идеале Европейским Судом. Опасность вмешательства несудебных органов

в сферу, где действуют гарантии независимости судебной власти как на внутригосударственном, так и на международном уровне, требует проявлять максимальную осторожность на этапе исполнения настоящего Постановления (см. совместное совпадающее мнение судей А. Юдковской, П. Пинту де Альбукерке, К. Войтычека, Д. Дедова, Ю.А. Моток, А. Полачковой и Л. Гусейнова, приложенное к упомянутому выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана» (İlgar Mammadov v. Azerbaijan) (по вопросу о нарушении обязательств, вытекающих из пункта 1 статьи 46 Конвенции); см. также мое совпадающее мнение, приложенное к тому же Постановлению).

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Л. ЧАНТУРИИ

1. При всем уважении я не согласен с решением большинства судей не признавать постановление Конституционного суда Турции от 9 июня 2020 г., которым было установлено нарушение части седьмой статьи 19 Конституции Турции в связи с чрезмерной продолжительностью предварительного содержания заявителя под стражей. В этом постановлении Конституционный суд, по сути, признал факт нарушения прав заявителя, предусмотренных пунктом 3 статьи 5 Конвенции. Он пришел к выводу, что решения о продлении срока содержания его под стражей были недостаточно мотивированы. Это полностью соответствует устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда (см. § 218 Постановления), согласно которой заявитель будет считаться утратившим статус «жертвы» нарушения Конвенции, если власти государства-ответчика признают, в явной форме или по существу, факт нарушения Конвенции и компенсируют заявителю причиненный этим нарушением ущерб (см. Постановление Европейского Суда по делу «Экле против Германии» (Eckle v. Germany) от 15 июля 1982 г., § 66, Series A, № 51).

2. Однако очевидно, что человек не утратит статус жертвы просто потому, что власти государства-ответчика признают факт нарушения Конвенции. Второй вопрос, который должен был рассмотреть Европейский Суд в настоящем деле, заключается в том, обеспечило ли постановление Конституционного суда Турции полноценное и достаточное возмещение причиненного заявителю ущерба. Согласно прецедентной практике Европейского Суда, в случаях, когда власти государства-ответчика присудили заявителю компенсацию, Европейский Суд обязан принять во внимание ее размер, который не должен быть явно недостаточным в обстоятельствах рассматриваемого дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Жубор против Словакии» (Žúbor v. Slovakia) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 7711/06, § 63).

Суммы, присужденные заявителю в качестве компенсации морального вреда (50 000 турецких лир (около 6 500 евро)) и в качестве возмещения судебных издержек и расходов (4 436 турецких лир 30 курушей), нельзя считать несоразмерными.

3. В настоящем деле были соблюдены два предварительных условия, сформулированных в соответствующей прецедентной практике. Так почему же большинство судей не признало этот важный вывод Конституционного суда Турции, зная о том, что Европейский Суд постоянно подчеркивает в своей прецедентной практике принцип субсидиарности и необходимость вести судебный диалог с внутригосударственными судами? Какой сигнал Европейский Суд посылает внутригосударственным судам, игнорируя этот важный принцип международного судебного сотрудничества? Что еще могли турецкие суды сделать в такой ситуации? Вывод большинства судей о том, что Конституционный суд не признал предполагаемого нарушения права, охраняющегося пунктом 3 статьи 5 Конвенции (см. § 222 Постановления), просто не соответствует действительности. По жалобе заявителя на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции власти государства-ответчика выполнили свою обязанность компенсировать заявителю причиненный этим нарушением ущерб.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ С. ЮКСЕЛЬ, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ П. ПАЧОЛАИ

I. ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ НА НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

1. При всем уважении я не могу согласиться с большинством судей по вопросу о том, можно ли считать заявителя жертвой нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции. В настоящем деле я полагаю, что заявитель уже не может претендовать на статус жертвы нарушения этого положения Конвенции.

2. При рассмотрении дела в Европейском Суде заявитель утверждал, что в судебных решениях о первоначальном заключении его под стражу и о продлении срока предварительного содержания его под стражей не содержалось каких-либо мотивов, кроме простого цитирования предусмотренных законом оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. К тому же эти решения были сформулированы в абстрактных, повторяющихся и формальных выражениях. В своем втором постановлении Конституционный суд Турции 9 июня 2020 г. констатировал нарушение статьи 19 Конституции Турции (аналогичной пункту 3 статьи 5 Конвенции), постановив, что турецкие суды не подкрепили свой

вывод достаточными основаниями. Кроме того, Конституционный суд установил, что турецкие суды не уравнивали противоречащие друг другу интересы, о которых идет речь в деле, в частности: (i) интерес общества в продлении срока содержания заявителя под стражей в рамках производства по уголовному делу и (ii) его права как депутата и как сопредседателя политической партии, например его право принимать участие в законодательной деятельности парламента. Рассматривая вопрос о продолжительности предварительного содержания заявителя под стражей, Конституционный суд уравнивал право заявителя на свободу и его права как политика.

3. Следует иметь в виду, что в своем первом постановлении Конституционный суд Турции уже рассмотрел вопрос о первоначальном заключении заявителя под стражу и пришел к выводу, что оно соответствует Конституции Турции. В этом отношении я хотела бы напомнить, что Палата Европейского Суда пришла к такому же выводу по жалобе заявителя на нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. В своем втором постановлении Конституционный суд, от которого не требовалось еще раз рассматривать решение о первоначальном заключении заявителя под стражу, проанализировал решения о продлении срока содержания его под стражей. На мой взгляд, второе постановление Конституционного суда, в котором он установил нарушение в связи с отсутствием в решениях о продлении срока содержания заявителя под стражей достаточных оснований, оправдывающих его продолжительность, показывает, что он признал, хотя бы по существу, факт нарушения прав заявителя, предусмотренных пунктом 3 статьи 5 Конвенции.

4. Поэтому Европейский Суд должен был определить, обеспечило ли постановление Конституционного суда Турции полноценное и достаточное возмещение причиненного заявителю ущерба. В связи с этим из прецедентной практики Суда следует, что в случаях, когда власти государства-ответчика присудили заявителю компенсацию ущерба, причиненного ему установленным нарушением Конвенции, Суд должен принять во внимание ее размер (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хэбат Аслан и Фирас Аслан против Турции» (Hebat Aslan and Firas Aslan v. Turkey) от 28 октября 2014 г., жалоба № 15048/09, § 44). При этом Суд учитывает свою собственную практику по аналогичным делам и на основании имеющихся в его распоряжении материалов определяет, какую сумму он сам присудил бы в сопоставимой ситуации, хотя это и не означает, что обе суммы обязательно должны совпадать. Кроме того, Суд принимает во внимание обстоятельства дела в целом, в том числе тип выбранного средства правовой защиты и скорость, с которой власти государства-ответчика компенсировали причиненный ущерб,

поскольку именно они в первую очередь должны обеспечивать закрепленные в Конвенции права и свободы (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ведат Догру против Турции» (Vedat Doğru v. Turkey) от 5 апреля 2016 г., жалоба № 2469/10, § 40). Однако размер компенсации, присужденной на внутригосударственном уровне, не должен быть явно недостаточным в обстоятельствах рассматриваемого дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «Жубор против Словакии» (Žúbor v. Slovakia) от 6 декабря 2011 г., жалоба № 7711/06, § 63). В настоящем деле Конституционный суд, исходя из своих выводов о нарушении, решил присудить заявителю сумму в размере 50 000 турецких лир (в то время около 6 500 евро) в качестве компенсации морального вреда и сумму в размере 4 436 турецких лир 30 курушей (в то время около 575 евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов. Я считаю, что эти суммы нельзя считать недостаточными и несоразмерными. В принципе, как мне кажется, сложно утверждать, что постановление Конституционного суда от 9 июня 2020 г. не обеспечило полноценного и достаточного возмещения причиненного заявителю ущерба.

5. Принимая во внимание сказанное выше и с учетом важности принципа субсидиарности, который лежит в основе Конвенции, я думаю, что заявитель уже не может претендовать на статус жертвы нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции.

II. ПО ПОВОДУ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

6. Отмечу, что рассуждения, касающиеся статьи 46 Конвенции, по сути, сводятся главным образом к рассмотрению фактических и юридических оснований решения о повторном заключении заявителя под стражу от 20 сентября 2019 г. Эти рассуждения привели к выводу о необходимости обеспечить немедленное освобождение заявителя из-под стражи. При всем уважении я не могу согласиться с большинством судей и голосовала против применения статьи 46 Конвенции, на основании которой большинство судей предложило властям государства-ответчика обеспечить немедленное освобождение заявителя из-под стражи. При этом оно исходило из довольно-таки нестандартных соображений, основанных на вопросе права, который (i) все еще рассматривается турецкими судами, (ii) вызывает разногласия у сторон и (iii) не подлежит обсуждению в рамках настоящего дела.

7. Вопрос о повторном избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу является предметом еще одной индивидуальной жалобы, которая сейчас рассматривается Конституционным судом Турции (см. § 128 Постановления). Поэтому правильно было бы положиться на авторитет турецких судов в соответствии с принципом субсидиарности. К сожалению,

отказ это сделать может не только повредить рассмотрению дела в Конституционном суде, но и поставить Европейский Суд в положение прокурора, устанавливающего факты, в связи с которыми заявителю повторно была избрана эта мера пресечения. Такого подхода нужно было избегать.

8. Не было установлено, что решения о первоначальном и о повторном заключении заявителя под стражу касаются одного и того же уголовного дела, которое было возбуждено в отношении заявителя по тем же обвинениям, вытекающим из тех же обстоятельств (в качестве примера противоположной ситуации см. Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Мамедов против Азербайджана (№ 2)» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan (№ 2)) от 16 ноября 2017 г., жалоба № 919/15, § 203). Я не могу согласиться с позицией большинства судей, которое, рассматривая вопрос о применении статьи 46 Конвенции, исходило из того, что в основе этих двух решений об избрании меры пресечения, то есть решения о первоначальном заключении под стражу, о котором идет речь в настоящей жалобе, и второго решения о заключении под стражу от 20 сентября 2019 г., лежали одни и те же факты. Из Постановления следует, что на самом деле эти два решения были вынесены в связи с разными преступлениями (см. §§ 70 и 116 Постановления). Частичного совпадения фактических оснований, лежащих в основе двух этих решений о заключении под стражу, в том, что касается событий 6–8 октября 2014 г., недостаточно для вывода о том, что они были вынесены в связи с одними и теми же обстоятельствами. Действительно, у сторон возникли серьезные разногласия по этому вопросу.

9. Кроме того, мне очень сложно согласиться с тем, что повторное избрание в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу входит в круг вопросов, подлежащих рассмотрению Большой Палатой Европейского Суда. Насколько я знаю, это первый случай в практике Большой Палаты Суда, когда она рекомендовала освободить заявителя из-под стражи не на основании жалобы, при рассмотрении которой Большая Палата Суда установила нарушение Конвенции, а на основании вопроса факта, который наряду с другими вопросами факта был принят во внимание в контексте статьи 18 Конвенции. Другими словами, не создается впечатления, что вывод большинства судей по статье 46 Конвенции направлен на то, чтобы положить конец установленному нарушению Конвенции, поскольку от Большой Палаты Суда не требовалось обсуждать вопрос о повторном избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу с точки зрения статьи 5 Конвенции – ведь этот вопрос, повторяюсь, рассматривается сейчас Конституционным судом Турции. Действительно, анализ практики Большой Палаты Суда по делам,

в которых Суд со ссылкой на статью 46 Конвенции указывал на необходимость освободить заявителя из-под стражи, показывает, что во всех таких постановлениях, в частности в постановлениях по делам «Дель Рио Прада против Испании» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дель Рио Прада против Испании» (*Del Río Prada v. Spain*), жалоба № 42750/09, §§ 138–139, ECHR 2013), «Илашку и другие против Республики Молдова и Российской Федерации» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Республики Молдова и Российской Федерации» (*Îlășcu and Others v. Moldova and Russia*), жалоба № 48787/99, § 490, ECHR 2004-VII) и «Ассанидзе против Грузии» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии» (*Assanidze v. Georgia*), жалоба № 71503/01, §§ 202–203, ECHR 2004-II), в основе указания на необходимость освободить заявителей из-под стражи лежала жалоба, при рассмотрении которой Суд установил нарушение Конвенции (см. также, если говорить о постановлениях Палаты Суда, Постановление Европейского Суда по делу «Алексян против Российской Федерации» (*Aleksanyan v. Russia*) от 22 декабря 2008 г., жалоба № 46468/06, §§ 239–240; Постановление Европейского Суда по делу «Фатуллаев против Азербайджана» (*Fatullayev v. Azerbaijan*) от 22 апреля 2010 г., жалоба № 40984/07, §§ 176–177, и Постановление Европейского Суда по делу «Шахин Алпай против Турции» (*Şahin Alpay v. Turkey*) от 20 марта 2018 г., жалоба № 16538/17, §§ 193–195). В настоящем же деле повторное избрание в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в сентябре 2019 года не является предметом жалобы, при рассмотрении которой было установлено нарушение Конвенции.

10. С учетом сказанного выше я голосовала против применения статьи 46 Конвенции в настоящем деле.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ С. ЮКСЕЛЬ

Я согласна с выводами, сделанными в Постановлении по настоящему делу, в части, касающейся жалоб заявителя на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции и статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции. Однако я не могу согласиться с позицией большинства судей, считающего, что по делу были допущены нарушения пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции, статьи 10 Конвенции и статьи 18 Конвенции.

При этом, хотя я и разделяю мнение большинства судей в связи с выводом о нарушении статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции, я не могу поддержать некоторые аргументы, которые оно привело при рассмотрении дела с точки зрения этой статьи.

III. ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ НА НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

1. В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда, установив нарушение статьи 10 Конвенции, предпочла рассмотреть вопрос предсказуемости конституционной поправки от 20 мая 2016 г. о лишении парламентской неприкосновенности и вопрос законности пунктов 1 и 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции о руководстве вооруженной террористической организацией и/или принадлежности к такой организации в том виде, в каком они были применены в конкретных обстоятельствах дела заявителя. По мнению большинства судей, вмешательство в осуществление заявителем свободы выражения мнения не было предусмотрено законом, так как толкование и применение конституционной поправки и пунктов 1 и 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции не соответствовало требованию качества закона, предусмотренному статьей 10 Конвенции. При всем уважении я не согласна в этом с большинством судей по следующим соображениям.

2. Я думаю, что вмешательство, установленное в настоящем деле, было предусмотрено законом, а значит, соответствовало требованию законности (см. мое особое мнение, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Рагып Зараколу против Турции» (*Ragıp Zarakolu v. Turkey*) от 15 сентября 2020 г., жалоба № 15064/12, относительно взаимодействия статей 5 и 10 Конвенции в том, что касается законности). Поэтому при анализе вмешательства, о котором идет речь в настоящем деле, нужно применять критерий необходимости по смыслу положений статьи 10 Конвенции по причинам, которые будут изложены ниже (см. в связи с этим Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (*Mehmet Hasan Altan v. Turkey*) от 20 марта 2018 г., жалоба № 13237/17, §§ 202–214; Постановление Европейского Суда по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства» (*Steel and Others v. United Kingdom*) от 23 сентября 1998 г., § 110, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VII; и Постановление Европейского Суда по делу «Канджов против Болгарии» (*Kandzhov v. Bulgaria*) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 68294/01, § 73).

3. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда, норма является «предсказуемой», если она обеспечивает определенную степень защиты от произвольного вмешательства со стороны органов государственной власти (см., в числе прочих источников, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «“Чентро Эуропа 7 С.р.л.” и Ди Стефано против Италии» (*Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy*), жалоба № 38433/09, § 143, ECHR 2012). Кроме того, норма должна быть сформулирована достаточно четко, чтобы люди могли скор-

ректировать свое поведение. В принципе у них должна быть возможность в разумной степени предвидеть возможные последствия того или иного действия (см., в числе прочих источников, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsony and Others v. Hungary) от 17 мая 2016 г., жалобы №№ 42461/13 и 44357/13, § 124; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Delfi AS” против Эстонии» (Delfi AS v. Estonia), жалоба № 64569/09, § 121, ECHR 2015; и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «“Чентро Эуропа 7 С.р.л.” и Ди Стефано против Италии» (Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy), § 141). Предсказуемость не требует, чтобы все процедуры, определяющие порядок применения нормы, были закреплены в тексте самой этой нормы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерская партия двухвостой собаки против Венгрии» (Magyar Kétfarkú Kutya Párt v. Hungary) от 20 января 2020 г., жалоба № 201/17, § 94).

4. Крайне важно, чтобы при рассмотрении индивидуальной жалобы, поданной согласно статье 34 Конвенции, задача Европейского Суда заключалась не в абстрактной проверке положений законодательства государства-ответчика, а в определении того, привело их применение к заявителю к нарушению Конвенции или нет (*ibid.*, § 96). На мой взгляд, несмотря на то что Большая Палата Суда убедительно сформулировала общие принципы, касающиеся требования «предусмотрено законом» в статье 10 Конвенции, ее рассуждения, опирающиеся на эти принципы, производят впечатление абстрактной проверки конституционной поправки и пунктов 1 и 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции и как таковые противоречат нашей устоявшейся прецедентной практике.

5. С учетом сказанного выше я рассмотрю следующие вопросы: (i) предсказуемость конституционной поправки, (ii) вопрос о том, соответствовало ли толкование и применение пунктов 1 и 2 статьи 314 Уголовного кодекса Турции в деле заявителя требованию «качества закона», и (iii) вопрос о том, было ли обоснованным вмешательство в осуществление заявителем прав, предусмотренных статьей 10 Конвенции.

(i) Говоря о конституционной поправке, я в начале напомню, что в своем Постановлении по настоящему делу от 20 ноября 2018 г. Палата Европейского Суда уже рассмотрела, пусть даже с точки зрения пункта 1 статьи 5 Конвенции, жалобу заявителя на то, что эта конституционная поправка не соответствует требованию «качества закона», и признала эту жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу в связи с ее явной необоснованностью. Далее я хотела бы подчеркнуть, что данная конституционная поправка была

принята на основе широкого консенсуса в парламенте, в том числе среди депутатов от оппозиционных политических партий. Не осуждая заранее эту конституционную поправку по существу и не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, можно сказать, что эта конституционная поправка является легитимной и была принята согласно статье 175 Конституции Турции, в которой подчеркивается значение учредительной власти. По-видимому, суды не приходили к выводу, что эта поправка была принята с нарушением соответствующих конституционных и парламентских процедур.

6. Рассматривая конституционную поправку, Большая Палата Европейского Суда, по-видимому, опиралась на два умозаключения. Во-первых, большинство судей установило, что турецкие суды необоснованно отказались обсуждать вопрос о том, подпадают ли выступления заявителя под действие части первой статьи 83 Конституции, то есть не допустили ли турецкие суды ошибку, не определив, подпадают ли высказывания заявителя под действие части первой статьи 83 Конституции¹. Во-вторых, большинство судей пришло к выводу, что сама эта конституционная поправка лишила заявителя защиты, которую ему обеспечивала часть вторая статьи 83 Конституции Турции.

7. По первому вопросу, который, как я считаю, неразрывно связан с содержанием выступлений заявителя, я должна подчеркнуть, что судебные органы Турции, в том числе прокуроры и судьи, косвенно решили, что заявитель не может пользоваться защитой в силу принципа освобождения депутатов от ответственности, предусмотренного частью первой статьи 83 Конституции Турции. На мой взгляд, в деле нет признаков, на основании которых можно было бы прийти к выводу, что турецкие суды пренебрегли законодательством и правоприменительной практикой Турции.

8. По второму вопросу, то есть по поводу того, действительно ли конституционная поправка от 20 мая 2016 г. лишила заявителя предоставленной ему защиты, я хотела бы подчеркнуть, что она не сузила и не изменила определений и общих концепций освобождения от ответственности и неприкосновенности. Конституционная поправка лишь внесла изменения в порядок лишения неприкосновенности депутатов, в отношении которых к моменту ее принятия в парламент уже поступили отчеты о расследовании (см. § 137 Постановления). Таким образом, она фактически привела к измене-

¹ Часть первая статьи 83 Конституции Турции предусматривает следующее: «Депутаты Великого национального собрания Турции не несут ответственности за то, как они голосуют, за свои заявления в ходе работы парламента, за мнения, которые они высказывают в Великом национальном собрании Турции, а также за их повторение или распространение в других местах, если на заседании, организованном по инициативе президиума, Великое национальное собрание Турции не решит иначе».

нию объема процессуальных гарантий, касающихся лишения депутатов иммунитетов. Большинство судей этот факт признало, но в § 268 Постановления использовало его для того, чтобы установить, что «данная поправка создала ситуацию, которую затронутые ею депутаты не могли предвидеть». При всем уважении я не разделяю подход большинства судей к рассмотрению вопроса об отсутствии у заявителя возможности пользоваться определенными процессуальными гарантиями из-за непредсказуемости конституционной поправки. Нужно было разграничить вопрос о соответствии этих гарантий требованиям Конвенции и вопрос о предсказуемости конституционной поправки.

9. По-видимому, большинство судей недостаточно подробно рассмотрело вопрос о том, мог ли заявитель подвергнуться уголовному преследованию согласно статье 83 Конституции Турции даже в отсутствие конституционной поправки. На самом деле нормы об освобождении депутатов от ответственности и об их неприкосновенности все еще действуют.

10. Я очень сомневаюсь в том, можно ли рассматривать вопрос о предсказуемости конституционной поправки так же, как вопрос о предсказуемости обычного законодательства, но, в моем понимании, трудно или даже невозможно говорить о предсказуемости конституционных поправок, не принимая должным образом во внимание изложенные выше критерии, вытекающие из прецедентной практики. В связи с этим так же трудно увидеть причинно-следственную связь между тем, что турецкие суды якобы не установили, подпадают ли высказывания заявителя под действие части первой статьи 83 Конституции Турции, и предсказуемостью конституционной поправки. Я не могу согласиться с тем, что событие (заклучавшееся в том, что турецкие суды якобы не рассмотрели требования заявителя с точки зрения части первой статьи 83 Конституции Турции), которое произошло после принятия конституционной поправки, могло отразиться на ее предсказуемости.

11. В этих обстоятельствах я, при всем уважении, не могу согласиться с рассуждениями большинства судей, которые, на мой взгляд, снизили планку, применяющуюся Европейским Судом при рассмотрении вопроса о предсказуемости конституционных поправок.

(ii) По вопросу о том, соответствовало ли толкование и применение в деле заявителя норм о преступлениях террористической направленности требованию «качества закона», из материалов дела следует, что в своей жалобе на нарушение статьи 10 Конвенции, поданной в Большую Палату Европейского Суда, заявитель прямо его не затрагивал. Поэтому я не считаю, что представления заявителя требовали рассматривать этот вопрос отдельно.

12. Действительно, в § 275 Постановления большинство судей подчеркнуло, что им «известно

о сложностях борьбы с терроризмом и разработки уголовного законодательства о противодействии терроризму. Государства-участники в силу необходимости используют достаточно общие выражения, применение которых зависит от того, как их на практике истолкуют судебные органы». Однако я не уверена, можно ли вывод, сделанный большинством судей при рассмотрении настоящей жалобы, легко воспринимать как признание проблем, связанных с терроризмом. Вывод о том, что толкование и применение преступлений террористической направленности не было предусмотрено законом, – это очень серьезное умозаключение, которое должно подкрепляться столь же серьезными и убедительными основаниями, а также конкретными требованиями заявителя. В настоящем деле, на мой взгляд, эти условия выполнены не были.

13. При всем уважении я не согласна с выводом большинства судей о том, что «толкование и применение в деле заявителя норм о преступлениях террористической направленности» представляло проблему с точки зрения качества соответствующего закона. Я полагаю, что нужно было определить границы рассмотрения Европейским Судом требования законности, о котором говорилось выше. Это подводит меня к последней части рассуждений о статье 10 Конвенции.

(iii) Как я объясняла выше, я предпочла бы, чтобы Европейский Суд рассмотрел вопрос о необходимости вмешательства, которое имело место в настоящем деле, в демократическом обществе. В связи с этим я готова допустить, что это вмешательство преследовало правомерные цели, предусмотренные статьей 10 Конвенции, будучи направленным на борьбу с терроризмом, защиту национальной безопасности и общественного порядка. Что касается необходимости вмешательства, действительно, пункт 2 статьи 10 Конвенции практически не допускает ограничений высказываний на политические темы и обсуждения вопросов, представляющих интерес для общества. Собственно говоря, вмешательство в осуществление свободы выражения мнения депутатом от оппозиции требует самого пристального контроля со стороны Европейского Суда (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кастеллс против Испании» (*Castells v. Spain*) от 23 апреля 1992 г., § 42, Series A, № 236). Однако я сомневаюсь, что спорные выступления заявителя нельзя воспринимать как прославляющие и восхваляющие насилие и что их можно считать абсолютно мирными и способствующими обсуждению вопросов, представляющих интерес для общества, в частности, ввиду напряженной ситуации, сложившейся в то время в регионе из-за вооруженных столкновений между силами безопасности Турции и РПК (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции (№ 1)» (*Süreker v. Turkey* (no. 1)), жалоба № 26682/95, § 62, ECHR 1999-IV). В этих обстоятельствах я хотела бы также

отметить, что рассмотрение турецкими судами возбужденного в отношении заявителя уголовного дела еще не закончено, и согласно принципу презумпции невиновности я должна проявлять осторожность, чтобы никоим образом не повлиять на его результат.

14. С учетом сказанного выше я прихожу к выводу, что вмешательство в осуществление прав заявителя было предусмотрено законом, поскольку оно являлось предсказуемым и в то же время удовлетворяло требованию «качества закона», было необходимо в демократическом обществе, соответствуя настоятельной общественной потребности, и было соразмерно преследуемой правомерной цели.

IV. ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ НА НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

15. Заявитель жаловался в Европейский Суд на то, что в отношении него отсутствовало обоснованное подозрение – как вначале, непосредственно после его задержания, так и потом, когда турецкие суды решили заключить его под стражу и продляли срок предварительного содержания его под стражей. По этому вопросу я, при всем уважении, не могу согласиться с выводом большинства судей о предполагаемом отсутствии обоснованного подозрения с точки зрения подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Я не вижу оснований, которые требовали бы от Большой Палаты Суда отступить от решения Палаты Суда по данному вопросу, основанного на устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда (см., в числе многих других источников, Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom) от 30 августа 1990 г., § 32, Series A, № 182, Постановление Европейского Суда по делу «О'Хара против Соединенного Королевства» (O'Hara v. United Kingdom), жалоба № 37555/97, ECHR 2001-X; и Решение Европейского Суда по делу «Чичек против Турции» (Çiçek v. Turkey) от 3 марта 2015 г., жалоба № 72774/10, § 62). Я, в частности, имею в виду прецедентную практику Европейского Суда, согласно которой подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции не предполагает, что на момент задержания человека следственные органы собрали достаточно доказательств для предъявления ему обвинений. Таким образом, факты, которые привели к появлению подозрения, не обязательно должны быть столь же убедительными, как и обстоятельства, необходимые для обоснования обвинительного приговора или даже предъявления обвинения, которое происходит на следующем этапе расследования по уголовному делу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (Murray v. United Kingdom) от 28 октября 1994 г., § 55, Series A, № 300-A; и Постановление Европейского Суда по делу «Юксель и другие против Турции» (Yüksel and Others v. Turkey) от 31 мая 2016 г.,

жалоба № 55835/09 и еще две жалобы, § 52). В этом отношении Европейский Суд должен исследовать все значимые доказательства, содержащиеся в материалах уголовного дела, которые могут подтвердить или опровергнуть конкретное подозрение, послужившее основанием для первоначального заключения человека под стражу, как это сделали Конституционный суд Турции и Палата Европейского Суда. При этом он не может руководствоваться только теми доказательствами, которые были представлены в суд первой инстанции (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Юксель и другие против Турции» (Yüksel and Others v. Turkey), §§ 51–59; Решение Европейского Суда по делу «Текин против Турции» (Tekin v. Turkey) от 18 ноября 2014 г., жалоба № 3501/09, §§ 55–62; и Решение Европейского Суда по делу «Метин против Турции» (Metin v. Turkey) от 3 марта 2015 г., жалоба № 77479/11, §§ 53–64).

16. По существу жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции я полностью поддерживаю выводы, к которым пришла Палата Европейского Суда в своем Постановлении по настоящему делу от 20 ноября 2018 г. В этом отношении я хотела бы, в частности, отметить три доказательства, содержащиеся в материалах дела: утверждения заявителя на демонстрации о том, что они поставят памятник лидеру РПК, и его выступление в отделении политической партии 21 апреля 2013 г., в котором он упомянул, *inter alia*, первые теракты, совершенные РПК, назвав их «государственным переворотом в 1984 году» и «сопротивлением в Шемлинли [и] в Эрхуе» (см. § 79 Постановления); расшифровки разговоров между ведущими членами РПК и между ними и заявителем (§ 79 Постановления); а также сообщения, опубликованные в официальном аккаунте ДПН в Твиттере 6 октября 2014 г. (см. § 20 Постановления). С учетом этих доказательств, обстоятельств дела и требований пункта 1 статьи 5 Конвенции об уровне фактических оснований, требующихся на стадии подозрения, можно, на мой взгляд, утверждать, что заявитель был задержан и заключен под стражу по «обоснованному подозрению» в совершении преступления.

17. Принимая во внимание сказанное выше, я думаю, что у властей Турции было достаточно оснований, чтобы прийти к выводу о наличии обоснованного подозрения в совершении заявителем правонарушения. Соответственно, я считаю, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

V. ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ НА НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

18. Поскольку я полагаю, что заявитель уже не может претендовать на статус жертвы нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции, я голосовала против

выводов большинства судей по существу жалобы на нарушение этого положения Конвенции.

VI. ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ НА НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

19. По поводу жалобы заявителя на нарушение статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции я присоединяюсь к выводу о том, что в конкретных обстоятельствах настоящего дела было допущено нарушение этой статьи, поскольку компетентные мировые судьи и суды по тяжким уголовным преступлениям не рассмотрели утверждений заявителя о необоснованности оставления его под стражей ввиду наличия у него статуса депутата и сопредседателя политической партии. По этому вопросу я согласна с выводами большинства судей, к которым прислушался и Конституционный суд Турции в своем втором постановлении, пусть даже в контексте пункта 3 статьи 5 Конвенции.

20. Тем не менее я, при всем уважении, дистанцируюсь от некоторых пунктов мотивировочной части Постановления, касающихся отсылок к выводам о нарушениях статьи 10 Конвенции и пункта 1 статьи 5 Конвенции в ходе рассмотрения большинством судей вопроса о нарушении статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции (см., в частности, § 394 Постановления).

VII. ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ НА НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

21. Я голосовала против вывода о нарушении статьи 18 Конвенции во взаимосвязи со статьей 5 Конвенции, потому что я сильно сомневаюсь в том, совместим ли этот вывод с прецедентной практикой Европейского Суда (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (Merabishvili v. Georgia) от 28 ноября 2017 г., жалоба № 72508/13), если рассматривать его сквозь призму обстоятельств настоящего дела.

22. Из прецедентной практики Европейского Суда следует, что в делах, в которых заявители жалуются на нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи со статьей 5 Конвенции, Европейский Суд сначала устанавливает, преследовало ли лишение их свободы цель, совместимую с положениями Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Расул Джафаров против Азербайджана» (Rasul Jafarov v. Azerbaijan) от 17 марта 2016 г., жалоба № 69981/14, §§ 153–163; и Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации» (Khodorkovskiy v. Russia) от 31 мая 2011 г., жалоба № 5829/04¹, §§ 254–261). После этого Суд определяет, имеются ли доказатель-

ства того, что власти в своих действиях фактически руководствовались ненадлежащими мотивами. При этом Суд должен принимать решение на основании «доказательств в юридическом смысле этого слова» согласно критериям, которые он сформулировал в деле «Мерабишвили против Грузии» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (Merabishvili v. Georgia), §§ 309–317), и исходя из своей собственной оценки конкретных значимых обстоятельств дела (см. мое особое мнение, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Кавала против Турции» (Kavala v. Turkey) от 10 декабря 2019 г., жалоба № 28749/18).

23. В отношении первого аспекта по приведенным выше причинам, на мой взгляд, можно сказать, что заявитель был заключен под стражу по «обоснованному подозрению» в совершении преступления. Другими словами, лишение заявителя свободы преследовало цель, предусмотренную подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Поэтому я не могу согласиться с позицией большинства судей, согласно которой «цели предварительного содержания заявителя под стражей, на которые ссылались власти государства-ответчика, служили лишь завесой для какой-то скрытой политической цели». В связи с этим я прежде всего отмечаю, что турецкое законодательство предусматривает более высокий уровень защиты в связи с критерием «обоснованного подозрения», предусмотренным пунктом 1 статьи 5 Конвенции². В настоящем деле турецкие суды, в том числе Конституционный суд Турции, рассмотрели вопрос о содержании заявителя под стражей и установили наличие достаточных оснований, дающих серьезные основания подозревать его в совершении преступления. Другими словами, они констатировали существование более высокой степени подозрения, чем «обоснованное подозрение», которое требуется согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Во-вторых, большинство судей пришло к указанному выводу, тщательно исследовав основания для заключения заявителя под стражу, а это предполагает, что приведенные основания не были беспочвенными или фиктивными. Я хотела бы отметить, что Палата Европейского Суда тоже рассмотрела правомерность заключения заявителя под стражу и установила, что «...в материалах уголовного дела имелось достаточно информации, способной убедить объективного наблюдателя в том, что заявитель мог

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3 (примеч. редактора).

² Согласно части третьей статьи 19 Конституции Турции, лица могут быть заключены под стражу при наличии серьезных оснований подозревать их в совершении преступления. В соответствии со статьей 100 Уголовно-процессуального кодекса Турции в отношении человека может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу при наличии конкретных доказательств, дающих серьезные основания предполагать, что он совершил преступление, при наличии одного из оснований для заключения под стражу, предусмотренных той же статьей.

совершить хотя бы некоторые из тех преступлений, в связи с которыми он подвергся уголовному преследованию» (см. § 169 Постановления Палаты Суда по настоящему делу). С учетом этих факторов я не вполне убеждена в том, что были приведены убедительные основания для отступления от выводов турецких судов и Палаты Европейского Суда относительно требования наличия «обоснованного подозрения», предусмотренного подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Эти обстоятельства заставили меня прийти к выводу, что заключение заявителя под стражу преследовало правомерную цель, предусмотренную Конвенцией. Поэтому мне сложно согласиться с мнением большинства судей в том, что содержание заявителя под стражей служило лишь завесой для какой-то скрытой цели.

24. По поводу второго аспекта я полагаю, что в настоящем деле отсутствовали ненадлежащие мотивы, исходя из следующих факторов.

25. Во-первых, основная жалоба заявителя заключается в том, что он и другие члены его политической партии подверглись преследованию именно из-за роли, которую они играли в политической жизни Турции. Однако из представленных сторонами материалов следует, что уголовному преследованию подверглись и депутаты от других политических партий (см. §§ 57 и 58 Постановления). Поэтому нельзя так легко утверждать, что судебные органы Турции преследовали только конкретных депутатов.

26. Во-вторых, именно внутригосударственные суды должны в первую очередь обеспечивать, чтобы в каждом конкретном случае избрание обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу производилось с величайшей осторожностью и в соответствии с требованиями Конвенции и прецедентной практики Европейского Суда по данному вопросу. В связи с этим из материалов дела следует, что турецкие суды рассматривали вопрос о предварительном содержании заявителя под стражей несколько раз – либо по собственной инициативе, либо по ходатайству заявителя. Собственно говоря, начиная с 4 ноября 2016 г. турецкие суды рассматривали вопрос о содержании заявителя под стражей регулярно и оперативно. Далее, в постановлении от 9 июня 2020 г. Конституционный суд Турции единогласно установил нарушение статьи 19 Конституции Турции, придя к выводу, что при продлении срока предварительного содержания заявителя под стражей турецкие суды не привели уместных и достаточных оснований в связи с его доводами о праве баллотироваться на выборах и заниматься политической деятельностью. Тем не менее вывода о том, что некоторые аспекты судебного контроля правомерности содержания заявителя под стражей указывают на нарушение статьи 19 Конституции Турции, самого по себе недостаточно для того, чтобы заключить, будто содержание заявителя под стражей преследовало какие-то другие цели, нежели те, которые

предусмотрены Конвенцией. Кроме того, решением от 11 июля 2018 г. заявителю была присуждена компенсация ущерба согласно статье 141 Уголовно-процессуального кодекса Турции. Соответственно, я не в состоянии прийти к выводу, что судебные органы действовали ненадлежащим образом, грубо пренебрегая требованиями Конвенции.

27. Далее, я, при всем уважении, не согласна с большинством судей в том, что касается некоторых фрагментов их рассуждений относительно статьи 18 Конвенции.

28. Во-первых, я должна отметить, что к рассмотрению Большой Палатой Европейского Суда вопроса о нарушении статьи 18 Конвенции не имеет отношения структура Высшего совета судей и прокуроров (см. § 434 Постановления). Собственно говоря, большинство судей критиковало изменения в структуре этого органа, произведенные по результатам референдума, который был признан суверенной нацией, но не установило, как эти изменения повлияли на заявителя по настоящему делу, и не пояснило, какое этот вопрос имеет значение. В отсутствие причинно-следственной связи между новой структурой и предполагаемой скрытой целью это является абстрактным рассмотрением конституционных поправок, вынесенных на референдум. Поэтому я не уверена, требовалось ли в данном случае от Большой Палаты Суда вдаваться в этот вопрос по собственной инициативе.

29. Во-вторых, Большая Палата Европейского Суда признала, что она не может ознакомиться с материалами уголовных дел других заключенных под стражу депутатов, но отметила, что, согласно докладом и заключениям международных наблюдателей, основная причина, по которой они были лишены свободы, заключается в их политических выступлениях, и пришла в связи с этим к выводу, что заключение заявителя под стражу не является единичным случаем (см. § 428 Постановления). Здесь я должна подчеркнуть, что жалобы некоторых из этих депутатов в настоящее время находятся на рассмотрении в Европейском Суде. Поэтому рассуждения большинства судей, по моему скромному мнению, выходят за рамки вопросов права, которые должна была обсудить Большая Палата Суда.

30. С учетом изложенных выше соображений я не вижу в деле достаточных доказательств, способных подтвердить утверждение заявителя, согласно которому вся судебная система Турции, возбудив в отношении него уголовное дело, преследовала политические цели. Постольку, поскольку рассуждения большинства судей касаются повторного избрания в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу, которое, как оно установило, было связано с «теми же событиями», а именно с событиями 6–8 октября, которые также входили в состав оснований для первоначального заключения заявителя под стра-

жу, я хотела бы сделать следующие замечания (см. §§ 432–433 и §§ 440–442 Постановления).

31. Я уже затрагивала некоторые аспекты этого вопроса в своем отдельном мнении по поводу статьи 46 Конвенции, однако с учетом его важности я считаю целесообразным повторить часть своих рассуждений. Во-первых, я вновь должна отметить, что вопросы права и вопросы факта, касающиеся повторного заключения заявителя под стражу, являются предметом индивидуальной жалобы, с которой он обратился в Конституционный суд Турции; таким образом, этот вопрос сейчас находится на рассмотрении турецких властей. Во-вторых, в настоящем деле большинство судей рассматривало жалобу на нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи со статьей 5 Конвенции. Однако с точки зрения статьи 5 Конвенции Большая Палата Европейского Суда обсуждала первый период содержания заявителя под стражей, с 4 ноября 2016 г. по 7 декабря 2018 г., а не второй период содержания его под стражей, который начался 20 сентября 2019 г. и продолжается до сих пор. Возможно, подход большинства судей в некотором смысле предполагает, что второй период содержания заявителя под стражей фактически является продолжением первого, поскольку оба решения об избрании ему меры пресечения были вроде бы связаны с одними и теми же событиями. Однако я не могу согласиться с этой точкой зрения по причинам, которые я указала в своем отдельном мнении по статье 46 Конвенции, а также по следующим соображениям. Действительно, когда Европейский Суд рассматривает жалобы на нарушение статьи 18 Конвенции, при оценке общего и более широкого контекста могут быть приняты во внимание косвенные доказательства, то есть информация о первичных фактах, контекстуальных фактах или цепочках событий (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мерабишвили против Грузии» (*Merabishvili v. Georgia*), § 317). Тем не менее в случаях, когда косвенные доказательства принимают форму вопросов права, касающихся заявителя, подход Европейского Суда может быть другим. Действительно, в деле «Навальный против Российской Федерации» (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации» (*Navalnyy v. Russia*) от 15 ноября 2018 г., жалоба № 29580/12 и еще четыре жалобы, § 171) Суд, обсуждая вопрос о нарушении статьи 18 Конвенции, принял во внимание (применительно к общему контексту) два уголовных дела, которые рассматривались одновременно с уголовным делом заявителя, сославшись на ранее вынесенные им постановления, в которых он установил соответствующие факты и разрешил вопросы пра-

ва, затронутые в этих двух уголовных делах (имелись в виду Постановление Европейского Суда по делу «Навальный и Офицеров против Российской Федерации» (*Navalnyy and Ofitserov v. Russia*) от 23 февраля 2016 г., жалобы №№ 46632/13 и 28671/14¹, §§ 116–119; и Постановление Европейского Суда по делу «Навальные против Российской Федерации» (*Navalnyye v. Russia*) от 17 октября 2017 г., жалоба № 101/15², §§ 83–84).

32. С учетом сказанного выше повторное избрание в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу является в настоящем деле, с моей точки зрения, не просто косвенным доказательством, а вопросом права, который сейчас рассматривается турецкими судами и не подлежит обсуждению в ходе анализа дела Европейским Судом с точки зрения статьи 5 Конвенции, во взаимосвязи с которой рассматривалась жалоба на нарушение статьи 18 Конвенции. В этих обстоятельствах подход большинства судей может расширить круг вопросов, подлежащих рассмотрению Большой Палатой Суда, как никогда раньше, и я с трудом могу согласиться с такой позицией. В дополнение к столь новаторскому подходу большинство судей продолжило рассматривать основания для повторного заключения заявителя под стражу с точки зрения не статьи 5 Конвенции (поскольку второе заключение заявителя под стражу не было отнесено к числу вопросов, подлежащих рассмотрению с точки зрения этой статьи), а статьи 18 Конвенции только для того, чтобы прийти к выводу, что «власти Турции, по-видимому, испытывали особый интерес не к подозрениям в причастности заявителя к преступлению, предположительно совершенному 6–8 октября 2014 г., примерно за пять лет до этого, а к тому, чтобы оставить его под стражей, не дав ему тем самым возможности заниматься политической деятельностью» (см. § 433 Постановления). При всем должном уважении я сомневаюсь, соответствует ли этот вывод, вытекающий из вопроса права, который сейчас рассматривается турецкими судами и не охватывается жалобой на нарушение статьи 5 Конвенции, принципу, согласно которому Европейский Суд должен принимать решение на основании доказательств в юридическом смысле этого слова. Поэтому я не могу согласиться ни с подходом большинства судей, ни с выводом, к которому оно пришло.

33. На основании изложенных выше соображений я полагаю, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 18 Конвенции во взаимосвязи со статьей 5 Конвенции.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2019. № 3 (примеч. редактора).